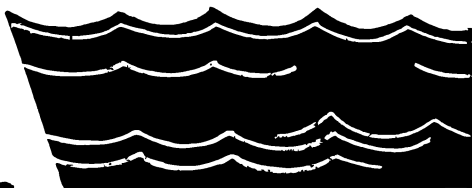
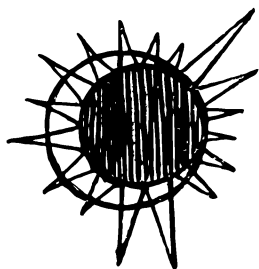

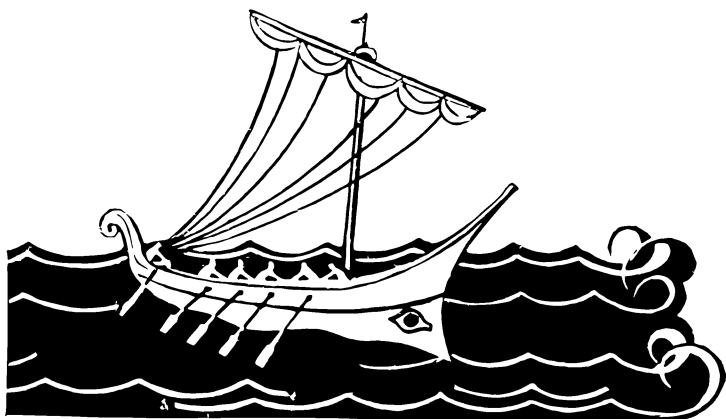
ЗНАМЕНИТЫЕ ГРЕКИ

ЗНАМЕНИТЫЕ ГРЕКИ

ЗНАМЕНИТЫЕ ГРЕКИ

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ,
СОСТАВЛЕННЫЕ ПО ПЛУТАРХУ

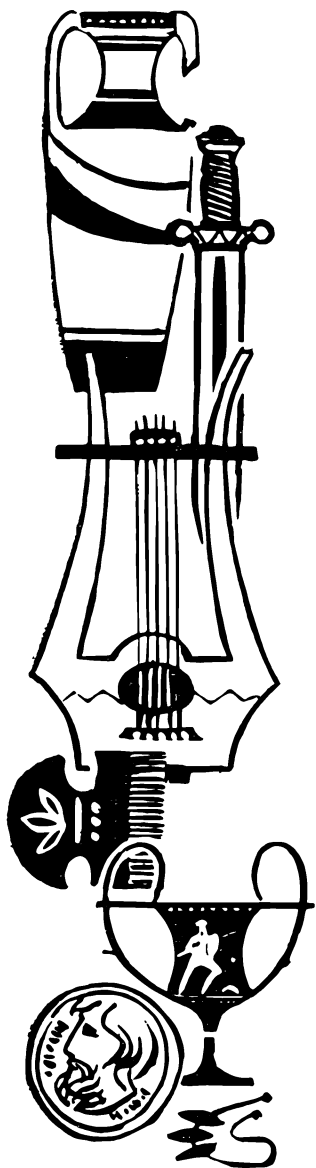
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»
Москва 1968

Авторы переложения
М. Н. БОТВИННИК
Г. А. СТРАТАНОВСКИЙ

Издание второе

Scan AAW

ВВЕДЕНИЕ

Греческий ученый и общественный деятель Плутарх из Херонеи (около 46—120 гг. н. э.) жил девятнадцать веков назад. Он происходил из знатной и богатой семьи, получил прекрасное образование в Афинах и Александрии — культурных центрах тогдашнего греческого мира. Еще в юности Плутарх изучил всю историческую литературу греков и стал одним из самых образованных людей своего времени.

В эпоху Плутарха Греция давно утратила независимость и превратилась в одну из провинций Римской империи. Римские завоеватели жестоко угнетали подчиненные народы. Однако с греками они обращались несколько мягче, понимая, что высокие достижения замечательной эллинской культуры могут принести Риму большую пользу.

«Греция, взятая в плен, победителей диких пленила», — писал один из поэтов того времени. Вывезенные из Греции мастера долгое время работали в Риме, развивая там строительное дело, скульптуру, живопись. Римская наука и искусство также находились под сильным влиянием греков.

Исключительная образованность Плутарха сделала его желанным гостем в Риме. Он был принят и даже играл некоторую роль при дворе императора Траяна (98—117 гг. н. э.). Соотечественники осыпали Плутарха почестями, справедливо полагая, что уважение, которое ему оказывал император, отразится и на отношении римлян к его землякам. Когда писатель умер (120 г.), ему был сооружен на общественный счет памятник, надгробная надпись которого сохранилась.

Безмятежное благополучие, неизменно сопутствовавшее жизни Плутарха, позволило ему написать такое количество произведений, каким могли похвалиться лишь немногие из античных писателей. До нас дошло 154 работы Плутарха, и более 70 произведений утрачено за те столетия, которые отделяют время писателя от начала книгопечатания.

Среди книг Плутарха большое место занимают сочинения, посвященные политическим, религиозным, педагогическим и близким к ним научным вопросам, но главной темой, над которой всю жизнь работал писатель, была история.

Пристрастие Плутарха к истории не было случайным. В дни, когда римские завоеватели открыто выказывали свое презрение к утратившим независимость грекам, Плутарх стремился найти в прошлом доказательства величия своего народа.

Наибольшим успехом пользовались сочинения Плутарха, которые он назвал биографиями, жизнеописаниями. Биографическая форма не была изобретением Плутарха. Задолго до него александрийские ученые составляли жиз-

неописания великих писателей и мудрецов, но Плутарх был одним из первых, кто ввел биографический жанр в историю. Он стал писать биографии политических деятелей, переплетая рассказ об их жизни с описанием исторических событий, участниками которых они были. Начатое Плутархом биографическое направление исторической литературы продолжало жить и в новое время. Историки многих народов стремились рассказать о прошлом родной страны в биографиях ее политических деятелей и даже называли свои сочинения «Новый Плутарх»¹.

Книги Плутарха называются «Сравнительные жизнеописания», так как почти каждый очерк, посвященный великому деятелю Греции, соединен с биографией знаменитого римлянина, жизнь или характер которого имеет какие-либо, хотя бы внешние, черты сходства с жизнью или характером грека.

Такое необычное объединение биографий людей, живших в различных исторических условиях, отделенных друг от друга многими столетиями, носит искусственный характер и объясняется прежде всего желанием угодить римским читателям. Римляне усмотрели бы в книге Плутарха дерзкий вызов, если бы писатель стал воспевать подвиги одних только греческих героев.

Плутарх никогда не забывал, что «над головой Греции занесен римский сапог», и старался не сердить завоевателей, чтобы их гнев не пал на него и его сограждан. Римляне интересовались прежде всего историей своего государства и только в дополнение к ней милостиво соглашались познакомиться с прошлым других народов.

¹ Советская наука считает истинными творцами истории народные массы, но биографии политических деятелей, если они связаны с историей народа, продолжают оставаться важным направлением исторической литературы. Об этом свидетельствует широкий интерес к издаваемой у нас серии «Жизнь замечательных людей».

Двадцать три пары биографий знаменитых греков и римлян сделали Плутарха одним из самых известных писателей и историков древнего мира. Каждая биография Плутарха — законченное художественное произведение, в котором жизнь человека прослежена от рождения и до самой смерти, все факты тщательно отобраны и подчинены единой идее. Замечательный талант Плутарха подсказал ему единственно верный для произведений такого рода принцип отбора материала.

«Мы пишем не историю, а жизнеописание,— говорится в биографии Александра Македонского.— Часто какой-нибудь ничтожный поступок, словцо или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов. Подобно тому как художники, мало обращая внимания на прочие части тела, добиваются сходства благодаря точному изображению лица и выражению глаз, в которых проявляется характер человека, так и мне,— продолжает Плутарх,— пусть будет позволено составлять жизнеописание, проникая в то, что составляет духовный мир человека, предоставив другим воспевать великие дела и битвы».

Увлекаясь описанием человеческих судеб, показывая людей, достойных подражания, Плутарх часто отбрасывает ценные исторические свидетельства, если они характеризуют его героев с отрицательной стороны или идут вразрез с придуманным им драматическим сюжетом. Рисуя яркий художественный образ человека при помощи мелких штрихов, Плутарх создает произведение, напоминающее скорее психологический роман, чем историческое исследование. В этом одновременно сила и слабость его биографий. Материал, отобранный Плутархом, далеко не всегда достоверен.

В одной из своих работ Плутарх пишет:

«Справедливость требует, чтобы историк говорил о своих героях то, что считает истиной. Если же нельзя

установить истину, нужно, чтобы историк рассказывал о своих героях хорошее, а не плохое».

Руководствуясь этим правилом, Плутарх часто умалчивает о фактах, которые, с его точки зрения, противоречат характеристике описываемого человека. Добросовестный историк, он никогда не выдумывает и не извращает фактов. Но иногда, когда для писателя важно было подчеркнуть значение какой-либо черты характера, ведущей человека к гибели, Плутарх охотно пользуется сомнительными свидетельствами, отыскивая их у малоизвестных, не внушающих доверия историков.

Такой подход к источникам часто заставляет нас с недоверием относиться к Плутарху-историку. И вместе с тем мы не можем не любить Плутарха, замечательного художника слова, посвятившего всю свою долгую жизнь изучению прошлого родного народа. С таким искренним чувством ведет он свой рассказ, что современного читателя, как некогда самого Плутарха, волнуют горе и радости знаменитых людей древней Греции и древнего Рима.

Велико также воспитательное значение биографий Плутарха. Сам писатель видел основную цель своей работы в том, чтобы его книги вызвали стремление подражать замечательным людям, судьбы которых он описывал.

«Бесполезны,— пишет Плутарх в биографии Перикла,— такие произведения, которые не возбуждают стремления к подражанию: доблестными делами люди не только восхищаются, но и желают подражать тем, кто их совершает».

Плутарху удалось достигнуть своей цели: читателю хочется подражать полюбившимся ему героям. Недаром выдающиеся люди многих поколений, воспитывавшиеся на биографиях Плутарха, вспоминают о глубоком влиянии, которое оказали на них его книги. Суворов и Наполеон, деятели французской буржуазной революции и декабристы увлекались героями Плутарха и стремились им подражать. Один из первых социалистов-утопистов, Бабеф, взял себе даже имя республиканского героя древности Гракха,

которому посвящена одна из биографий Плутарха. Известные трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра» представляют собой драматургическую переработку написанных Плутархом биографий.

Можно привести еще немало имен ученых, писателей, полководцев, воспитанных на биографиях Плутарха. Его книги с увлечением читали люди многих поколений.

И в наше время биографии Плутарха вызывают интерес у многих, особенно у молодежи. Однако подлинный текст Плутарха представляет для современного читателя почти непреодолимые трудности. Обилие мало кому известных имен, непонятных исторических терминов заслоняет художественные достоинства биографий. Переводчику необходимо объяснять чуть ли не каждое второе слово. Отвлекаемый непрерывными примечаниями, читатель постепенно теряет интерес к фабуле рассказа.

Историки-популяризаторы уже более ста лет назад стали составлять пересказы биографий Плутарха, чтобы сделать замечательного писателя древности доступным для детей и юношества. Эти пересказы имели большой успех и неоднократно переиздавались. К сожалению, авторов этих переработок нередко интересовало в творчестве Плутарха как раз то, что нам сейчас представляется наименее ценным. История народов объяснялась характерами великих людей, стоявших во главе государств, много места уделялось всякого рода предзнаменованиям. Все это сделало невозможным использование старых переработок Плутарха и поставило задачу создания нового пересказа биографий.

В книге «Знаменитые греки» авторы попытались заново пересказать Плутарха. Были удалены затемняющие смысл событий подробности, отступления от основной линии повествования, многочисленные имена второстепенных действующих лиц. Чтобы избежать искажения исторической перспективы, в необходимых местах были добавлены некоторые факты, взятые у других древних авторов. В тех местах, где отход от текста Плутарха мог лишить биогра-

фию ее композиционного единства и художественной целостности, авторы сохраняли даже малодостоверные места. В этих случаях свидетельства других, более достоверных, источников и объяснения современных ученых приведены в примечаниях.

Однако и в настоящем виде биографии знаменитых греков не могут дать всестороннего представления о ходе и причинах исторических событий. Эту цель не преследовали ни сам Плутарх, ни авторы переложения.

Книга «Знаменитые греки» посвящена судьбам людей, чьи имена связаны с наиболее важными, поворотными моментами древней истории.

Для характеристики древней Спарты много материала дают биографии Ликурга, Агиса и Клеомена. Каждый историк знает, какое значение имеет биография Солона для изучения причин возникновения Афинского государства. Ведь именно на материале этого источника построена посвященная Афинам глава замечательной работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ярко иллюстрируют историю греко-персидских войн жизнеописание Фемистокла и Аристиды. Отрывки из Плутарховых биографий Перикла и Демосфена включены в школьные учебники по истории древнего мира, но, чтобы получить полное представление об этих государственных деятелях, нужно познакомиться с биографиями в целом. Как увлекательный роман, разворачивается в биографии Александра жизнь этого выдающегося полководца древнего мира. Именно из этой книги черпают историки сведения о детстве Александра, об укрощении им коня Буцефала, о ставшем знаменитым разговоре полководца с философом Диогеном, о том, как юношеское честолюбие мальчика переродилось впоследствии в деспотизм и манию величия.

Некоторые очерки выходят за пределы нынешней школьной программы — это биографии Никия, Алкивиада и Лисандра, освещающие эпоху Пелопоннесской войны, и

жизнеописания Агиса и Клеомена, рисующие картины революционной борьбы в Греции после македонского завоевания. Эти очерки призваны удовлетворить запросы тех, кто стремится расширить свои познания и хочет познакомиться с общей картиной развития древней Греции.

Изложение Плутарха ценно еще и тем, что писатель уделяет много места вопросам организации войска, органам государственной власти, быту, религиозным представлениям и культуре древних греков и римлян. В биографиях встречаются подробные описания революционных переворотов, знаменитых сражений, которые нельзя найти ни в одном другом историческом источнике.

Авторы этой книги стремились полностью передать ту часть изложения Плутарха, которая сохранила познавательную ценность. Тем же из наших читателей, которых увлечет творчество великого биографа древности, можно рекомендовать полный перевод «Сравнительных жизнеописаний», выпущенный в трех томах издательством «Наука» (М., 1961—1964), а также снабженные подробными комментариями «Избранные биографии Плутарха» (М.—Л., 1941).

Пересказ биографий Ликурга, Аристиды, Перикла и Александра Македонского сделан М. Н. Ботвинником. Г. А. Стратановский изложил биографии Солона, Фемистокла, Никия, Алкивиада, Лисандра, Агесилая, Пелопида, Демосфена, Агиса и Клеомена.

ЛИКУРГ

Ни один из рассказов о великом спартанском законодателе Ликурге не может считаться вполне достоверным. О его происхождении, государственной деятельности и смерти существует много разноречивых известий¹. Но больше всего споров вызывает вопрос о времени его жизни. Большинство древних ученых считали, что Ликург

¹ В настоящее время многие ученые полагают, что сведения о спартанском законодателе Ликурге настолько противоречивы, что нет оснований считать его исторической личностью. Законы, якобы введенные Ликургом, на самом деле были установлены в Спарте частично в VIII, но главным образом во второй половине VII в. до н. э. Несмотря на заведомую недостоверность биографии Ликурга, она содержит ценный материал о быте и законах спартанцев в эпоху наивысшего могущества и расцвета их государства.

жил в эпоху учреждения Олимпийских игр и даже принял участие в выработке правил проведения этих общегреческих состязаний.

Незадолго до правления Ликурга в Спарте начались смуты. Народ был недоволен своими правителями, богатые угнетали бедных, и часто дело доходило до открытых уличных столкновений. В одной из таких стычек был убит пытавшийся разнять дерущихся отец Ликурга. Он был царем Спарты, и, согласно обычаю, его власть перешла к старшему сыну Полидекту, брату Ликурга. Так как Полидект скоро тоже скончался, не оставив детей, то Ликург стал единственным наследником царского престола. Однако вскоре после воцарения Ликург узнал, что царица, жена его умершего брата, ждет ребенка. Ликург объявил, что если ребенок его брата окажется мальчиком, он передаст ему престол, а сам, пока ребенок не вырастет, будет управлять государством в качестве опекуна.

Вдова брата полюбила Ликурга и хотела, чтобы он стал ее мужем. Она предполагала, что Ликургу тяжело будет отказаться от царского достоинства, к которому стремится столько людей, способных ради этого на любые преступления. Поэтому царица пообещала Ликургу, что если он женится на ней, то она убьет своего ребенка и никто, кроме Ликурга, не сможет притязать на престол в Спарте. Но Ликург не хотел власти, добытой нечестным путем. Он побоялся сразу ответить отказом на предложение царицы, опасаясь, как бы она, обезумев от любви, не убила ненавистного ей ребенка.

Ликург сказал царице, что он сумеет, пользуясь своей царской властью, устранить стоящего на пути к их счастью ребенка. Уговорив таким образом не подозревавшую обмана царицу ничего не предпринимать без его ведома, Ликург отправил к ней нескольких преданных ему людей для того, чтобы сразу после рождения ребенка они отняли младенца у матери и принесли его к нему.

Царица родила наследника. Когда мальчика принесли к Ликургу, он, к удивлению родственников царицы, знавших о ее планах, положил младенца на трон и сказал: «Вот ваш царь, спартанцы! Давайте назовем его Харилаем, и пусть он правит нами на радость народа!»¹.

¹ Харилэй — по-гречески значит «любезный народу».

За недолгое свое правление Ликург успел заслужить любовь и уважение сограждан. Люди слушались его не только потому, что он был правителем государства, но и потому, что он был мудрым и справедливым человеком. Однако у Ликурга были не только друзья, но и противники. Особенно ненавидели его родня и приближенные отвергнутой им царицы. Они всячески старались оклеветать его и распространяли слухи, что царский опекун сам стремится захватить престол.

Ликург стал опасаться, что если что-нибудь случится с молодым царем, виновником несчастья будут считать его. Желая избежать клеветы и подозрений, Ликург решил покинуть родину и не возвращаться до тех пор, пока у Харилая не родится наследник. Тогда, даже в случае смерти Харилая, Ликург не должен будет наследовать престол и никому не придет в голову подозревать его в убийстве царя. Отправившись путешествовать, Ликург посетил Крит. Он внимательно изучал государственное устройство Крита для того, чтобы, вернувшись на родину, предложить согражданам ввести в Спарте наиболее удачные из критских законов¹.

Из Крита Ликург отплыл к берегам Малой Азии. Он хотел сравнить простоту и суровость жизни критян с роскошью и изнеженностью малоазийских греков. Так врач сравнивает больной организм со здоровым, чтобы увидеть, в чем состоит болезнь.

В Азии Ликург узнал о существовании поэм Гомера. Эти произведения очень понравились ему, и он переписал их, чтобы познакомить с ними земляков. В Греции в это время уже ходили из уст в уста отрывки из «Илиады» и «Одиссеи», но Ликург, как рассказывают, был первым из европейских греков, кто познакомился с ними целиком. Он считал, что содержащиеся в поэмах правила поведения и морали будут полезны для его сограждан.

Между тем спартанцы жалели об отъезде Ликурга и не раз приглашали его вернуться. Они говорили, что

¹ Рассказом о пребывании Ликурга на Крите древние писатели пытались объяснить большое сходство в государственном устройстве Крита и Спарты. Современная наука объясняет это сходство тем, что и Спарта и Крит принадлежали к типу земледельческих государств Греции, стоявших на одном уровне экономического развития.

царь должен отличаться от своих подданных не одним только титулом, что он должен обладать достаточным авторитетом, чтобы властвовать и влиять на своих сограждан.

Ликург считал, однако, что отдельными мелкими реформами невозможно оздоровить строй Спарты, а следует решительно изменить все порядки в государстве. Он не был уверен, что призывавшие его граждане дадут ему возможность провести необходимые коренные преобразования, и поэтому, прежде чем вернуться в Спарту, Ликург решил узнать мнение дельфийского оракула¹.

Пифия встретила входящего в храм Ликурга следующими словами:

Вижу тебя я, Ликург, пришедшего в храм мой богатый,
Зевса любимца и всех великих богов на Олимпе.
Как мне тебя называть, я не знаю: хоть схож с человеком,
Все же тебя назову я бессмертным скорее, чем смертным.

Когда же Ликург попросил посоветовать ему лучшие законы, пифия ответила, что лучше его законов не будет иметь ни одно государство. Это предсказание ободрило Ликурга, и он решил вернуться в Спарту, где в это время правил его слабохарактерный племянник Харилай и государственные дела находились в полном беспорядке.

Прежде всего Ликург открылся своим друзьям, затем постепенно привлек на свою сторону еще многих граждан. Когда ему показалось, что наступил подходящий момент и число его приверженцев достаточно велико, он с 30 вооруженными друзьями из самых знатных семей занял городскую площадь, чтобы подавить возможное сопротивление. Харилай, думая, что заговор направлен против него, бежал и скрылся в храме Афины. Убедившись вскоре, что ему нечего бояться, Харилай вышел из своего убежища и вместе с остальными аристократами участвовал в преобразованиях.

Важнейшим государственным органом по законам Ликурга стала герусия — совет старейшин (по-гречески —

¹ Дельфийский оракул — общегреческое святилище, жрецы которого, имея обширные связи во всех государствах Греции, часто могли давать дельные политические советы. Предсказания-оракулы давались пифией, жрицей бога Аполлона, обычно в нарочито неясной форме и могли быть истолкованы различно; благодаря этому почти никогда нельзя было доказать, что предсказанное не сбылось.

геронтов) из 30 человек. Герусия разрешала споры и могла давать указания даже царям. Дело в том, что во главе Спарты издревле стояли два царя. Они происходили из двух постоянно враждовавших между собой родов — Агиадов и Еврипontiдов. Так, одновременно с Харилаем, происходившим из рода Еврипontiдов, в Спарте правил Архелай из рода Агиадов. Оба царя ненавидели друг друга: каждый стремился к единоличной, неограниченной власти, которую в Греции называли деспотией. Эта вражда ослабляла государственный строй, и, пользуясь этим, вожди простого народа — дёмоса — стремились свергнуть власть знати и установить демократию — власть народа.

Теперь, по закону Ликурга, цари сохранили свое старое значение только на войне. В походе они по-прежнему обладали властью над жизнью и смертью граждан. В мирное же время спартанские цари входили в герусию в качестве рядовых членов. Остальные 28 членов герусии выбирались народом пожизненно из числа стариков не моложе 60 лет.

Выборы назначались, когда кто-либо из геронтов умирал, и таким образом общее число членов герусии — 30 человек, включая царей, оставалось неизменным. Это число, по мнению древних, определилось тем, что именно 30 аристократов вышли некогда с Ликургом на площадь, чтобы добиться преобразований. Эти аристократы были первыми членами герусии. Состав герусии постоянно обновлялся, но в течение всей истории Спарты совет старейшин сохранял аристократический характер. Хотя по закону любой спартанец, достигший 60 лет, мог стать геронтом, но обычно в герусию выбирали старцев из числа наиболее влиятельных семей.

Чтобы цари, геронты и народ не спорили между собой из-за власти, Ликург составил между ними соглашение — закон о разделении власти, который потом называли «Ликургова рётра»; считали, что оно было внушено законодателю самим богом Аполлоном.

Содержание этой ретры¹ таково. «Пусть,— говорилось в законе,— народ будет разделен на филы и обы, пусть

¹ Само слово «рётра» — устное соглашение, устный закон — указывает на древнее происхождение этого постановления. Об этом же говорит и тот факт, что наряду с обычным для всякого государства разделением граждан по территориальному признаку (5 об —

в герусию входит вместе с царями 30 человек, а народ время от времени собирается у реки Еврота на собрания. Там пусть народу предлагают решения, которые он может принять или отклонить. У народа пусть будет высшая власть и сила».

Аристократы были недовольны этим законом, представлявшим окончательное решение всех вопросов народу. После смерти Ликурга к ретре было сделано добавление: «Если народ примет неправильное решение, геронты и цари могут отвергнуть его и распустить народное собрание». Чтобы убедить народ согласиться на это добавление, сводящее на нет верховную власть народа, аристократы говорили, что это повеление бога Аполлона, сообщенное оракулом в Дельфах:

Высшую власть в совещаньях царям передать богоравным
Следует — дóрог ведь им Спарта, прекраснейший град!
Геронтов-старцев совет на втором пусть находится месте,
Должен в собраниях народ «да» или «нет» отвечать!

С этого времени, по-видимому, окончательно установился порядок проведения народных собраний в Спарте. Площадь, где происходили собрания, не была украшена: не было здесь ни портика — галереи для защиты от солнца, ни статуй, ни зданий, стены которых были бы украшены картинами или скульптурами. Спартанцы боялись, как бы удобства и красота места не породили бы в ораторах многоречивость, что привело бы к долгим собраниям. На открытой, не защищенной от ветра площади, где негде было даже присесть, собрание шло быстро. Выслушав речь царя или геронта, народ криком одобрял или отвергал внесенное предложение. Никому, кроме царей и геронтов, не разрешалось высказывать свое мнение, но и выступления правителей обычно не были длинными.

Такой порядок ведения государственных дел давал возможность аристократам почти бесконтрольно решать все

областей) сохранено и старинное племенное деление (3 филы — племена). Особенно важно, что в постановлении сохраняются характерные для первобытнообщинного строя черты верховной власти народа, исчезнувшие впоследствии в связи с засильем аристократии. Старинный язык документа также доказывает, что он был составлен значительно раньше времени, к которому относятся остальные приписываемые Ликургу реформы.

вопросы управления. Однако народ не желал терпеть несправедливости, и через 130 лет после правления Ликурга, когда царем в Спарте был Феопомп¹, была учреждена должность *эфóров*. Правда, некоторые древнейшие писатели утверждают, что эта должность существовала еще и при Ликурге, но первоначально эфоры были просто жрецами-прорицателями² и не играли роли в управлении государством. Со времени же Феопомпа начали регулярно выбирать по одному эфору от каждой из пяти областей Лаконики, и они стали правителями государства. В отсутствие царей они вершили суд и расправу над гражданами. Главной их обязанностью было проверять деятельность должностных лиц и следить, чтобы все выполняли спартанские законы. В случае нарушений они могли карать даже царей.

Жена царя Феопомпа упрекала его за то, что он предоставил эфорам слишком большую власть, говоря, что теперь он передаст детям меньшую власть, чем сам получил от отца. Отвечая ей, царь сказал: «Хоть и меньшую, зато более прочную».

И действительно, контроль за поведением царей привел к тому, что они вынуждены были больше считаться с народом, следить, чтобы их образ жизни не вызвал народного гнева. Может быть, именно поэтому царская власть сохранилась в Лаконике значительно дольше, чем у народов, населявших соседние со Спартой области Пелопоннеса.

Самым важным и смелым из преобразований, проведенных Ликургом, был передел земли. Все богатство в это время скопилось в руках немногих аристократов, а бедняки, потерявшие свою землю, угрожали восстать и уничтожить

¹ Цари Полидóр и Феопóмп правили в конце VIII в. до н. э. При них шло завоевание лежащей на запад от Лаконики плодородной Мессении. По-видимому, связанное с тяжелой войной напряжение обострило борьбу народа и знати и вызвало учреждение эфóра́та.

² Само слово «эфор» означает по-гречески «наблюдатель», «наблюдатель». Так назывались жрецы, в обязанность которых входило наблюдать за звездами. Через определенное количество лет эфоры должны были проверять по звездам, угодны ли богам правящие в Спарте цари. Если во время наблюдения за ночным небом падала какая-нибудь звезда, это означало, что один из царей должен быть смещен.

власть богачей. Ликург убедил сограждан отказаться от владения землей в пользу государства, с тем чтобы никто больше не мог продавать или покупать землю. Всю землю разделили на равные участки, и каждая спартанская семья получила равный надел¹. Этим Ликург хотел уничтожить бедность и богатство и заставить всех граждан жить в одинаковых условиях, чтобы никто не был выше другого. Каждый участок мог обеспечить семью ячменной мукой, растительным маслом и вином, чего, по мнению Ликурга, было достаточно человеку, чтобы сохранить здоровье и не нуждаться в самом необходимом.

Чтобы окончательно уничтожить всякое неравенство, Ликург хотел переделить не только землю, но и движимое имущество.

Однако он понимал, что богачи никогда не согласятся на это, и решил обмануть корыстолюбивых людей. Для этого он убедил их признать законы, которые сделали богатство бесполезным грузом, так что многие сами рады были отказаться от своей собственности.

Прежде всего он запретил пользоваться золотой и серебряной монетой и приказал принимать только железные деньги. Чтобы сделать железо, из которого готовились новые деньги, совершенно бесполезным, Ликург приказал опускать его раскаленным в уксус. Этим он лишал металл твердости, делал его хрупким и совершенно негодным для каких-либо изделий.

Эти деньги были настолько громоздки и стоили так мало, что, для того чтобы держать дома несколько сот рублей, нужно было строить большую кладовую и перевозить в нее деньги на телеге.

Благодаря новой монете в Спарте прекратились преступления: кто решился бы воровать, брать взятку или грабить, раз нельзя было скрыть свою добычу?

Затем Ликург запретил в Спарте все бесполезные

¹ Передел земли и все последующие реформы, приписываемые Ликургу, произошли, судя по сведениям других источников и археологическим данным, не раньше VII в. до н. э. Нет ничего невероятного в том, что в это время в Спарте действовал какой-то выдающийся организатор народа и законодатель, но так как спартанские законы не были записаны, то и имя Ликурга не встречается ни в одной надписи. Передел земли не мог быть результатом убеждений Ликурга, а был вызван ожесточенной классовой борьбой, в которой знать вынуждена была пойти на уступки,

ремесла. Впрочем, даже если бы Ликург не изгонял ремесленников, они исчезли бы сами, так как их вещи не находили сбыта. Железные деньги не шли в других государствах: на них ничего нельзя было купить, и приезжие ремесленники только смеялись, когда кто-либо предлагал им заплатить железными деньгами. Таким образом, роскошь исчезла в Спарте, и богач не имел теперь никакого преимущества перед бедным, так как не мог использовать своего богатства.

Третьим проведенным Ликургом преобразованием, также направленным на уничтожение стремлений граждан к накоплению богатств, было учреждение сисситий. Сисситии (которые в Спарте назывались также фидитиями) были совместными обедами свободных спартанцев. Но сиссития была не просто общим обедом, это было товарищество из 15—20 человек, называвшихся сисситами, служивших обычно в одном военном подразделении и связанных тесной дружбой.

Для того чтобы все члены сисситии стали друзьями и готовы были умереть друг за друга, каждый вновь вступающий проходил проверку. Во время обеда новичка вводили в палатку, где ели сисситы, и раб с чашей на голове обходил всех присутствующих. Тот, к кому подходил раб, скатывал шарик из хлеба и кидал его в чашу, стоящую на голове раба. Никто не мог увидеть, если кто-нибудь опускал шарик, слегка сдавливая его пальцами. Сдавленный шарик означал, что кто-то не хочет принять новичка, и этого было достаточно, чтобы его просьбу отклонили.

Нельзя было допустить, чтобы хотя бы два человека в сисситии не любили друг друга. Это могло внести раскол в товарищество и привести к страшным последствиям, если сисситам придется сражаться плечом к плечу на поле боя. Каждый сиссит должен был ежемесячно вносить в общий котел одну меру ячменя (на каждый день выходило около 2 кг), немного сыра, фруктов, несколько кружек вина¹. Кроме того, каждый, кто приносил жертву богам, посылал в сисситию лучшую часть убитого животного. Охотники тоже приносили часть своей добычи.

¹ Греки разбавляли вино водой, и этот напиток служил им вместо нашего чая; разбавленное вино лучше, чем простая вода, утоляет жажду и не вызывает опьянения.

Тот, кто опаздывал из-за жертвоприношения или охоты, мог обедать дома, но остальные должны были приходить к обеду вовремя. Спартам было запрещено приходить на сисситии сытыми. Все строго наблюдали за тем, чтобы никто не оставлял свою порцию несъеденной. Это было признаком того, что сиссит поел где-то в другом месте, а это означало, что он считает общий стол недостаточно хорошим для себя. Такой человек подвергался штрафу, а мог и вовсе быть исключенным из сисситии.

Любимым кушаньем сисситов была черная похлебка. Она готовилась из чечевицы и бычьей крови. Особенно любили ее старики, которые даже отказывались ради нее от мяса, отдавая свою долю молодым.

Один из иноземных царей хотел попробовать похлебку и специально для этого купил себе спартанского повара. Повар приготовил кушанье, но царь, попробовав, стал плевать.

— Что ты приготовил? — закричал он. — Это варево невозможно есть!

— Царь, — ответил повар, — прежде чем есть черную похлебку, нужно выкупаться в Евроте.

Тяжелые физические упражнения и скудость пищи делали вкусным то, что другим грекам казалось несъедобным.

На сисситии часто приходили дети. Считалось, что им полезно слушать разговоры и перенимать опыт старших. Кроме того, мальчики учились высмеивать недостатки, не оскорбляя людей. Когда мальчики впервые переступали порог палатки, где обедали спартамцы, старший из сисситов говорил: «За эту дверь не должно выйти ни одно произнесенное здесь слово».

Спартамских мальчиков приучали к мысли, что обижаться на шутку глупо и недостойно спартамца. Находились все-таки люди, не переносившие шуток. Достаточно было такому человеку сказать, что смех ему неприятен, и насмешник сразу умолкал.

Вводя обязательные совместные трапезы, Ликург лишил богачей в Спарте возможности вкусно поесть — одной из главных радостей, которые может дать богатство. Именно введение сисситий больше всего восстановило богачей против Ликурга. Они до того были злы на правителя, что однажды побили его палками и выбили ему глаз.

Народ, однако, заступился за Ликурга и наказал богачей. Обычай обедать вместе сохранялся в Спарте в течение многих столетий.

Кроме закона о сисситиях, Ликург издал еще ряд законов против роскоши. Он, например, запретил пользоваться сложными плотничьими инструментами и требовал, чтобы дома спартанцев были сделаны при помощи топора и пилы. Ликург понимал, что в дом, построенный таким образом, не сможет проникнуть роскошь. К бревенчатым стенам не подойдут пурпурные ковры, золотые кубки или кровати на серебряных ножках.

Один из законов Ликурга запрещал долго вести войну с одним и тем же противником. Ликург считал, что не следует позволять врагам непрерывно упражнять войско: это может привести к тому, что соседи не будут уступать в воинственности самим спартанцам.

Законы Ликурга не были записаны. По его мнению, все, что важно и необходимо для счастья государства, должно войти в обычай и образ жизни граждан с самого раннего детства. Вот почему все его заботы как законодателя были обращены на воспитание детей.

Ликург считал, что заботу о детях надо начинать с заботы об их матерях. Женщина должна быть здоровой и веселой. Только тогда ее дети будут крепкими и сильными. По законам Ликурга девушки должны были бегать, бороться, бросать диск, метать копье. Подобно юношам, они должны были присутствовать на праздниках, участвовать в плясках и петь в хоре. В своих песнях девушки славил сильных и храбрых и возбуждали у молодежи горячее желание отличиться.

Женщины в Спарте участвовали в соревнованиях, в которых они могли показать свое мужество и приобрести славное имя. Вот как ответила спартанская царица Горго одной иностранке, когда та упрекала спартанок в том, что женщины у них распоряжаются своими мужьями. «Но ведь мы и рожаем мужей», — сказала царица.

Оставаться холостым считалось в Спарте позорным. По приказу властей холостяки должны были зимой раздетыми обходить рыночную площадь и петь песню, в которой говорилось, что они наказаны за неповиновение обычаям. Молодые люди не оказывали холостякам тех знаков уважения, которые принято оказывать старшим. Рассказывают, что когда однажды холостой полководец вошел

в палатку, один молодой человек не встал, чтобы его приветствовать. В ответ на замечание юноша сказал: «Я не обязан вытягиваться перед тобой, ведь у тебя нет сына, который будет впоследствии вставать передо мной». И этот ответ признали справедливым.

В Спарте отец не имел права решать судьбу своего ребенка. Сразу после рождения сына отец приносил его в назначенное место, где заседали старейшины. Внимательно осмотрев младенца, старцы, если находили его здоровым и крепким, разрешали отцу растить ребенка и отводили новорожденному надел земли. Если же ребенок оказывался слабым, его приказывали бросить в пропасть, считая, что самому ему лучше не жить и для государства полезнее будет, когда среди граждан не будет слабых и больных.

Женщины обмывали новорожденных не водой, а вином, так как существовало поверье, что дети, пораженные падучей или другими болезнями, умирают от вина, тогда как здоровые становятся только крепче. Детей не пеленали, отучали от страха перед темнотой и одиночеством, от капризов и нытья, заставляли есть всякую пищу. Дети вырастали такими здоровыми, что спартанские няньки славились по всей Греции.

Никто не имел в Спарте права воспитывать детей по своему усмотрению. Купленные или наемные педагоги не допускались к детям. В семь лет мальчиков отбирали от родителей и, объединив в небольшие отряды, воспитывали сообща, приучая к суровой дисциплине. Во главе каждого отряда (который назывался агелой) стоял человек, прославившийся рассудительностью и мужеством. Дети во всем брали с него пример, подчинялись ему и покорно терпели наказания. Старики наблюдали за игрой ребят и часто, нарочно ссоря их, вызывали драки, чтобы выяснить, кто из детей храбрее.

Грамоте мальчиков учили только в пределах необходимости, чтобы они умели прочитать приказ или подписать свое имя. Остальное обучение заключалось в том, чтобы научить детей безоговорочно повиноваться, терпеливо переносить лишения и побеждать в битвах.

По мере того как мальчики вырастали, их воспитывали во все более суровых условиях: стригли наголо, заставляли ходить босиком и в любую погоду играть голыми. Когда детям исполнялось двенадцать лет, им выдавали

плащ, который они должны были носить круглый год. Горячей водой им разрешали мыться всего несколько раз в году. Спали они все вместе на связках тростника, который приносили себе сами с берегов Еврота, ломая его там руками.

Старшие обращали на детей большое внимание, ходили в школы, наблюдали за занятиями. За детьми смотрел воспитатель — «педонóm», и, кроме того, они сами выбирали в каждой агеле вожака — самого сильного и умного юношу. Выбирались только те юноши, которые уже более года как вышли из детского возраста. Такие юноши назывались ирёнами. Двадцатилетний ирен командовал в сражениях, которые мальчики разыгрывали, чтобы привыкнуть к войне.

Дети обязаны были сами добывать себе дрова и пропитание. Все, что они приносили, было ворованным. Одни отправлялись в сады, другие прокрадывались в сисситии, стараясь проявить наибольшую хитрость и осторожность. Юным спартамцам умышленно выдавали слишком скудное питание, чтобы научить их собственными силами бороться с лишениями и сделать из них людей ловких и хитрых. Им приходилось не только тайно выкрадывать продукты, но иногда даже нападать на сторожей и силой отбирать необходимое. Попадавшегося без пощады били плетью, как плохого, неловкого вора, и заставляли голодать.

Боясь наказания, мальчики старались любой ценой скрывать свои преступления. Так, один из них, рассказывают, украл лисенка и спрятал его у себя под плащом. Зверь распорол ему когтями и зубами живот, но, не желая выдать себя, мальчик крепился и не закричал, пока, обливаясь кровью, не упал мертвым. Этому вполне можно поверить, зная, что многие из мальчиков умирали во время бичевания на алтаре Артемиды¹.

После обеда ирен, не выходя из-за стола, проводил с мальчиками нечто вроде занятий: одним он приказывал

¹ В Спарте в течение ряда столетий сохранялся обычай при переводе мальчиков в ирёны подвергать их публичному бичеванию. На алтаре богини Артемиды юноши должны были доказать свое мужество и пренебрежение к боли. Не желая обнаружить свою слабость, некоторые умирали под бичами, но не издавали ни одного крика. Этот обычай, связанный с осквернением кровью алтаря богини, возможно, был заменой существовавших в глубокой древности человеческих жертвоприношений.

петь, другим задавал различные вопросы. Вопросы эти должны были научить детей отличать хорошее от дурного и судить о поведении людей. Если мальчик не мог объяснить, какого человека он считает достойным имени спартанского гражданина или какой поступок лишает человека права на уважение, то его считали умственно отсталым и ирену приказывали обратить внимание на его развитие.

Ирен часто наказывал детей в присутствии стариков, чтобы те могли судить, правильны ли его приемы воспитания. Во время наказания старшие никогда не вмешивались в распоряжения юноши, но после того как дети уходили, с него взыскивали, если он наказал строже, чем следовало, или был чересчур мягок и снисходителен.

Детей учили выражать свои мысли коротко и точно¹. Ликург хотел, чтобы немного простых слов заключали в себе много смысла. Сам Ликург всегда выражался кратко и отрывисто. Когда кто-то стал требовать, чтобы Ликург ввел в государстве демократию, он сказал: «Введи сперва демократию у себя дома».

Однажды спартанцы спросили Ликурга: «Как сделать, чтобы соседние страны не нападали на нас?» Он отвечал: «Оставайтесь бедными и не будьте ни в чем богаче соседей».

В другой раз он выразился об укреплениях города так: «Если город укреплен людьми, а не кирпичами, то у него есть стены!»

Вообще спартанцы любили короткие и остроумные ответы. Когда человек говорил умно, но некстати, ему говорили: «Ты говоришь дело, но не к делу».

Одного философа ругали за то, что на званом царском обеде он не сказал ни слова. Защищая его, царь заметил: «Кто умеет говорить, умеет и выбирать для этого время».

Один человек надоел спартанскому царю вопросами, кто лучший из спартанцев. Никто не удивился, когда царь ответил ему: «Тот, кто меньше всего похож на тебя».

Многие восторгались беспристрастностью устроителей Олимпийских игр при присуждении премий. «Что ж

¹ Недаром современное слово «лаконизм» (краткость в выражении мысли) происходит от названия области спартанцев — Лаконики,

удивительного,— сказал спартанец,— если люди один день в четыре года умеют быть справедливыми».

Когда у царя Архидама спросили, много ли в Спарте войска, он сказал: «Хватит, чтобы прогнать трусов».

Один афинянин высмеивал короткие спартанские мечи, Царь Агис сказал ему: «Это, однако, не мешает нашим коротким мечам доставать неприятеля».

Из ответов спартанцев можно составить представление о тех правилах поведения, которых они придерживались. С детских лет спартанцы приучались без особой необходимости не высказывать своих суждений и говорили только то, что необходимо.

Одного спартанца приглашали послушать человека, подражавшего пению соловья. «Я слышал самого соловья»,— ответил он.

Другому обещали подарить петухов, которые дрались, пока не умирали на месте¹. «Нет,— сказал он,— ты дай мне таких, которые убивают других».

Однажды спартанец прочел надгробную надпись на братской могиле. После перечня имен шли слова: «Когда они тушили пламя тирании, они пали в бою».

— Так им и надо! — неожиданно сказал спартанец.— Не следовало тушить пламя тирании. Пусть бы сгорела дотла!

Такое же внимание, как на точность и ясность речи, в Спарте обращали на хоровое пение. Спартанские песни были мужественны, просты и безыскусственны, но вместе с тем серьезны и поучительны. Это были или хвалебные песни, прославляющие павших за Спарту, или песни, порицавшие трусов и призывавшие к подвигу. Вот, например, одна из спартанских песен. Хор стариков начал и пел: «Когда-то мы были молоды и храбры!»

Старикам отвечал хор мужчин: «Теперь храбры мы! Попробуй, если хочешь!»

Детский хор подхватывал: «А мы со временем храбрее всех вас будем!»

¹ Одной из самых распространенных забав в древней Греции были петушиные и перепелиные бои. Этому зрелищу придавали большое воспитательное значение, так как считали, что петухи показывают пример, как следует бороться до последней возможности. Птиц для боев специально тренировали, и хорошие боевые петухи стоили очень дорого,

Музыке в Спарте придавали очень большое значение. В бой спартанцы шли под звуки флейт. Спартанский поэт говорит: «Хорошая музыка действует на душу не меньше, чем оружие». Считали, что спартанский царь приносил перед сражением жертвы музам для того, чтобы напомнить воинам необходимость совершать подвиги, достойные прославления в песнях.

Когда юноши становились воинами, строгость их воспитания несколько смягчалась. Им разрешали следить за красотой платья, волос и оружия. Перед боем юноши старались особенно тщательно украсить себя: они расчесывали волосы и смазывали их маслом, помня изречение Ликурга: «Волосы красивых делают красивее, безобразных — еще безобразнее».

В походах гимнастические упражнения молодежи были не такими трудными, да и в остальном жизнь была легче. Спартанцы были единственным народом, которому война казалась отдыхом по сравнению с бесконечными упражнениями мирного времени.

Когда войско выстраивалось перед битвой, царь приносил жертву богам и приказывал всем воинам надеть венки. Под звуки флейт все начинали петь военную песнь. Величественное и торжественное зрелище представляла шеренга людей, шагавших в такт музыке. Ряды были сомкнуты, ничье сердце не замирало от страха, они шли навстречу опасности с песней, спокойно и весело. Царь шел в бой рядом с воином, победившим на последних Олимпийских играх.

Рассказывают, что одному спартанцу предлагали большую сумму за то, чтобы он сдался и уступил своему сопернику честь победы на Олимпийских играх. Когда он не принял денег и после трудной борьбы одержал победу, его спросили: «Какая тебе польза от твоей победы, что ты ради нее отказался от возможности стать богатым человеком?»

«В сражении я пойду рядом с царем впереди войска», — гордо ответил победитель.

Обратив неприятеля в бегство, спартанцы преследовали его недолго и скоро возвращались. Им казалось низким и недостойным рубить и убивать отступавших врагов. Этот обычай был не только великодушным, но и полезным, так как неприятельское войско, зная, что убивают лишь

сопротивляющихся, часто предпочитало бежать, а не сражаться.

Некоторые историки утверждают, что Ликург сам был очень воинственным. Но скорее правы те, которые считают, что Ликург не участвовал ни в каких войнах и провел свои преобразования в годы, когда Спарта ни с кем не воевала. О его миролюбии свидетельствует тот факт, что ему принадлежит мысль устраивать перемирие каждые четыре года на то время, пока проводятся Олимпийские игры¹.

По замыслу Ликурга воспитание спартанца не заканчивалось в тот момент, когда он становился взрослым. И зрелые люди должны были жить так, как предписывал обычай. Спарта была похожа на лагерь, где был установлен строго определенный образ жизни для каждого. Если спартанцам не давалось никаких других поручений, они смотрели за детьми, учили их чему-нибудь полезному или сами учились у стариков.

У спартанцев было много досуга, так как заниматься ремеслами или другим полезным трудом им было строго запрещено и большую часть времени они проводили в гимназиях или беседовали друг с другом о хороших и дурных поступках. Танцы, игры, охота, песни и гимнастика поглощали все время спартанцев, когда они не были заняты войной.

Когда один спартанец, побывав в Афинах, узнал, что там осудили человека за праздность, он попросил показать ему осужденного за любовь к свободе. Так глубоко спартанцы презирали всякий труд, что нежелание работать они называли «любовью к свободе»².

¹ Обычай запрещения войн на время Олимпийских игр и других крупных религиозных празднеств был введен, возможно, еще в VIII в. до н. э. не только из религиозных соображений, но и с целью облегчения международной торговли. Дело в том, что во время таких общегреческих праздников происходили большие базары-ярмарки.

² Плутарх, как и многие писатели рабовладельческой эпохи, идеализировал строй древней Спарты. В его описании подчеркиваются хорошие стороны спартанского воспитания, в результате которого вырастали мужественные, преданные своей родине, не боящиеся никаких трудностей люди. Но даже Плутарх не мог умолчать о паразитическом характере спартанского образа жизни, при котором праздность рассматривалась как единственное состояние, достойное свободного человека.

Спартанцы могли жить беззаботно, потому что землю за них обрабатывали илоты. Это были потомки поработанного спартанцами населения, оставшиеся жить на тех участках земли, которыми они владели раньше. Они были обязаны отдавать завоевателям значительную часть урожая. Илоты и участки земли, которые они обрабатывали, были равномерно поделены между спартанцами. Каждая спартанская семья получала с принадлежавшего ей участка достаточное количество продуктов.

Так как илотов было значительно больше, чем самих спартанцев, то спартанцы постоянно опасались восстаний. Чтобы предупредить восстания илотов, и были учреждены так называемые крѣптии. Это дало основание обвинять Ликурга в жестокости и несправедливости. Крѣптия заключалась в следующем. Время от времени эфоры посылали за город юношей, вооруженных кинжалами. Днем молодые люди скрывались, а ночью выходили на дорогу и убивали илотов. Чтобы придать этим гнусным убийствам вид законности, эфоры, вступая в должность, объявляли илотам войну. Иногда они направляли большие отряды юношей в деревни, где жили илоты, чтобы внезапным нападением уничтожить самых сильных и смелых из них.

Рассказывают, что однажды спартанцы дали двум тысячам отборных илотов свободу. Радостные, одев венки, обходили илоты храмы, чтобы принести благодарность богам за внезапное счастье. Но ночью все они исчезли, и никто не мог рассказать, каким образом они погибли¹.

Вообще спартанцы обращались с илотами крайне жестоко. Иногда они нарочно заставляли илотов пить неразбавленное вино, чтобы, доведя их до отвратительного опьянения, показать юношам, как ужасен порок пьянства. Илотам было запрещено петь песни свободных под угрозой столь страшных наказаний, что, даже оказавшись однажды вне власти своих господ, за пределами Лаконики, илоты не осмелились спеть песни спартанских поэтов. Правильно заметили греки, что если свободный в Спарте наиболее свободен, то и раб здесь находится в наиболее рабском состоянии.

¹ О таинственности, которой было окружено истребление илотов, говорит само название этого организованного убийства: «крѣптия» по-гречески значит «тайное».

Однако нет оснований приписывать все эти жестокие законы, направленные против илотов, Ликургу. Они стали применяться много позже, когда число илотов сильно возросло. Особенно жестоко спартанцы стали обращаться с илотами после великого землетрясения¹, когда илоты, воспользовавшись бедствием, напали на Спарту и едва не добились своего освобождения.

Когда важнейшие из законов Ликурга вошли в жизнь, он созвал всех граждан на народное собрание. Законодатель сказал, что для того, чтобы сделать всех счастливыми, он должен провести еще одно, самое главное преобразование. Для этого ему надо еще раз посетить дельфийский оракул, и поэтому Ликург попросил геронтов и всех граждан дать клятву не изменять ничего в законах до его возвращения. Все поклялись, и Ликург уехал в Дельфы. Здесь, однако, оракул возвестил, что законы его прекрасны и что до тех пор, пока Спарта будет верна этим законам, она будет процветать и господствовать над другими государствами.

Послав это прорицание на родину, Ликург решил добровольно умереть, чтобы не дать возможности согражданам когда-нибудь изменить его законы. Ведь они обещали не проводить никаких реформ до его возвращения.

Ликург был как раз в тех годах (ему было около 85 лет), когда, по мнению древних, можно еще жить, но хорошо и умереть, особенно тому, у кого все желания уже исполнились.

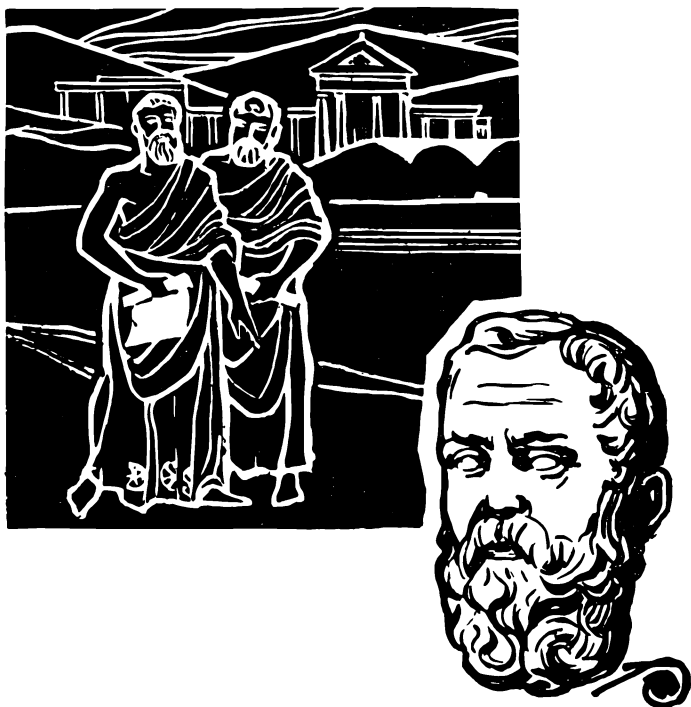
Ликург считал, что смерть общественного деятеля должна быть полезна его государству и что кончина должна быть достойным завершением жизни. Поэтому, простившись с друзьями и сыном, Ликург отказался принимать пищу и вскоре умер от голода. Он боялся, что его останки перенесут в Спарту и граждане смогут считать себя свободными от данной ему клятвы. Поэтому перед смертью он приказал друзьям сжечь его труп и бросить пепел в море.

¹ Это произошло в 465 г. до н. э. Землетрясение было настолько сильным, что Спарта была разрушена почти полностью. Илоты напали на уцелевших спартанцев, которые призвали на помощь афинян. Началась Третья Мессенская война, длившаяся почти десять лет. В итоге войны часть илотов была вынуждена вновь подчиниться спартанцам, но некоторые покинули страну и поселились на северном берегу Коринфского залива.

Надежды не обманули Ликурга. Несколько столетий, пока Спарта придерживалась его законов, она оставалась самым сильным государством в Греции. Только в конце V в. до н. э., когда в Спарту вместе с золотом и серебром проникли корысть и имущественное неравенство, законам Ликурга был нанесен смертельный удар¹.

¹ См. биографии Лисандра, Агиса и Клеомена.

СОЛОН

(VI в. до н. э.)

Как рассказывали, Солон, один из «семи мудрецов», знаменитый афинский законодатель и поэт, происходил из знатного рода; одним из его предков был афинский царь Кодр¹.

¹ По преданию, царь Кодр (VIII в. до н. э.) героически отдал свою жизнь за родину. После его смерти, говорит легенда, афиняне решили, что им не найти другого такого хорошего царя. Поэтому они отменили царскую власть и установили республику. В действительности власть перешла к представителям знатных родов.

Семь мудрецов древности — выдающиеся ученые, мыслители и законодатели, пользовавшиеся всеобщим уважением и любовью. К ним причислялись, кроме Солона, Питтак из Митилены, Клеобул из Линда (остров Родос), законодатель Перикл из Коринфа, спартанский эфор Хилон, знаменитый ученый Фалес Милетский и Биант из Приены.

Отец законодателя был человеком небогатым.

О детстве и юности Солон мы ничего не знаем. Известно лишь, что после смерти отца он остался почти без средств. Помощь от чужих людей юноша стыдился принять и потому решил попытать счастья за морем. Он отправлял в заморские страны на кораблях афинские товары и привозил товары чужих стран.

В те времена в Афинах торговлей с заморскими странами занимались только немногие смельчаки. Это были богатые аристократы, а также состоятельные и предприимчивые купцы из народа. Путешествия за море были делом опасным, но зато одна удачная поездка могла дать большую прибыль. К человеку, побывавшему в чужих краях, который приобрел знания и жизненный опыт, сограждане относились с уважением.

Однако Солон ездил за море не только ради наживы, но и для того, чтобы поучиться мудрости, познакомиться с разнообразными обычаями людей, повидать свет. Наживу ради наживы Солон не ценил; он считал, что не только в деньгах счастье. Он говорил:

Равно богаты те люди — и кто серебро в изобилии
С золотом имеет, поля на хлебодной земле,
Коней и мулов, но также и тот, кто одно только может —
Досыта, вкусно поесть, вволю потом отдохнуть.

В другом месте Солон говорит:

Также стремлюсь я богатство иметь, но владеть им нечестно
Я не хочу: наконец, Правда ведь все же придет.

Хотя Солон сам разбогател (так как его поездки были удачны), он считал, что доблесть и доброе имя выше богатства:

Много людей и худых богатеют, а добрые — бедны.
Но у худых ни за что не променяем своей
Доблести мы на богатство: она ведь при нас неизменно,
Деньги ж сегодня один, завтра захватит другой.

Вернувшись из путешествия на родину, Солон застал там острую борьбу партий. Простой народ не имел земли и находился в кабале у кучки знатных (эвпатридов). Народ боролся против эвпатридов, требуя земли и свободы.

Солон сразу же стал на сторону народа и вскоре приобрел его уважение; простые люди видели в нем своего защитника. Свой чудесный дар поэта Солон отдал на служение народу. В замечательных стихах, которые тогда всякий

знал наизусть, поэт внушал борющимся сторонам необходимость взаимных уступок и примирения ради блага родины, а впоследствии разъяснял смысл и цель изданных им законов.

В это время афиняне вели долгую и тяжелую войну с соседним городом Мегарами за остров Саламин. Остров этот закрывает путь кораблям в Афины и из Афин. Мегарцы, владевшие островом, могли мешать привозу хлеба в Афины (своего хлеба в Афинах не хватало); городу грозил голод. Поэтому афиняне должны были овладеть Саламином, чтобы открыть свободный подвоз хлеба. Афинскому войску удалось на короткое время захватить остров, но внутренние волнения и борьба партий привели к тому, что афиняне не смогли его удержать.

Богатые эпатриды, которые правили тогда в Афинах, не нуждались в заморской торговле. Они издали закон, который под страхом смерти запрещал поднимать в народном собрании вопрос о Саламине.

Простой люд — матросы, городские ремесленники, торговцы, портовые рабочие, наоборот, стоял за продолжение войны, так как прекращение морской торговли для них означало разорение и нищету.

Солон во главе городского люда боролся за возобновление войны. Чтобы обойти закон, запрещавший поднимать вопрос о войне за Саламин, он притворился сумасшедшим.

Как-то раз афиняне увидели странного человека в одежде глашатая¹, который вприпрыжку бежал к городскому рынку. Это был Солон. На рынке его окружила толпа зевак, слух о его помешательстве уже распространился по городу. Солон взошел на камень, с которого обычно говорили глашатаи, и вместо речи стал читать нараспев свое стихотворение:

Сам я глашатаем к вам с Саламина желанного прибыл.
Песнь — украшение слов вместо витийства² принес.

Он говорил в этом стихотворении, что стыдится называть себя афинянином: ведь афиняне не могут удержать в своих руках Саламин:

Скоро, глядите, про нас и молва разойдется дурная,
Скажут: из Аттики ты, предали где Саламин.

¹ *Глашатай* — гонец, вестник, человек, объявлявший народу законы и распоряжения властей.

² *Витийство* — красноречие.

И затем Солон горячо призывает народ:

На Саламин поспешайте, сразимся за остров желанный,
Чтобы скорее с себя тяжкий позор этот снять.

Народ с радостью откликнулся на призыв Солона. Вскоре суровый закон был отменен, и война возобновилась. Во главе афинского войска стал Солон.

Солон отплыл вместе с Писистратом (который впоследствии стал тираном в Афинах) к мысу против острова Саламин. В этом месте афинские женщины справляли тогда праздники Фесмофóрий в честь богини Деметры¹.

Солон приказал своим воинам переодеться в женское платье, скрыв оружие под одеждой, а сам послал на Саламин одного воина под видом перебежчика. Посланный посоветовал мегарцам, если они хотят взять в плен афинских женщин, немедленно пересечь пролив и напасть на женщин, справляющих праздник. Мегарцы поддались на обман; они высадились на берегу Аттики. Внезапно на них напали из засады афиняне под предводительством Писистрата. Они перебили большую часть мегарцев и захватили их корабли. Затем афиняне отплыли к Саламину и заняли остров.

После захвата острова мегарцы, однако, не признали себя побежденными. Война продолжалась. Наконец, обе стороны решили обратиться к посредничеству Спарты — наиболее сильного в то время греческого государства.

Солон искусно старался доказать спартамцам древние права афинян на Саламин. Он ссылаясь на свидетельство гомеровской поэмы «Илиады», которую все греки столь ценили. В современном тексте «Илиады», записанном в Афинах около времени Солона, мы читаем, что в гомеровскую эпоху Саламин находился под властью афинян². Однако еще в древности считали, что это место поэмы — вставка афинян, сделанная ими, чтобы доказать свои права на остров Саламин.

Пятеро спартанских судей, заслушав обе стороны, присудили Саламин афинянам.

¹ *Демётра* — богиня-покровительница земледелия. *Фесмофóрии* — пятидневный праздник после окончания земледельческих работ, когда благодарили богиню за дарованные блага.

² Поэмы Гомера были впервые записаны в Афинах при тиране Писистрате (о нем см. ниже).

Торжество афинян было полным. Имя Солона прославилось по всей Аттике. Он был признанным вождем городского населения, а теперь и крестьяне обращались к нему за помощью, так как они находились в тяжелом положении.

Хотя жители Аттики занимались сельским хозяйством, во время Солона стали уже развиваться и ремесла. В городе Афинах, кроме знатных (эвпатридов), жило много ремесленников, моряков и торговцев, а также иностранцев (метéков¹). Большинство богатых эвпатридов владело старинными родовыми землями и обрабатывало их с помощью рабов и свободных крестьян. В руках крестьян были только мелкие участки земли (клéры). Лучшие земли захватили эвпатриды, и крестьяне из-за скудости почвы зачастую с трудом могли прокормить свои семьи. Приходилось обращаться за помощью к эвпатридам, просить у них в долг семена, волов для пахоты и земледельческие орудия.

Мало-помалу крестьяне попадали в долговую кабалу к богачам-эвпатридам или к городским ростовщикам. Трудясь с раннего утра до позднего вечера на своем участке, крестьянин должен был отдавать за долги $\frac{5}{8}$ своего урожая. В случае неуплаты долга в срок земля переходила к эвпатриду или ростовщику, а работники, иногда вместе с семьей, становились рабами.

Многие крестьяне, измученные непосильным трудом, вынуждены были бросать участки, продавали своих детей в рабство и бежали в город. Наиболее отважные поднимали вооруженные восстания против ненавистных угнетателей-эвпатридов, они требовали уничтожения долгов и возвращения своей земли.

Наконец, обездоленным крестьянам удалось объединиться с городскими ремесленниками и выбрать Солона архонтом² (594 г. до н. э.).

Солон стал посредником между борющимися партиями. Он получил право «отменять или сохранять существующие законы и вводить новые».

¹ *Метéки* были обычно уроженцами других городов-государств Греции. Они говорили на том же, греческом, языке, жили многие годы в Афинах, но не могли занимать никаких должностей, не могли участвовать в народном собрании; запрещались браки афинян и метеков.

² *Архонт* — высшее должностное лицо в Афинах.

Обе стороны возлагали на него большие надежды. Крестьяне считали его справедливым человеком и верили, что он удовлетворит их нужды. Эвпатриды же полагали, что Солон, как выходец из их среды, не даст их в обиду. Приводили одно из его прежних изречений о том, что равенство не влечет за собой войну. Слова эти нравились и богатым и беднякам: одни надеялись, что получают согласно заслугам и доблести, другие ждали от законодателя справедливого передела земли и имущества.

Некоторые убеждали Солона сделаться единоличным властителем (тираном) Афин. Но Солон отказался от таких предложений. Он говорил, что тирания — это крепость, из которой нет выхода: человек, силой захвативший власть в родном городе, не захочет от нее отказаться и неизбежно применит ее во зло согражданам. Впоследствии Солон, вспоминая это время, с гордостью говорил:

...Родину свою
Пощадил я, тирании и жестокой силы в ней
Не забрал, своей же славы не позорил, не сквернил,
В том не каюсь: так скорее я надеюсь победить
Всех людей.

Однако, отвергнув тиранию, Солон не проявлял излишней мягкости; там, где было нужно, он применял твердую власть: он стремился соединить силу со справедливостью.

По обычаю, перед вступлением в должность Солон испросил совета у оракула Аполлона¹ в Дельфах. Ответ жрецов от имени бога был таков:

Сев посреди корабля, выполняй ты кормчего дело,
Много афинян тогда выйдут на помощь тебе.

Однако Солон не хотел или не мог полностью удовлетворить справедливых требований обездоленного народа. Сам богатый человек, он считал, что простому народу нечего равняться с эвпатридами. Несмотря на просьбы крестьян, Солон возвратил только участки, захваченные за долги, а не увеличил крестьянские наделы за счет богачей, иначе говоря, он не произвел справедливого передела земли.

¹ *Аполлѳн* — бог солнца, света, покровитель искусств, предсказатель будущего,

Крестьян, которые требовали передела земли, он называл «вышедшими на грабеж» и говорил, что нельзя на родных нивах

Дать худым и благородным долю равную иметь.

С другой стороны, он убеждал богатых перестать угнетать бедняков:

...Ныне умерить

Гордость свою мы должны, сердце свое укротить,
Будьте скромнее в желаниях, ведь мы, как вы знаете сами,
Не захотим уступить...

Солон объявил, что хочет только восстановить древний «отеческий» порядок, а не нарушать его в пользу бедных. Объясняя свои реформы, он говорил потом:

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен:
Не сократил его прав, не дал и новых зато,
Так же подумал о тех, кто силу имел и богатством
Славился, чтоб никаких им не чинилось обид...

За это Солон рассчитывал на благодарность народа, дружбу и признательность знатных. Он говорил:

Чтоб правду горькую сказать вам: никогда
Народ того, чего достиг он, и во сне
Не увидал бы...
А те из граждан, кто повыше и сильнее,
Меня должны бы чтить и другом называть.

Прежде всего Солон отменил все долговые обязательства и запретил на будущее время долговое рабство.

В Афинах существовал обычай ставить на земле должника каменные плиты или столбы с обозначением суммы долга. Солон приказал снять все такие столбы. Крестьян, проданных за долги в рабство за границу, он велел разыскать и выкупить на государственный счет.

Впоследствии Солон писал об этом с гордостью в своих стихотворениях:

Какой же я из тех задач не выполнил,
Во имя коих я тогда сплотил народ?
О том всех лучше перед времени судом
Сказать могла б из олимпийцев¹ высшая —
Мать черная Земля, с которой снял тогда

¹ Греки почитали небесных и подземных богов. Они верили, что небесные боги живут на вершине самой высокой горы Греции — Олимпа (в Фессалии); поэтому боги и назывались «олимпийцами».

Столбов поставленных я много долговых,
Рабыня прежде, ныне же свободная.
На родину, в Афины, в богозданный град
Вернул назад я многих, в рабство проданных,
Кто кривдой, кто по праву, от нужды иных
Безвыходной бежавших, уж забывших речь
Аттическую — странников таков удел, —
Иных еще, в позорном рабстве живших здесь
И трепетавших перед прихотью господ,
Всех я освободил. А этого достиг
Закона властью, силу с правом сочета,
И так исполнил все я, как и обещал.

Эти меры Солона называются «сисáхфия», что значит «освобождение от бремени».

При уничтожении долговых обязательств не обошлось без злоупотреблений. Самого Солона враги обвинили в нечестности. Перед тем как издать закон о долгах, Солон сообщил о нем трем своим друзьям. Эти три человека решили воспользоваться случаем и обогатиться. Они заняли у богатых большие суммы денег и купили много земли. После издания закона о долгах они не заплатили денег и удержали у себя землю. Тогда некоторые люди стали обвинять Солона в том, что он нарочно сообщил им о новом законе, чтобы получить часть земли и не заплатить денег. Однако обвинения Солона в нечестности отпали, когда он первым отказался от крупной суммы, данной им взаймы.

Затем Солон приступил к преобразованию государственного строя. До этого времени власть в Афинах принадлежала эвпатридам. Народ не принимал участия в управлении государством. Все дела вершил совет знати (ареопáг), который назначал высших должностных лиц (архонтов). Суд также находился в руках знати. Народное собрание не имело почти никакого значения.

Таким положением в государстве были недовольны не только крестьяне и городская беднота, но и богачи — выходцы из народа. Недовольство стало таким, что каждый день можно было ожидать взрыва народного гнева.

Прежде всего Солон отменил старинные законы Драконта¹ из-за их крайней жестокости. Эти законы за все преступления назначали только одно наказание — смерть.

¹ *Дра́конт* (или иначе *Дракóн*) — составитель первого писаного свода законов в Афинах (около 620 г. до н. э.). В современном языке драконовскими законами называют жестокие, бездушные законы.

Так, например, человека, укравшего на рынке овощи, казнили так же, как и того, кто совершил зверское убийство.

Солон привлек к управлению государством не только эвпатридов, но и богатых людей простого происхождения. Он разделил всех граждан на четыре разряда в зависимости от доходов. Деньги в то время были еще редки и доход определялся в мерах зерна, вина или оливкового масла.

К первому, высшему, разряду были отнесены граждане с доходом в 500 мер (зерна, масла и вина); их называли пятисотмерниками; ко второму разряду — граждане с доходом более 300 мер (трехсотмерники); в третьем разряде считались те, кто получал свыше 200 мер; наконец, к четвертому разряду относились все прочие (кроме рабов); граждан этого разряда называли фётами.

Деление граждан в зависимости от имущественного положения влияло на службу в войске. Пятисотмерники снаряжали корабли и несли повинности по снабжению войска; трехсотмерники должны были служить в коннице и содержать на свои средства боевых коней (поэтому их называли всадниками); граждане третьего разряда составляли основную массу пехоты (гоплитов), их доходы позволяли приобретать тяжелое вооружение; феты служили гребцами во флоте и были легковооруженными воинами в пехоте.

Граждане первых трех разрядов могли занимать высшие государственные должности. Феты же имели право только участвовать в народном собрании и в судах.

Затем Солон отнял судебную власть у эвпатридов и передал ее простому народу. Народный суд (или гелиея) при Солоне составлялся из всех граждан и потому стоял за народные интересы.

Суд стал теперь доступным для всех свободных граждан. Раньше крестьянин должен был лично являться на заседания суда. Жители отдаленных местностей были вынуждены подолгу отлучаться из дому и тратить рабочее время, защищая свои права в суде. Теперь каждому гражданину закон предоставлял право нанимать посредника, который мог вести за него дела. Всякий, кто был чем-нибудь обижен или оскорблен, мог сам или через посредника преследовать обидчика по суду. Это мудрое постановление обуздало судебный произвол эвпатридов и положило конец множеству несправедливостей.

Когда Солон спросили, какое государство он считает наиболее благоустроенным, он отвечал: «То, в котором все граждане одинаково стоят за обиженных и преследуют и наказывают несправедливость».

Высшей законодательной властью в Афинах теперь стало народное собрание. Но Солон не допустил, чтобы народ сам решал дела. Он создал особый совет четырехсот для предварительного обсуждения законов. Народ должен был только утверждать или отвергать предложенные ему проекты законов. Все же народное собрание оказывало большое влияние на ход дел, так как от него зависело избрание высших должностных лиц. В народном собрании могли участвовать только полноправные афинские граждане; рабы, женщины и метеки не имели доступа в народное собрание.

Охрана законов и наблюдение за их выполнением поручались ареопагу.

Почва Аттики была скудной и неудобной для земледелия, своего хлеба, особенно у городского населения, не хватало. Приходилось покупать его в обмен на местные ремесленные изделия. Поэтому тот, кто не знал какого-нибудь ремесла или не хотел трудиться, вынужден был голодать или просить милостыню.

Солон поощрял развитие ремесел. Для того чтобы в стране не было нищих, он издал закон, по которому сын мог не кормить престарелого отца, если тот не выучил его ремеслу.

Из других законов интересен такой: во время гражданской смуты каждый должен немедленно примкнуть к той или другой стороне. Этим законом законодатель хотел приучить граждан не быть равнодушными в общественных делах. Солон требовал, чтобы каждый вступался за справедливое дело открыто, а не ожидал, прячась, победы сильнейшего.

Законы Солон должны были действовать в течение ста лет. Они были написаны на деревянных досках, вставленных в четырехугольные рамки. Эти рамки вращались на оси, чтобы удобнее было их рассматривать.

Когда законы вошли в силу, к законодателю стало приходиться много недовольных граждан.

Своими реформами Солон, однако, не угодил ни той ни другой стороне. Бедные возмущались тем, что не добились передела земли, не избавились от горькой нужды и

тяжкого труда, и потому продолжали борьбу. Богатые же негодовали на Солона за отмену долгов.

Солон убедился, что обе борющиеся стороны не удовлетворены его реформами. Крестьяне

...желая грабить, ожиданий шли полны,
Думал каждый, что добудет благ житейских без границ.
Думал: под личиной мягкой крою я свирепый нрав.
Тщетным было их мечтанье... Ныне в гневе на меня
Смотрят все они так злобно, словно стал я им врагом.

Солон попал в весьма затруднительное положение и, как он сам говорил:

...должен был со всех сторон
Отбиваться, словно волк средь стаи псов.

Ведь другой на его месте, говорит Солон:

...народа не сдержал бы, но зато
Он снял бы сливки и взболтал все молоко¹;
Лишь я один, как посреди двух войск
Граничный столб.

Законодатель понимал, что в таком важном деле трудно угодить всем. Чтобы избежать дальнейшего недовольства сограждан лично против него, он, по окончании реформ, решил уехать из родного города на десять лет. Под предлогом того, что ему нужно отправиться за море по торговым делам, Солон покинул Афины. По преданию, он перед отъездом взял с граждан клятву в том, что они в течение десяти лет не будут ничего менять в его законах.

Прежде всего он прибыл в Египет и жил там в городе Канобе, крупной торговой гавани в устье реки Нила. В Египте Солон познакомился с учеными египетскими жрецами.

Жрецы рассказали ему древнее предание о погибшем острове — Атлантиде. Остров этот находился, по сообщению жрецов, в Атлантическом океане к западу от Гибралтарского пролива². Он был густо населен, жители его отличались богатством. Во время землетрясения остров был поглощен морем и все жители его погибли.

Затем Солон отплыл на остров Кипр, где ему оказал гостеприимство один из царей острова. Солон посоветовал

¹ То есть стал бы единоличным властителем — тираном.

² Некоторые ученые считают, что в предании об Атлантиде отразилось знакомство древних с Азорскими островами или даже с Америкой.

царю перенести столицу в другое место и отстроить ее красивее прежней. Царь согласился, и новый город был построен под наблюдением Солона.

После этого Солон отправился в Лидию (в Малой Азии), ко двору знаменитого царя Креза¹.

Лидийский царь Крез прославился своими огромными богатствами. И теперь еще говорят о богатом человеке: «богат, как Крез».

Солон прибыл в столицу Креза Сárды. Царский дворец блистал великолепием и роскошью, а одежда придворных стоила целого состояния.

Во время прогулки по двору Солон увидел множество придворных в пышных одеждах и каждого из них принимал за царя. Наконец его привели к царю.

Крез хотел поразить гостя. Он надел на себя дорогие разноцветные одежды, драгоценные украшения из золота тонкой работы. Затем царь приказал открыть перед Солонем свои сокровищницы и показать гостю все роскошные покои дворца. Но Солон не выразил никакого изумления. После осмотра дворца и сокровищ гостя привели к Крезу, который обратился к Солону с вопросом: «Знал ли ты кого-нибудь счастливее меня?» Царь ожидал, что чужеземец признает его самым счастливым. Солон ответил: «Самым счастливым человеком на свете я считаю афинянина Телла; он был честный и порядочный человек и воспитал своих детей честными и уважаемыми гражданами; умер же Телл славной смертью, героически сражаясь за родину».

Крез счел Солона чудаком; он не мог понять, как это можно поставить жизнь простого человека выше жизни могущественного царя. Тем не менее Крез спросил «чудака», кто же после Телла, по его мнению, самый счастливый человек. Он ждал, что теперь-то Солон назовет таким счастливецом его, Креза.

Тогда Солон поведал Крезу удивительную историю о двух юных братьях, известных своей горячей любовью к матери, жрице богини Геры². Юноши выросли могучими богатырями и всегда выходили победителями в гимнастических соревнованиях.

¹ Крез царствовал в 560—546 гг. до н. э.

² Богиня Гэра — супруга верховного бога Зевса — одно из главных божеств греков.

По обычаю, в праздник жрица Геры торжественно подъезжала к храму богини в колеснице, запряженной волами. Но в этот день упряжные волы ушли в поле и их не могли найти. Тогда юноши сами впряглись в тяжелую колесницу и привезли свою мать — жрицу — в город. После праздника мать обратилась к богине с молитвой, прося наградить своих сыновей за их подвиг высшим счастьем, возможным для человека. Богиня исполнила просьбу матери: в этот вечер все прославляли доблесть юношей; гордые своим подвигом, они легли спать и на утро не проснулись. Они умерли без страданий, достигнув великой славы и уважения среди сограждан. Разве может быть большее счастье для человека?

«Ну, а меня ты не считаешь счастливым?!» — вскричал в гнев царь. Солон не хотел льстить царю, но вместе с тем не желал и раздражать его. Он ответил: «Боги наделили нас умом, который не позволяет нам предвидеть будущее. Счастливец можно назвать только того, кто прожил свою жизнь до конца, не зная горя. Считать счастливым человека еще живущего — все равно, что провозглашать победителем еще сражающегося воина». С этими словами Солон удалился. Крез был оскорблен словами своего странного гостя.

В это время в городе Сардах находился также знаменитый баснописец Эзоп¹. Крез пригласил и его к своему двору. При встрече Эзоп сказал Солону: «С царями, Солон, или вовсе не следует говорить, или надо стараться льстить им». «Вернее, или избегать говорить, — отвечал Солон, — или говорить только правду».

Солон оказался прав. Спустя некоторое время Крез потерпел поражение в войне с персидским царем Киrom². Сарды были взяты, Крез попал в плен и был присужден к смерти на костре.

В присутствии персидских вельмож и царя Кира Креза возвели связанным на костер. Удрученный Крез воскликнул: «Солон!» Удивленный Кир велел спросить, кто этот Солон, которого несчастный пленник призывает в предсмертные минуты. Крез отвечал: «Это греческий мудрец,

¹ Эзоп — известный греческий баснописец (VI в. до н. э.). Многие басни Эзопа обрабатывали знаменитые баснописцы Лафонтен и И. А. Крылов.

² Кир Старший — основатель персидской монархии (559—529 гг. до н. э.).

который приезжал ко мне и предостерегал меня, говоря, что пока человек жив, он не может считать себя счастливым, так как не знает, что с ним случится завтра. Я не захотел слушать его и думал только о своем богатстве, в котором видел счастье. Мне было приятно, что слава о моем богатстве и счастье распространилась по всему миру».

Кир даровал жизнь Крезу. Таким образом Солону удалось спасти жизнь неразумного царя.

Между тем после отъезда Солон в Афинах снова начались волнения и борьба партий. Несогласия между гражданами были столь велики, что они долго не могли избрать архонта.

Граждане разделились на три враждовавшие группы, или партии. К первой партии принадлежали жители плодородной равнины близ Афин, главным образом эвпатриды; они хотели возвращения досолоновских порядков, то есть желали вновь закабалить крестьян. Во второй партии были жители приморской полосы — торговцы и ремесленники; они стояли за новые, солоновские порядки. Наконец, в третьей партии были крестьяне горной части Атики, требовавшие передела земли. К этой партии примыкали и городская беднота и часть торговцев, смертельно ненавидевшая богатых. Во главе партии стоял дальний родственник Солон Писистрат, знаменитый полководец, победитель в войне с мегарцами.

Афины еще управлялись по законам Солон, но многие недовольные стремились к государственному перевороту.

Таким было положение в Афинах, когда возвратился из странствований Солон. Граждане оказали ему почетный прием, так как они помнили об его заслугах.

Солон был уже стар и не мог, а может быть, и не хотел выступать перед народом и вмешиваться в борьбу партий. Он по-прежнему старался примирить противников.

Вождь крестьян Писистрат, по-видимому, внимательнее других прислушивался к словам Солон. Это был честолюбивый, умный и деятельный человек. Он считал, что, только взяв силой власть в свои руки, он сможет выполнить справедливые требования бедняков.

Солон вскоре разгадал честолюбивые замыслы Писистрата, стремившегося стать тираном, и старался его образумить. «Если бы вырвать из сердца Писистрата стремление к господству, — говорил Солон, — то он был бы лучшим из граждан».

Чтобы захватить власть, Писистрат прибегнул к уловке — он изранил себя. В таком виде его привезли на рынок, где собралось народное собрание. Писистрат объявил, что раны ему нанесли эвпатриды, которые хотели убить его. Народ выражал раненому сочувствие и возмущался преступлением богачей.

Солон тоже пришел на рынок и, обращаясь к Писистрату, сказал: «Неудачно ты, Писистрат, разыгрываешь роль гомеровского Одиссея: тот изранил себя, чтобы обмануть врагов, ты же сделал это, чтобы провести сограждан»¹.

Открылось народное собрание. Один из граждан предложил дать Писистрату охрану из воинов, вооруженных дубинами, чтобы оградить его от покушений.

Тогда Солон выступил против такой меры. Несмотря на противодействие Солона, народ решил дать Писистрату вооруженную охрану. С помощью своих «дубинщиков» Писистрат завладел акрополем и сделался тираном (560 г. до н. э.).

Противники Писистрата бежали из Афин. Солон же вышел на площадь и обратился к согражданам с речью. Он порицал глупость и податливость людей и советовал не отдавать родину и свободу в руки тирана. Но народ не желал слушать его предостережений, так как верил обещаниям Писистрата.

Тогда Солон вернулся домой, взял свое оружие и положил его на пороге со словами: «Пока мог, я защищал родину и закон, а теперь я старик».

Друзья Солона уговаривали его покинуть отечество. Они говорили, что тиран может казнить его. Солон отвечал, что он уже в таком возрасте, когда не боятся смерти. Однако Писистрат, против ожидания, стал оказывать Солону уважение и даже сделал его своим советником.

Писистрат оставил в силе большую часть законов Солона и сам первый показывал пример повиновения им. Так, однажды, когда он был тираном, его привлекли к суду по обвинению в убийстве. Он пришел в суд для своей защиты как обычный гражданин, но обвинитель, из страха, не явился.

¹ В «Одиссее» Гомера рассказывается, как Одиссей изранил себя, чтобы обмануть троянцев и неузнанным пробраться в стан врага.

Так как все действия Писистрата были направлены на благо бедняков и простого народа, то Солон хвалил распоряжения тирана. Народ же сохранил благодарное воспоминание о времени правления Писистрата, как о «золотом веке».

Под конец своей жизни Солон занялся литературой. «Теперь я нахожу удовольствие,— писал он в одном стихотворении,— в занятиях поэзией:

Милы теперь мне дела Афродиты¹, рожденной на Кипре,
И Диониса, и Муз — все, что людей веселит».

Солон умер глубоким стариком. Он был выдающимся государственным деятелем и поэтом.

Преобразования Солона подорвали господство родовой знати, отдали землю в руки крестьян и спасли их от кабалы. Но власть в государстве не перешла к народу, ее захватили богатые рабовладельцы и крупные торговцы.

¹ *Афродита* — богиня красоты; *Дионис* — бог вина, веселья и театральных представлений; *Музы* — богини-покровительницы искусств.

ФЕМИСТОКЛ

(около 525 — около 460 гг. до н. э.)

Греко-персидские войны выдвинули поколение греческих борцов за родину. История сохранила нам мало сведений о жизни и подвигах этих героев. Но жизнь наиболее выдающихся вождей народа осталась в памяти поколений как пример беззаветной преданности отечеству во время освободительной войны против полчищ персидского царя. Особенно интересна биография вождя афинских демократов Фемистокла.

Фемистокл происходил из Фреарийского дёма (округа) Афин и по отцу принадлежал к старинному роду Ликомидов. Мать его была иностранкой. Поэтому некоторые ставили маленькому Фемистоклу в упрек его происхождение,

не признавали его полноправным афинянином¹ и относились к нему с презрением.

Такое отношение развило в мальчике болезненное самлюбие.

Во всем—в играх, в гимнастических упражнениях, в занятиях—он всегда стремился быть первым. Талантливый мальчик мечтал прославиться, чтобы блеск подвигов заставил всех позабыть о его происхождении. В свободные часы, после учения, он не бездельничал, а придумывал речи, так как знал, что в Афинах сможет выдвигаться только тот, кто, удачно выступая в народном собрании, сумеет повести за собой народную массу. Учитель, обратив внимание на его способности, предсказал ему: «Из тебя, мальчик, выйдет или что-нибудь очень хорошее, или очень дурное. Ничтожеством ты не будешь!» Современники не раз вспоминали эти слова наставника Фемистокла.

Не всеми науками мальчик занимался одинаково охотно. Музыку, поэзию и другие предметы, обязательные для образованного афинянина, он изучал только по необходимости; зато всем, что могло пригодиться для будущего руководителя государства, он занимался с увлечением. Впоследствии, встречая насмешки людей, получивших, по их мнению, утонченное образование, Фемистокл гордо отвечал: «Если я и не умею настроить лиру или сыграть на кифаре², зато я сумел прославить и сделать могущественными родные Афины».

В ранней молодости Фемистокл был несдержан и часто совершал дурные поступки. Презрение со стороны знатных афинян бесило его, и он старался выделиться хотя бы в дурном. Позже, став выдающимся государственным деятелем, он сам, вспоминая о своем детстве, говорил: «Из самых необузданных жеребят могут вырасти прекрасные лошади: нужно только как следует их воспитать и выездить».

Поведение Фемистокла в молодости впоследствии дало повод его врагам постоянно напоминать народу о его прошлых ошибках, а иногда и обвинять его в вымышленных

¹ Дети, у которых мать была иностранкой, считались в Афинах незаконнорожденными. Позднее, при Перикле, у них даже были отняты права гражданства.

² *Лира* и *кифара* — струнные музыкальные инструменты греков с 4 и 7 струнами.

преступлениях. Рассказывали, будто отец отрекся от Фемистокла и лишил его наследства, а мать в отчаянии от позорного поведения сына покончила с собой. Все это вымысел, но поступки молодого человека давали, очевидно, какой-то повод к такой клевете.

Жажда славы быстро заглушила в Фемистокле дурные страсти и, хотя отец отговаривал его, он начал выступать в народном собрании, стремясь к активной политической деятельности. Не боясь аристократов, он предлагал провести коренные преобразования в армии и в государстве, и это привлекло к нему симпатии широких народных масс.

Это было тяжелое время для родины Фемистокла. Грозные тучи собирались на Востоке. Могущественная Персидская держава по-прежнему угрожала независимому существованию маленьких, разобщенных городов Эллады. Новые завоевания были необходимы персидским царям для поддержания и упрочения власти, и неудачи первых походов на Грецию не могли их остановить. Даже Марафонская битва¹, окончившаяся поражением непобедимой дотоле армии «великого царя», не испугала персов: слишком очевидным было превосходство сил огромной, простиравшейся от Египта до реки Инд державы над маленьким и свободолюбивым народом Греции.

Но в Афинах было немало людей, которые надеялись, что война с персами не возобновится. Они не видели и не хотели видеть угрожавшей родине опасности. Это были главным образом аристократы, среди которых был и герой Марафона Мильтиад. Эти люди знали, что подготовка к войне потребует включения в армию афинских бедняков, а это означало бы, что бедноте придется предоставить и долю в управлении государством. Вот почему эти люди (среди которых были и подкупленные персами предатели) не обращали внимания на военные приготовления Персии, призывали граждан сохранять спокойствие и не соглашаться ни на какие перемены в государстве. Аристократы, которые в это время стояли у власти в Афинах, считали безнадежным делом сопротивление могущественной Персии.

¹ В 490 г. до н. э., когда персидская армия под командованием *Датиса* и *Артаферна* была разбита афинским ополчением, которым командовал стратег *Мильтиад*.

Фемистокл понимал, что Марафонская битва — только начало длительной и напряженной войны с Персией. Он считал необходимым усиленно готовиться к обороне. Понимая, что персидское войско раз в десять превосходит армии всех вместе взятых греческих государств, Фемистокл видел единственное спасение греков в создании сильного флота.

События показали правильность предвидения Фемистокла. После того как греки одержали победу на море, персы оказались не в состоянии продолжать борьбу, хотя их сухопутные силы сохранили свою мощь.

Большинство афинян понимало необходимость строительства могучего военного флота. Однако государство не располагало средствами для постройки кораблей. Тогда Фемистокл, зная, что навлечет на себя гнев аристократов, отважился все-таки предложить народному собранию употребить весь доход от государственных Лаврийских рудников на постройку флота.

Когда-то серебряные Лаврийские рудники принадлежали афинским тиранам. После падения тирании рудники стали достоянием народа. Серебро делилось между всеми гражданами государства. Ввиду угрозы войны народное собрание приняло предложение Фемистокла, несмотря на противодействие аристократов и личного врага Фемистокла, Аристида. Многочисленный и могучий флот был построен в течение всего двух лет. Благодаря самоотверженному труду граждан была заложена основа морского могущества Афин.

Аристократы в Афинах не посмели открыто выступить против патриотического дела обороны государства. Они предпочитали тайные происки и личные нападки против вождя демократии Фемистокла. Одни говорили, что Фемистокл превратил афинян из стойких воинов-гоплитов в каких-то корабельщиков: вырвав копье и щит из рук сограждан, он приковал их к корабельным скамьям; другие упрекали его в расточительстве; третьи, наоборот,ставляли его скаредным и даже вымогателем. Эти происки аристократов, однако, терпели неудачу. Народ верил Фемистоклу и не хотел лишаться талантливого руководителя. Сторонники Персии и вожди аристократов один за другим были изгнаны из Афин путем ostracism¹. В 483 г.

¹ Об ostracismе см. на стр. 67.

до н. э., незадолго до начала войны, остракизму подвергся личный враг Фемистокла, Аристид.

Теперь Фемистокл приступил к объединению всех сил, способных противостоять персам. Он стремился укрепить и расширить существовавший союз греческих государств. На собрании делегатов союза он убедил эллинов прекратить внутренние споры и поручить командование всеми союзными силами спартамцам. Во главе союза стояли спартанцы, но афиняне, благодаря сильному флоту, пользовались теперь одинаковым с ними влиянием.

Не все греческие государства приняли участие в этом объединении. Ближайшие соседи и исконные враги Афин и Спарты — Беотия и Аргос не вошли в союз, а Фессалия сразу же после начала военных действий открыто перешла на сторону персов. Греческие государства Южной Италии и Сицилии также не примкнули к союзу, так как опасались нападения союзников Персии, карфагенян.

Между тем персидский царь Дарий в течение трех лет после Марафонской битвы готовился к новой войне. Вся Персидская держава пришла в движение. Бесчисленные племена и народы, подвластные персам, должны были выставить свои отборные отряды в армию «великого царя»; финикийцы, сирийцы, эллины — жители ионийских островов — собрали и построили для персов 1200 триер¹. Численность сухопутной армии персов, по словам историков, достигала 800 тыс. человек пехоты и 80 тыс. конницы с огромным обозом, верблюдами и боевыми колесницами; другие писатели называют еще большие цифры. Для снабжения этой огромной армии были устроены продовольственные склады в Малой Азии и во Фракии. По плану персов их войска должны были одновременно напасть на Элладу с моря и с суши.

Во время приготовлений к небывалому походу внезапно умер царь Дарий. После его смерти вспыхнули восстания в Персии, Вавилоне и, наконец, в Египте, которые с трудом удалось подавить наследнику Дария, Ксерксу. Но через 9 лет после Марафонской битвы персы смогли бросить свои огромные силы против Эллады, и в первую очередь против Афин.

Перед началом похода Ксеркс послал в Грецию послов с требованием «земли и воды» (т. е. безусловной

¹ *Триерой* называли корабль с тремя рядами весел.

покорности). Сигналом же к началу войны было прорытие персами Афонского канала. Царь хотел избежать таким образом катастрофы, которая постигла в прошлую войну персидский флот, когда он огибал Афонский перешеек. Для переправы сухопутной армии из Азии в Европу Ксеркс приказал построить мост через Геллеспонт (Дарданеллы). Однако внезапная буря разрушила мост, возведенный с величайшими трудами. Тогда Ксеркс, как передают греческие историки, велел казнить строителей моста, а море приказал бичевать и опустить на дно его цепи, в знак того, что и Геллеспонт станет теперь рабом «великого царя».

Снова был построен мост, на этот раз более прочный, и по нему персидская армия в течение семи дней непрерывным потоком переправлялась на европейский берег. Флот персов благополучно прошел Афонский канал и направился к берегам Фессалии. Фессалийцы открыто перешли на сторону персов, а Беотия и Аргос изъявили царю покорность.

Ужас объял эллинов. Население многих городов с приближением персов садилось на корабли и отплывало в Италию, оставляя свои города на разорение персам, только бы избавиться от рабства.

Греческий союзный флот находился у острова Эвбеи для поддержки сухопутной армии. Во главе флота стоял спартанский полководец Еврибиад. Первое морское сражение с персами произошло у северного берега Эвбеи, при мысе Артемисия. Оно закончилось победой греков. Решающего значения это сражение, однако, не имело, так как греческому флоту не удалось выполнить основной задачи — прийти на помощь сухопутной армии в Фессалии.

Греческое войско заняло сначала Темпейский проход на севере Фессалии. Оказалось, однако, что эту позицию можно обойти с тыла. Тогда греки отступили на юг и заняли Фермопильский проход, отделяющий Фессалию от Средней Греции. Фермопильское ущелье было удобным для обороны. Отряд в несколько тысяч греков под начальством спартанского царя Леонида занял высоты, господствующие над узким проходом вдоль морского берега, и с успехом выдерживал в течение нескольких дней напор главных сил персов.

Враг убедился, что взять Фермопилы в лоб невозможно, и решил обойти греческое войско с тыла. Среди

греков нашелся предатель по имени Эфиальт, который провел персов по узкой горной тропинке в тыл грекам. Так измена одного негодяя погубила войско храбрых бойцов.

При известии о том, что персы обошли греков, царь Леонид понял, что сопротивление бесполезно и поведет лишь к гибели всего греческого войска. Поэтому он отпустил всех союзников, сам же с тремястами спартанцев, прикрывая отступление, решил погибнуть с мечом в руке.

Героически сражаясь, все спартанцы во главе с царем Леонидом погибли. Впоследствии спартанцев, павших при Фермопилах, почитали как общеэллинских героев. На могиле их были начертаны стихи поэта Симонида:

Путник, пойди возвести нашим
гражданам в Лакедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы
костью полегли.

Весть о героическом подвиге спартанцев воодушевила эллинов. Узнав о занятии Фермопил, греческий флот двинулся от мыса Артемисия на прикрытие берегов Атики. Плыя вдоль острова Эвбеи, Фемистокл оставлял в местах возможной высадки персов надписи, приглашая ионийских эллинов, служивших в персидском флоте, переходить на сторону соотечественников.

Армия Ксеркса между тем, пройдя Фермопилы, медленно приближалась к пределам Аттики, грабя и сжигая города.

Афиняне пытались убедить союзников дать решительное сражение персам в Беотии, чтобы спасти Афины. Однако союзники и слышать не хотели об этом. Они решили сосредоточить все силы на Коринфском перешейке. Здесь уже начали строить стену, чтобы остановить персов и защитить южную часть Греции — Пелопоннес. Афины в то время еще не имели стен, соединявших город с гаванью; персы могли осадить Афины и с моря и с суши.

Спартанский воин.
С изображения
на вазе.

Фемистокл принял героическое решение убедить народ, твердо положившись на свой флот, покинуть Афины и переселиться на соседний остров Саламин и в город Трезену (в Сароническом¹ заливе). Большинство народа вначале не хотело и слышать об этом. Люди считали, что если придется покинуть храмы богов и могилы предков, то не к чему и победа и спасение.

Тогда Фемистокл решил принять крайние меры — подействовать на народ иначе. В одном из храмов в Афинах пропала священная змея богини Афины, покровительницы города. Жрецы, по наущению Фемистокла, объявили, что богиня покинула город и зовет с собой афинян к морю. Знаменитый дельфийский оракул советовал афинянам «спасаться за деревянными стенами». Фемистокл истолковал загадочные слова оракула так, что «деревянные стены» — это корабли, сев на которые афиняне одержат победу в морском бою. Народ решился покинуть Афины, оставив врагу на разорение цветущие виноградники и сады, прекрасные здания, храмы богов и могилы предков. Только немногие старцы не захотели покинуть священный город Афины, и все потом погибли от рук разъяренных персов. Вскоре персы опустошили Аттику и сожгли Афины.

При посадке афинян на корабли происходили печальные сцены прощания женщин и детей с мужьями и отцами. Город был наполнен плачем и воплями женщин и детей, ревом и жалобным воем домашних животных, метавшихся по опустевшему городу.

Переселением и устройством граждан на новых местах руководил ареопаг. Фемистокл же раздобыл деньги, необходимые для содержания флота и войска. Направляясь из города к гавани Пирей, чтобы сесть на корабли, афиняне увидели, что статуя богини Афины, высившаяся на акрополе, стоит без золотого щита. «Куда пропал сверкающий щит грозной богини?» — спрашивали недоуменно люди. Фемистокл принялся за поиски пропавшего щита. Он не нашел его, так как щит, видимо, был спрятан по его приказу, но наткнулся на запрятанные богачами сокровища. Эти ценности были взяты в казну и по распоряжению Фемистокла розданы афинянам.

¹ Залив у западного берега Аттики.

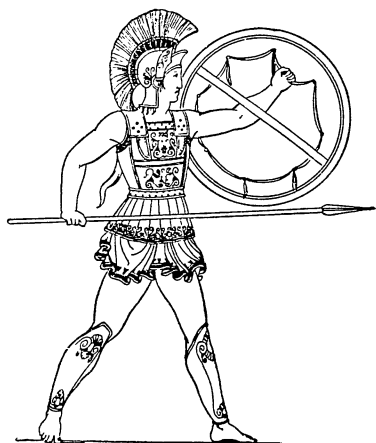
В такой тяжелый для родины момент следовало забыть о гражданских несогласиях, и Фемистокл предложил народу вернуть из изгнания Аристида и вождей аристократов. Он хотел дать и им возможность бороться за свободу Греции. Мысль о спасении родины воодушевляла теперь всех жителей Афин: и аристократы, и ремесленники, и крестьяне — все думали только о том, как победить персов и изгнать их из родной страны.

Когда сухопутная армия персов заняла Афины, персидский флот подошел к городу и стал на якорь в фалерской гавани. Греческий союзный флот, состоявший примерно из 380 кораблей (из них 180 было афинских), остановился у берегов острова Саламин.

Приближался момент решительной схватки с персами. Афиняне горели желанием сразиться с персами немедленно. Союзники же во главе с главнокомандующим флотом, спартанцем Еврибиадом, предлагали отплыть к Истмийскому перешейку для поддержки сухопутных сил, защищавших Пелопоннес. На военном совете Фемистокл воспротивился этому. Он считал главной задачей разбить персидский флот у берегов Аттики. Еврибиад увидел в возвращении Фемистокла неповиновение начальнику; схватив палку, он замахнулся на Фемистокла. «Бей, но выслушай!» — сказал ему Фемистокл, и вспыльчивый спартанец смутился.

Коринфский стратег язвительно заметил Фемистоклу, что ему, афинянину, утратившему родину, не подобает побуждать тех, у кого она еще есть, оставить на произвол судьбы свое отечество. Фемистокл резко ответил: «Негодяй! Мы, афиняне, покинули жилища и стены, не желая стать рабами ради бездушных вещей. Но есть город, величайший из городов Эллады — вот эти двести афинских кораблей перед нами, готовые помочь вам спастись, если вы этого желаете. А если вы уйдете, снова предав нас, то мы, афиняне, также оставим вас и отплывем в Южную Италию. Там мы воздвигнем новый город!»

Гордый ответ Фемистокла заставил замолчать малодушных, и Фемистоклу удалось склонить всех принять его план. Но утренний туман рассеялся, и эллины увидели у Фалера огромный неприятельский флот. Это зрелище устрасило союзников, и они решили в ту же ночь отплыть к Пелопоннесу. Фемистоклу все же удалось пока удержать союзников. Он правильно считал, что следует дать бой

Греческий воин.
С изображения на вазе.

в узком Саламинском проливе. Здесь быстроходные корабли эллинов имели бы преимущество над многочисленными, но неповоротливыми судами персов.

И Фемистокл через одного близкого ему человека сообщил персидскому царю, что эллины собираются ночью отступить; он, Фемистокл, будто бы принял сторону персов и советует царю напасть на эллинов немедленно, пока они не оправились от страха.

Царь Ксеркс был уверен в победе. Он повелел тотчас же закрыть про-

ходы из Саламинского пролива, чтобы ни один эллинский корабль не мог ускользнуть. В это время Аристид, возвращавшийся из изгнания, тайком пробирался мимо персидских кораблей в расположение эллинов. Он принес сообщение, что эллинский флот окружен персами. Теперь корабли союзников не могли покинуть афинян.

Фемистокл знал благородную душу Аристида, хотя и не любил его. Он рассказал Аристиду о том, как послал к персам доверенного человека, и изложил свой план. Зная, как популярен Аристид у союзников, он просил вождя аристократов использовать свое влияние, чтобы убедить союзников отважиться на сражение.

Минул еще один день, и наступило утро Саламинской битвы (480 г.). Эллины вновь увидели флот персов в боевом порядке. В отдалении на холме под золоченым балдахином, на золотом троне сидел Ксеркс. Вокруг царя расположились приближенные и множество писцов, которые должны были описать великую победу персов.

Афинский флот состоял из 180 быстроходных кораблей. На палубе каждого корабля находилось 14 тяжело-вооруженных воинов (гоплитов) и 4 стрелка из лука. По свидетельству участника сражения, знаменитого поэта Эс-

хила, у персов было до 1000 больших кораблей, из них быстроходных 207.

Для начала сражения Фемистокл выбрал момент, когда дует свежий ветер с моря. Ветер не вредил плоским с низкими бортами судам эллинов; тяжелые же корабли персов с высоко поднятой кормой испытывали сильную качку.

Взоры всех эллинов были направлены на Фемистокла. С огромного корабля персов брат царя Ксеркса, опытный флотоводец Ариамен, заметил Фемистокла и повелел метать в него стрелы и копья. Тогда корабль афинян, плывший рядом с триерой Фемистокла, ударил носом в триеру Ариамена. Корабли противников сцепились. Ариамен во главе своих воинов пытался вскочить на афинский корабль. Закипел беспощадный рукопашный бой. Афиняне храбро сражались, и персидский флотоводец пал мертвым. Нападающие персы были перебиты и их тела брошены в море. Смерть командира расстроила ряды персов и лишила их мужества. Греки же воодушевились и сражались с небывалой храбростью, они понимали, что им остается победить или умереть.

Афинянин Ликомед первым захватил вражеский корабль, затем афиняне захватили и потопили множество персидских кораблей. Персы храбро сражались, но их огромные корабли не могли противостоять нападавшим на них с обоих бортов проворным кораблям эллинов.

Бой длился целый день. К вечеру персидский флот не выдержал и обратился в бегство.

Так эллины одержали при Саламине блестящую победу над значительно сильнеешим противником. Теперь раздраженный Ксеркс задумал перевести свою сухопутную армию по мосту на остров Саламин. Фемистокл предложил отрезать путь отступления: он советовал разрушить мост через Геллеспонт, чтобы, по его словам, «поймать Азию в Европе».

Аристид, которому Фемистокл сообщил свой план, не согласился с ним. Он говорил, что не следует доводить персов до крайности, потому что они будут сражаться тогда с мужеством отчаяния. «Наоборот, — сказал Аристид, — мы не только не должны разрушать мост, но, если бы была возможность, следует построить еще и другой мост, чтобы как можно скорее изгнать персов». Фемистокл согласился с Аристом.

Он придумал средство заставить персидского царя уйти из Эллады. Фемистокл послал одного из знатных персидских пленников к царю с сообщением, что эллины намерены разрушить мост на Геллеспонте. Заботясь об интересах царя, Фемистокл советовал ему поспешить переправиться через мост, а пока греки задержат преследование.

Объятый ужасом Ксеркс решил немедленно отступить. Он оставил в Элладе только часть войска под командой полководца Мардония. Вскоре армия Мардония потерпела решительное поражение при Платеях, и остатки ее покинули Элладу.

Так Эллада была спасена от страшной опасности. Несмотря на происки и зависть врагов, эллины осыпали Фемистокла небывалыми почестями. Даже спартанцы, не любившие чужеземцев, пригласили афинского полководца в Спарту и здесь увенчали его оливковым венком за мудрость и подарили герою роскошную колесницу. Почетный отряд из 300 молодых воинов провожал его до границы Спарты. Как только Фемистокл появился на общеэллинском празднике в Олимпии — на Олимпийских играх — представители всех городов Эллады устроили ему торжественную встречу.

Фемистокл гордился своей славой. Какой-то житель незначительного островка Сериф заметил однажды ему, что он своей славой обязан не себе самому, а государству. «Ты прав, — возразил ему герой, — я бы никогда не прославился, будь я серифянин, как не прославился бы и ты, если бы родился афинянином».

Как-то один из товарищей-стратегов выступил против Фемистокла и стал сравнивать с его подвигами свои собственные. Фемистокл рассказал товарищу басню, как однажды с Праздником вступил в спор следующий за ним Будний день. Будний день утверждал, что Праздник только и знает, что хлопочет да похваляется, тогда как на другой день все на досуге наслаждаются отдыхом. «Правильно говоришь ты, — заметил Праздник, — но если бы я не родился, то не было бы и тебя». «Также, — продолжал Фемистокл, — не будь меня, где были бы вы теперь?» Фемистокл понимал, что теперь, после изгнания персов из Греции, главный враг афинян — спартанцы. Поэтому он убедил народное собрание немедленно приняться за постройку стен вокруг Афин, чтобы граждане в случае опасности могли укрыться за ними. При господстве афинян

на море стены позволили бы выдержать любую осаду на суше. Постройка стен велась с величайшей поспешностью. В работе принимали участие все жители Афин, включая иностранцев, рабов, женщин и даже детей.

Но и враги афинян не дремали. Спартанцы, подстрекаемые афинскими аристократами, со страхом и завистью смотрели на усиление могущества афинян. Постройка стен в Афинах встретила сопротивление спартанцев. Они понимали, что афиняне укрепляют стены города из боязни перед Спартой, и поэтому требовали немедленного прекращения работ. Защищаться от вторжения персов, говорили они, можно только в Пелопоннесе, а там уже построена стена, перегораживающая перешеек. Все укрепления в Средней Греции должны быть срыты, как ненужные.

Но Фемистокл обманул спартанцев. В Спарту отправилось афинское посольство во главе с Фемистоклом. Когда спартанцы пожаловались, что афиняне вооружаются и обносят город стеной, он предложил отправить в Афины послов, чтобы выяснить, как там в действительности обстоит дело. Он предложил это, чтобы выиграть время для постройки стены и дать в руки афинян заложников в лице спартанских послов. Поэтому спартанцы были вынуждены отпустить Фемистокла домой.

Фемистокл продолжал укреплять морскую мощь Афин. Он строил новые корабли. По его совету союз греческих государств был расширен. Много новых городов-государств вступило в союз и признало главенство Афин.

Такая политика Фемистокла усилила в Афинах демос — простой народ. Матросы, рулевые, гребцы, строители различных специальностей, многочисленные ремесленники стали влиятельными в народном собрании. Фемистокл сделал афинян морским народом и, укрепив Пирей¹, он «привязал город к Пирею», сушу к морю.

Спартанцы между тем предложили исключить из союза греческие государства, не принимавшие участия в войне с персами (как, например, Фивы и Аргос). Фемистокл воспротивился этому. Он понимал, что в таком случае в союзе получат преобладание спартанцы и зависящие от них мелкие пелопоннесские государства.

С островными государствами Фемистокл обращался повелительно и гордо. Он требовал от них денежной дани

¹ Пирей — афинская гавань.

и безоговорочного подчинения Афинам. Так он поступил с жителями Карйста и Пáроса¹. Явившись с большим флотом к острову Андрос, он осадил его и потребовал денег, говоря, что явился с двумя богами — Убеждением и Силой. Кто не последует за первым, будет вынужден подчиниться второму. Андросцам пришлось уступить. Более значительные островные государства были вовлечены в союз путем переговоров. В этих переговорах Фемистокл играл главную роль. Афиняне имели теперь превосходство перед союзниками на море.

Между тем враги Фемистокла решили нанести ему удар. Они добились его изгнания при помощи остракизма. Причиной изгнания Фемистокла была потеря расположения народа. Афиняне опасались слишком решительной политики Фемистокла, направленной против Спарты. Народ устал от Персидской войны и не хотел новой войны со Спартой, силы которой на суше превосходили афинян.

Изгнанный Фемистокл сначала нашел себе приют в Аргосе. Вскоре, однако, спартанцы обвинили Фемистокла в том, что он участвовал вместе со спартанским царем Павсанием в связях с персами. Всякие сношения с персами считались тогда государственной изменой. Враги Фемистокла — афинские аристократы — поддерживали это обвинение. Они добились от народного собрания решения о том, чтобы силой доставить Фемистокла в суд.

Получив известие об этом, Фемистокл переправился на Керкиру (остров на Ионическом море). Но вскоре он принужден был искать убежища у царя Адмета в Эпире (на северо-западе Греции).

Однако и здесь Фемистокл оставался недолго. Вынужденный покинуть Эпир, Фемистокл сел на грузовой корабль и отплыл в Азию. Никто из спутников Фемистокла не знал, кто он, пока корабль не пригнало ветром к острову Фасосу (у северных берегов Греции). Остров этот в то время был осажден афинским флотом, и Фемистокл опасался, что попадет в руки своих сограждан. Он открыл свое имя капитану корабля. Ему удалось убедить капитана миновать остров и причалить к малоазийскому берегу. Пристав к городу Кима, Фемистокл заметил, что его здесь

¹ Карйст — город на острове Эвбей. Пáрос — один из Кикладских островов. Андрос — один из Кикладских островов в Эгейском море.

подстерегают, чтобы схватить и выдать персидскому царю. За поимку Фемистокла персидский царь объявил огромную награду в 200 талантов.

Из Кимы Фемистокл направился в эолийский город Эги, где его принял старый друг Никоген, связанный с ним узами гостеприимства. Здесь Фемистокл добровольно решил отдаться в руки персов. Он тайно отправился к персидскому царю Артаксерксу, сыну и наследнику Ксеркса. Царь милостиво принял Фемистокла. По прошествии года Фемистокл изучил персидский язык и обычаи страны; тогда царь назначил его правителем трех городов в Малой Азии: Магнесии, Лампсака и Миунта. В Магнесии же Фемистокл и скончался 65 лет от роду. Обстоятельства смерти Фемистокла неизвестны. Есть сведения, что он покончил самоубийством, не желая сражаться против эллинов. Скорее всего, однако, он умер от болезни.

АРИСТИД

(около 540—467 гг. до н. э.)

Аристид происходил из обедневшего аристократического рода и всю жизнь испытывал острый недостаток в деньгах. Вся его жизнь прошла в борьбе с вождем афинских демократов Фемистоклом. Рассказывают, что их соперничество началось еще в детстве. Различие в характерах приводило к тому, что они постоянно ссорились даже в играх. Фемистокл был плутоватым, решительным и очень умным. Аристид отличался благоразумием, постоянством характера, честностью и справедливостью.

Когда Аристид и Фемистокл выросли, они получили возможность участвовать в общественной жизни Афин. К этому времени относится расцвет огромной Персидской

державы. Персы захватили греческие города на побережье Малой Азии и приближались к Балканской Греции. В момент грозной опасности греки не были единодушны. Материковая Греция была расчленена на ряд враждующих государств. Некоторые из них готовы были добровольно подчиниться Персии.

В это тяжелое время в Афинах, одном из крупнейших греческих городов-государств, разгорелась острая политическая борьба. Происхождение Аристиды, его приверженность к установленным издревле порядкам побудили его примкнуть к аристократической партии. Образцом для себя он избрал спартанца Ликурга, которого считал лучшим политическим деятелем, достойным подражания. Противником Аристиды был вождь демократов Фемистокл.

Как и в детстве, Аристид был необычайно честен и справедлив. Его верность своим убеждениям и справедливость производили сильное впечатление на современников и даже вошли в поговорку. Современники дали Аристиду прозвище Справедливый.

Целью своей деятельности он поставил сохранение старых порядков. Аристид считал, что во всех нововведениях нужно соблюдать осторожность и не нарушать старинных установлений. В этом он был непримиримым противником Фемистокла, призывавшего народ к серьезным переменам. Аристид считал, что Фемистокл, придя к власти, коренным образом изменит все установившиеся веками порядки. Поэтому он выступал даже против, с его точки зрения, полезных предложений Фемистокла, стремясь подорвать его влияние, не дать ему усилиться и захватить власть.

Однажды Аристид выступил против одного из таких предложений Фемистокла и добился победы. Предложение было отклонено. Но успех не обрадовал Аристиды. Он понимал, что соперничество с Фемистоклом завлекло его слишком далеко. Их борьба приносит отечеству не пользу, а вред. Покидая народное собрание, Аристид с горечью сказал, что государственные дела много выиграют, если и его и Фемистокла сбросят в пропасть.

Справедливость Аристиды побуждала его беспристрастно относиться не только к другим, но и к себе. Однажды он сам внес какое-то предложение. Оно встретило возражения, но победа все же клонилась на его сторону. Предложение должно было быть поставлено на голосование.

В результате обсуждения Аристид понял, что оно не принесет пользы отечеству, и снял его сам.

Справедливость Аристиде обеспечивала ему безусловное доверие сограждан. В спорах между собою афиняне больше доверяли решению Аристиде, чем приговорам судей, назначенных государством.

Как-то Аристид разбирал спор между двумя гражданами. Один из них, желая привлечь судью на свою сторону, напомнил, что его противник в свое время причинил Аристиду много неприятностей.

— Почтеннейший, — спокойно сказал Аристид, — лучше говори, чем он обидел тебя. Ведь я сужу его за твои обиды, а не за мои.

В другой раз Аристид сам обратился в суд с жалобой на своего врага. После речи Аристиде уверенные в его искренности и честности судьи не захотели даже выслушать обвиняемого. Но Аристид вскочил с места, требуя дать возможность высказаться своему противнику.

В это время персидский царь Дарий предпринял поход против греков (490 г. до н. э.). Согласно обычаю ведение войны с персами поручили 10 стратегам. Каждый из них по очереди получал на один день верховное руководство. Одним из стратегов был Аристид. Когда руководство перешло к нему, он уступил его Мильтиаду, как самому опытному и способному военачальнику. Аристид понимал, что ведение войны требует единоначалия, и убедил всех товарищей последовать его примеру.

Сосредоточив командование в своих руках, Мильтиад расположил войско в узкой равнине у подножия гор, близ селения Марафон. Афиняне первыми атаковали врага. Во время сражения больше всего пострадал центр афинского войска, принявший удар врагов. Здесь мужественно сражались плечом к плечу Фемистокл и Аристид.

Обратив врагов в бегство и заставив их сесть на корабли, афиняне увидели, что персы плывут не на Восток, а к Афинам. Опасаясь, что персы захватят город, в котором не осталось защитников, стратеги отправили большую часть войска быстрым маршем к Афинам. В Марафоне для охраны пленников и добычи был оставлен только Аристид с отрядом воинов. Он не обманул возлагавшихся на него ожиданий. Несмотря на то что в палатках и на земле лежали груды серебра, золото, роскошные одеяния и драгоценности, ему и в голову не пришло взять что-либо

из этих богатств. Не позволил он этого и никому другому.

Спустя год после сражения при Марафоне Аристид занял должность первого архонта¹. Но прошло лишь немного лет, и прославленного Аристида изгнали из Афин остракизмом². Рассказывают, что причиной этого явился возникший в народе слух, будто Аристид, разбирая дела сам, подрывает значение народного суда и подготавливает себе монархическую власть³.

Остракизм не был наказанием за какие-либо нечестные поступки. Этим средством хотели только удалить человека, влияния и могущества которого опасались.

Остракизм происходил так. Гражданин нацарапывал на глиняном черепке имя человека, которого считал опасным государству. Черепки собирались и подсчитывались. Если общее число поданных черепков было менее шести тысяч, то остракизм считался не состоявшимся. Затем черепки с одним и тем же именем складывали в отдельные кучки. Тот, чье имя оказывалось написанным на наибольшем числе черепков, объявлялся изгнанным на десять лет. Однако он продолжал владеть своим имуществом и по прошествии десятилетнего срока мог вернуться в Афины и снова заняться политической деятельностью.

Рассказывают, что один неграмотный афинянин обра-

¹ В VIII—VI веках до н. э. в Афинах во главе государства стояли девять архонтов. Впоследствии архонты утратили руководящую роль в государстве, но сохраняли большое значение в общественной жизни.

² «Остраκόν» по-гречески «черепок». Слово «остракизм» означает «голосование черепками». В переносном смысле это же слово употребляется в значении «изгнание». Например, сообщая о своем изгнании, А. С. Пушкин писал: «Меня постигнул остракизм».

³ Надо полагать, что истинные причины изгнания Аристида были более глубокими. В это время особенно остро разгорелась борьба между аристократами и демократами. Партия Фемистокла, представлявшая интересы горожан, стояла за расширение морской торговли. Это требовало увеличения афинского военного флота. В свою очередь постройка флота приводила к усилению общественного значения беднейшего «корабельного люда», который стал теперь широко привлекаться к военной службе. Аристократическая партия, к которой принадлежал Аристид, представляла интересы землевладельцев и была мало заинтересована в развитии торговли. Поэтому аристократы были против морской политики Фемистокла. Победа демократической партии была, по-видимому, истинной причиной остракизма Аристида.

тился к какому-то незнакомцу с просьбой написать на его черепке имя Аристид.

— Что плохого тебе сделал этот человек? — спросил незнакомец, оказавшийся самим Аристидом.

— Ничего, — ответил тот. — Я его даже не знаю. Но мне надоело слышать, что его постоянно называют Справедливым.

Аристид ничего не сказал и, написав свое имя на черепке, вернул его гражданину. Аристид был изгнан на десять лет.

Но, спустя три года, когда Ксеркс вторгся в Аттику (480 г. до н. э.), афиняне разрешили возвратиться изгнанникам. Многие опасались, что Аристид, изгнанный афинской беднотой, станет на сторону врагов и это побудит аристократов перейти к персам. Но они не понимали этого человека. Еще до постановления о возвращении изгнанников Аристид все время призывал эллинов бороться против персов. После возвращения, когда Фемистокл был избран стратегом с неограниченными полномочиями, Аристид помогал ему во всем советом и делом, хотя признавал, что этим он содействует влиянию и известности своего злейшего врага. Когда речь шла о благе родины, личные интересы отступали для Аристида на задний план.

Положение греков было очень тяжелым. Войско персов, пройдя Северную Грецию, сумело прорваться через Фермопильский проход. Теперь персы беспрепятственно заняли Среднюю Грецию и приблизились к Афинам. Все афиняне, способные носить оружие, сели на корабли, чтобы продолжать борьбу на море. Детей, женщин и стариков успели вывезти из Афин на лежащий у берегов Аттики остров Саламин. Вскоре после этого персы заняли Афины, а их флот подошел к Саламину.

Спартанские военачальники, командовавшие флотом греков, хотели дать приказ кораблям отступать от Саламина и оставить находившиеся на острове афинские семьи на произвол судьбы. Однако персидский флот ночью окружил Саламинский пролив, отрезав грекам путь для отступления¹.

Как раз в этот момент с острова Эгина вернулся проживавший там Аристид. Он отважно провел свой корабль между вражескими судами и явился ночью к палатке Фемистокла. Вызвав его, Аристид сказал:

¹ См. биографию Фемистокла (стр. 57—58).

— Мы разумные люди, и нам надо прекратить пустое и мальчишеское соперничество. Сейчас главное — спасти Грецию, тебе — как начальнику и полководцу, а мне — как твоему помощнику и советнику. Ты считаешь, что необходимо как можно скорее дать бой персам в узком проливе. Я согласен с этим, но спартанцы мешают тебе. Враги же как будто сами содействуют успеху твоего плана. Вражеские корабли окружили нас со всех сторон. Грекам не остается ничего иного, как вступить в сражение; все дороги для бегства отрезаны.

Услышав это, Фемистокл обрадовался и попросил Аристиду, которому особенно благоволили спартанцы, убедить их флотоводца Еврибиада в необходимости немедленно вступить в морской бой.

Однако, когда вопрос о битве обсуждался на совете полководцев, Аристид не взял слова. Видя это, один из стратегов сказал, обращаясь к Фемистоклу: «Аристид тоже не одобряет твоего плана. Видишь, он сидит и молчит».

Аристид возразил, однако, что не стал бы молчать, если бы не считал план Фемистокла наилучшим.

Аристид деятельно участвовал в Саламинском бою. Он обратил внимание на находившийся недалеко от Саламина маленький остров Пситталия, на котором было полно вражеских воинов. Посадив на транспортные суда самых решительных и воинственных граждан, Аристид высадился с ними на Пситталии. Вступив в бой с персами, греки уничтожили врагов на острове.

Несколько знатных персов были взяты в плен. Среди пленных оказались племянники царя, которых Аристид отослал к Фемистоклу. Персидских юношей принесли в жертву богу Дионису¹.

Аристид со своими воинами устроил засаду на острове и подстерегал здесь спасавшихся с разбитых кораблей персов. Оказалось, что больше всего судов скопилось именно в этом месте и здесь завязалась самая горячая битва. Поэтому и трофей² был поставлен на Пситталии.

¹ Этот рассказ свидетельствует о том, что у греков даже в V в. до н. э. еще сохранились человеческие жертвоприношения.

² *Трофей* — памятник, воздвигавшийся первоначально из отобранных у неприятеля доспехов на месте одержанной победы. В современном языке трофей означает имущество противника, захваченное во время войны.

После боя Фемистокл предложил сразу же поплыть к Геллеспонту, разрушить мост через пролив, построенный персами, и не дать персидским войскам вернуться домой из Европы. Аристид решительно воспротивился этому предложению. Он хотел, чтобы персы как можно скорее ушли из Греции. Не имея возможности вернуться, персы, по мнению Аристида, поневоле станут ожесточенно сражаться.

После битвы при Саламине Ксеркс поспешно отправился с частью войск в Азию, оставив в Греции своего полководца Мардония, который надменно писал грекам:

«Вы победили на море людей сухопутных. Но теперь перед нами широкие равнины Фессалии и Беотии, удобные для моих всадников».

Афинянам же он отправил письмо, в котором обещал восстановить их город, дать много денег, сделать их владыками над всеми греками, если они заключат с персами мир.

Спартанцы, испугавшись, что афиняне примут предложение царя, отправили к ним посла. Они предлагали прислать афинских детей и женщин в Спарту и обещали обеспечить их питанием.

По предложению Аристида афиняне дали спартанцам гордый и мужественный ответ.

— Не удивительно, — писали афиняне, — что враги хотят купить нас. Они могут не знать, что нет такого количества золота ни на земле, ни под землей, которое афиняне предпочли бы свободе греков. Спартанцам же стыдно уговаривать афинян защищать их родину за плату.

А послам Мардония Аристид сказал, указывая на солнце:

— Пока солнце движется по своему пути, афиняне не перестанут воевать с персами, мстя за опустошенную страну, за оскверненные и сожженные святыни.

Когда Мардоний вторично вторгся в Аттику (479 г. до н. э.), жители снова переправились на Саламин. По предложению Аристида афиняне отправили послов в Спарту. Они просили спартанцев немедленно прийти на помощь уцелевшей части Греции. Правители Спарты послали пять тысяч воинов, каждого из которых сопровождало семь илов.

Аристид, избранный стратегом для руководства афинянами в предстоящей битве, прибыл в Платеи во главе

афинских гоплитов. Здесь к нему присоединился спартанский царь Павсаний, возглавлявший все греческое ополчение. К ним все время подходили новые отряды из других греческих государств. Персидский лагерь расположился вдоль реки Асопа.

Тегейцы¹, пришедшие из Пелопоннеса вместе со спартацами, вступили в спор с афинянами и требовали, чтобы их отряду предоставили право занять левый фланг греческого войска². При этом они всячески восхваляли своих предков, которые якобы всегда сражались и одерживали победы на этом фланге. Аристид, заметив, что афиняне возмущены этим требованием, подошел к ним и сказал:

— Сейчас не время спорить о храбрости предков. Какое бы место в строю нам ни назначили, мы постараемся не посрамить нашей славы, приобретенной в прежних боях. Мы пришли сюда не ссориться с союзниками, а сражаться с врагами и проявить свое мужество перед лицом всей Греции. Место не делает человека храбрее. Пусть само сражение покажет, кто достоин больших почестей.

Не только несогласия союзников подрывали силы и единство греков. Накануне битвы тревога охватила афинян. Богатые люди, разорившиеся из-за войны, увидели, что с богатством ушло их влияние. Они тайно собрались в Платеях и организовали заговор для свержения демократов.

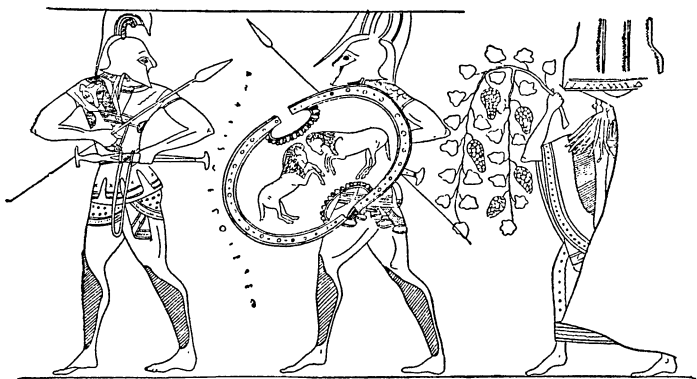
В случае неудачи заговорщики решили даже пойти на измену и перейти к персам. У них было немало сторонников, и кое-кто в войске готов был последовать за ними.

Аристид узнал о заговоре, но счел момент неблагоприятным для расследования. Однако совсем пренебречь этим делом тоже было невозможно. Из многих участников заговора Аристид арестовал только восемь человек. Двое из них, наиболее виновные, бежали из лагеря. Остальных Аристид отпустил. Он хотел дать им возможность раскаяться и честно искупить свою вину в предстоящем бою.

Тем временем Мардоний готовился к решающему сражению. Он рассчитывал на свою конницу. Все греческое

¹ Город Тегея расположен в центральной части Пелопоннеса, в Аркадии.

² Стоять на фланге войска (занимать крайнее положение) считалось особо ответственным и наиболее почетным. Правый фланг (самое почетное место) был оставлен за Спартой, а на левый имело право претендовать второе по значению государство — Афины.

Воины.
С изображения на вазе.

войско засело в неприступных скалистых предгорьях Киферона. Лишь три тысячи мегарцев расположились лагерем на равнине. Поэтому они попали в тяжелое положение. На лагерь, открытый со всех сторон, обрушилась персидская конница. Мегарцы поспешно послали гонца к спартанскому царю Павсанию, призывая его на помощь. Однако царь не решился отправить спартанских гоплитов, которые не умели сражаться с персидской конницей. Тем временем из-за массы летящих дротиков и стрел лагерь мегарцев совсем скрылся из виду.

Тогда Павсаний стал просить стоявших вокруг него других полководцев помочь мегарцам. Никто не откликнулся на этот призыв. Только Аристид от имени афинян послал 300 отборных воинов. Они быстро собрались и бегом помчались вперед.

Начальник персидской конницы Масистий, человек замечательный своей силой и ростом, увидев афинян, повернул коня и поскакал им навстречу. Схватка была жаркая. Греки бились с врагом врукопашную. Конь Масистия, раненный стрелой, сбросил седока. Персидский полководец был в тяжелых доспехах. Сам он не мог подняться, но и афинянам, толпившимся вокруг него, не удавалось его прикончить. Наконец, один из них просунул древко дротика через отверстие для глаз в шлеме и убил Масистия. Остальные персы, бросив труп полководца, бежали.

Греки, видя уныние, охватившее персов, поняли, насколько тяжела для них гибель Масистия. Вся равнина наполнилась стоном и плачем, так как Масистий уступал по доблести и мужеству лишь самому Мардонию.

После столкновения с персидской конницей бои прекратились на долгое время. Дело в том, что гадатели предсказали победу тем, кто будет только обороняться¹, но не нападать. Однако обстоятельства заставляли персов торопиться. У Мардония оставалось съестных припасов всего на несколько дней, а число греков все увеличивалось. Мардоний решил не ждать больше и не откладывать битву.

В полночь к греческому лагерю тихо подъехал человек верхом на коне. Он вызвал Аристида и сказал ему:

— Я — царь македонян Александр. Хотя это и угрожает мне величайшей опасностью, я все же приехал предупредить: завтра Мардоний нападет на вас, так как у него нет другого выхода. (Македония была союзницей персов.)

Сказав это, Александр попросил Аристида, чтобы тот никому не рассказывал о его приходе.

— Я не могу скрыть твое сообщение от Павсания, но, кроме него, никто не будет об этом знать, — обещал Аристид.

Когда царь македонян ускакал, Аристид рассказал Павсанию о полученных сведениях.

Призвав к себе стратегов, Павсаний приказал им привести войска в боевую готовность. К Аристиду спартанский царь обратился с просьбой перевести афинян на правый фланг и выстроить их против персов. Он думал, что афиняне сумеют лучше других сразиться с персами, так как у них уже имелся опыт предыдущих боев. Левый фланг, против которого стояли входившие в персидскую армию малоазийские греки, он просил уступить спартанцам.

Афинские стратеги считали, что Павсаний поступает несправедливо, ставя их на самое опасное место. Но

¹ Персам было удобнее сражаться на равнине, где они могли использовать свою конницу. Греки же хотели дать бой в гористой местности, где всадники персов не могли быть использованы. Понимая, что каждой из враждующих сторон лучше всего сражаться на занимаемой территории, персидские и греческие гадатели, выдавая свои соображения за волю богов, предсказывали, что наступление не будет иметь успеха.

Аристид согласился с предложением спартанцев. Он напомнил своим соотечественникам, что еще совсем недавно они спорили с тегейцами за почетное право стоять на левом фланге. Теперь же, когда спартанцы добровольно предлагают им еще более почетный правый фланг, они недобровольны доставшейся честью.

После слов Аристида афиняне охотно поменялись со спартанцами местами. По всему лагерю из уст в уста передавали его смелые слова:

«Чего нам бояться?! Разве враг стал храбрее, а его оружие лучше? Ничто не изменилось со времен Марафонского сражения. Мы победим, как побеждали раньше!»

Мардоний узнал от перебежчиков о передвижении греков и немедленно тоже перестроил свои войска. Он хотел, чтобы против персов были спартанцы. Может быть, он боялся афинян, а может быть, считал делом чести сразиться именно со спартанцами.

Как только Павсаний заметил это, он снова поставил афинян против персов.

И снова Мардоний переставил свои войска...

День прошел в бесполезных перемещениях. С наступлением ночи греки решили отодвинуться подальше на более удобные позиции. Стратеги повели войско в намеченное место, но воины двигались неохотно.

От Мардония не укрылось, что греки покинули прежние позиции. Он считал, что враги отступают, и бросил свои войска вслед за спартанцами. Персы громко кричали и бряцали оружием, полагая, что им предстоит не биться с врагом, а грабить и убивать бегущих. Действительно, чуть не случилось так, как они предполагали.

Заметив приближение персов, Павсаний приказал привести отряды в боевую готовность. Он велел спартанцам закрыться щитами и ждать врагов. Персидские стрелы стали уже достигать греческого войска, но спартанцы стояли на своих местах. Многие падали, пронзенные стрелами, но фаланга не отступала ни на шаг. Наконец, Павсаний дал сигнал к бою. Только теперь персы поняли, что им придется сражаться с людьми, решившими биться до последнего вздоха.

Устроив перед собой заграждения из множества щитов, сплетенных из прутьев, персы выдвинули вперед лучников, которые стали забрасывать греков стрелами.

Спартанцы вступили в бой, сохраняя сплоченный строй, щит к щиту. Они подошли вплотную к врагу, пробили плетеные заграждения и прорвались через них, поражая персов копьями. Персы же, хватаясь голыми руками за копья, большую их часть переломали. Затем, выхватив из ножен оружие, персы пустили в ход мечи и кинжалы. Закипел кровавый и жестокий бой.

Когда афиняне услышали крики сражающихся, то поспешно устремились на помощь спартанцам. С громким кличем побежали они вперед, а навстречу им двинулись греки, бывшие на стороне персов.

Увидев соотечественников, Аристид вышел вперед и, заклиная всеми греческими богами, просил их не участвовать в сражении. Но те, не обращая внимания на его слова, уже выстраивались для боя. Тогда Аристид решил не идти на помощь спартанцам, а сразиться с этим отрядом. Враги не выдержали натиска афинян и отступили.

Битва велась сразу в двух местах. Спартанцы скоро победили персов и, обратив их в бегство, принудили заступить за стены, окружавшие вражеский обоз.

Когда некоторое время спустя афиняне обратили в бегство греков, сражавшихся на стороне персов, к ним прибыл вестник с сообщением о том, что персы осаждены в своем лагере. Зная, что спартанцы не умеют брать приступом укрепления, афиняне немедленно пошли им на помощь. Лагерь был взят сразу же по приходе афинян, и греки перебили множество врагов. Эта битва произошла в августе 479 года до н. э. Греки потеряли меньше полутора тысяч человек. Потери персов были значительно больше.

После битвы греческие стратеги начали спор о том, кому присудить награду за победу. Афиняне не хотели уступать спартанцам. Спор достиг такой остроты, что, казалось, может быть разрешен только оружием. В этот тяжелый момент, когда все дело освобождения могло погибнуть, Аристид уговорил стратегов передать решение спора всему греческому ополчению.

Все понимали, что если они присудят награду афинянам или спартанцам, то это может повести к войне между ними. После долгого обсуждения решили присудить награду платейцам, на земле которых произошла великая битва.

Первым на это решение согласился от имени афинян Аристид, а потом Павсаний от имени спартанцев.

Платейцам выделили 80 талантов, и на эти деньги они построили храм Афине. Трофей же, каждый свой, поставили спартанцы и афиняне.

Греки запросили дельфийского оракула, как следует им благодарить богов за победу при Платеях. Ответ оракула гласил, что благодарственные жертвы могут быть принесены не раньше, чем по всей Греции потушат оскверненный персами огонь и зажгут новый, чистый, взятый с общего очага в Дельфах.

Тогда вожди греков заставили повсюду потушить огни. Евхид из Платей взялся со всей возможной быстротой доставить дельфийский огонь. Он увенчался лавровым венком, взял огонь с алтаря и бегом пустился обратно. Рассказывают, что Евхид вернулся в Платеи в тот же день до захода солнца, пробежав в один день тысячу стадий (около 180 км). Передав огонь, он тотчас же упал и умер¹.

Вскоре было созвано собрание представителей греческих государств. На нем Аристид внес предложение, чтобы в Платеи ежегодно собирались выборные от всех греков и чтобы здесь каждые пять лет устраивались Элевтерийские состязания². На этом же собрании решили для дальнейшей войны с персами собрать союзное войско из 10 000 тяжеловооруженных воинов, 1000 всадников и 100 кораблей.

С этих пор территория Платей считалась у греков неприкосновенной. На платейцев была возложена обязанность от имени всей Греции приносить жертвы богам.

Когда Аристид вернулся в Афины, Фемистокл заявил в народном собрании, что у него есть предложение, полезное для государства. «Но,—сказал Фемистокл,—свое предложение я не могу огласить открыто».

Афиняне велели Фемистоклу рассказать обо всем наедине Аристиду, в честности и справедливости которого все были уверены. Как выяснилось, Фемистокл задумал, воспользовавшись тем, что корабли греческих государств стояли в одном месте без охраны, захватить их и сжечь.

¹ Рассказ об Евхиде маловероятен и был, по-видимому, выдумкой дельфийских жрецов, желавших показать, что боги могут наделять своих избранников сверхчеловеческой силой.

² Соревнования в честь освобождения от персидского нашествия. Элевтерия по-гречески «свобода».

Тогда афиняне окажутся сильнее всех на море и смогут господствовать над Грецией.

Аристид выступил в народном собрании и сказал, что не может быть ничего полезнее для Афин, чем предложение Фемистокла, но ничего не может быть и безнравственнее. Услышав приговор Аристида, афиняне велели Фемистоклу отказаться от своего замысла.

Вскоре Аристид был отправлен в должности стратега на войну с персами. Прибыв к месту назначения, он увидел, что Павсаний и другие спартанские полководцы грубо и высокомерно обращаются с греками. Рядовых воинов Павсаний приговаривал к суровым наказаниям, спартанцам предоставлял лучшие условия за счет остальных греков, нагло и надменно вел себя со всеми.

Аристиду удалось завоевать расположение союзников и свести на нет первенствующее положение спартанцев. Военачальники многих государств, особенно островных, стали уговаривать Аристида взять на себя руководство войском. Аристид не хотел ссориться со спартанцами, пока не был уверен, что союзники в решающий момент поддержат его. Чтобы доказать готовность идти за Аристидом до конца, союзники напали на корабль Павсания. По их требованию Павсаний вынужден был отказаться от командования.

Спартанские законодатели решили не вступать в борьбу с Афинами за руководство Союзом. Отозвав Павсания, они не послали взамен него нового военачальника, и их войска не принимали больше участия в войне против персов. Спартанцы считали, что им не хватит сил сохранить власть над илотами и удержать господство в Пелопоннесе, если они станут оспаривать владычество на море.

Так, вместо возглавляемого Спартой антиперсидского Союза возник Афинский морской союз (478 г. до н. э.).

Еще во время спартанского руководства было решено, что каждое греческое государство будет вносить определенные средства на нужды войны. Однако размеры взносов вызывали много споров, и после перехода руководства к Афинам было решено поручить Аристиду установить размер податей сообразно с территорией и доходами каждого государства.

В руках Аристида оказалась огромная власть, но он не воспользовался ею для личного обогащения. Справедливостью распределения взносов Аристид приобрел такую

славу, какую до него не имел ни один другой человек¹.

Фемистокл высмеивал популярность Аристиды. Он говорил, что для политического деятеля главное качество не честность, а умение добиваться выгод для своего государства, понимать и угадывать замыслы врагов.

— Это, конечно, необходимо, Фемистокл,— отвечал Аристид,— но не менее важно, чтобы государственный деятель был честным человеком.

Вся жизнь Аристиды служила как бы подтверждением этих слов. Он умер в Афинах глубоким стариком, почитаемый и любимый согражданами. Он был настолько беден, что в его доме не нашлось даже денег на похороны, и надгробный памятник Аристиду был сооружен на средства государства.

¹ Современник описываемых событий историк *Геродот* утверждает, что взносы, установленные Аристидом, не отличались от той дани, какую платили персам подчиненные им греческие государства. Если это сообщение верно, то эта основная заслуга Аристиды, за которую его так прославляли позднейшие историки, не дает оснований приписывать ему глубокую государственную мудрость. Не вызывает, однако, сомнений исключительная личная честность и справедливость Аристиды.

ПЕРИКЛ

(стратег 444—429 гг. до н. э.)

Ксантипп, отец Перикла и его мать Агариста принадлежали к самым знаменитым афинским родам. Ксантипп прославился во время греко-персидских войн. Он командовал афинским флотом и одержал победу над персами при мысе Микале у берегов Малой Азии. Агариста происходила из того же рода Алкмеонидов, что и Клисфен, знаменитый политический деятель, законы которого покончили в Афинах с властью единоличных правителей и установили демократию¹. Уже при рождении Перикл, сильный

¹ Реформы Клисфэна были проведены еще до греко-персидских войн. Клисфен стал у власти вскоре после изгнания сыновей тирана

и здоровый ребенок, поразил всех необыкновенными размерами и формой головы. Этот недостаток так и остался у него на всю жизнь, и чтобы скрыть его, на портретах Перикла всегда изображали в шлеме. Зато сочинители комедий всячески издевались над необыкновенно большой головой Перикла и называли его Луковицеголовый.

Перикл получил прекрасное образование. Его обучали и музыке и стихосложению. Слушал он также лекции философа Зенона, который был мастер спорить и умел рядом ловких возражений поставить противника в безвыходное положение. Но больше всего сблизился с Периклом переехавший в Афины из Малой Азии философ Анаксагор, которого современники прозвали «Разумом». Этот человек утверждал, что событиями управляют не боги, а разум, при помощи которого можно понять весь окружающий нас мир.

В своем сочинении «О природе» ученый сумел показать, как из мельчайших частиц материи образовались земля, моря и даже звезды, которые, по мнению суеверных греков, появлялись тогда, когда боги брали на небо какого-либо отличившегося на земле героя.

Чтобы понять природу звезд, Анаксагор изучал метеориты и пришел к выводу, что свечение звезд связано с тем, что быстро летящие «куски камня» раскаляются при полете. Солнце, по мнению Анаксагора, вовсе не божество, а просто раскаленный кусок камня. Вследствие отдаленности оно кажется нам небольшим, на самом же деле оно значительно больше всей Греции. То, что мы считаем светом луны,—это лишь отраженный свет солнца.

Писистрата (510 г. до н. э.). По предложению Клисфена управление государством было передано «совету пятисот», выбиравшемуся по жребию из всех граждан, и десяти стратегам (военачальникам), кандидатуры которых выдвигались и обсуждались в народном собрании. На должность стратегов, как и на некоторые другие должности, требующие специальных знаний, выбирали открытым голосованием, производившимся поднятием рук. Высшая власть в государстве принадлежала народному собранию, состоявшему из всех свободных граждан. Реформы Клисфена окончательно ликвидировали в Афинах все преимущества родовой знати и установили демократию — власть народа. Нельзя, однако, забывать, что в понятие «народ» в то время не включали ни рабов, ни женщин, ни даже греков — уроженцев других государств. Таким образом, «народ» составлял не больше $\frac{1}{8}$ всего населения.

Поскольку Луна не раскаленный шар, значит, она подобна Земле, и, может быть, учил Анаксагор, на ней также живут люди.

Книга Анаксагора не оставляла места учению о богах, и религиозные люди ненавидели ученого и мечтали изгнать его из Афин. Но Перикл восхищался Анаксагором и под его руководством основательно изучил науку о небесных явлениях.

Большие познания и природные способности сделали выступления Перикла прекрасными по форме и глубокими по содержанию. Походка его была размеренной, одежда всегда лежала правильными складками, речь оставалась неизменно спокойной и уравновешенной.

Никто не мог вывести его из себя. Однажды какой-то распушенный человек рассердился за что-то на Перикла и стал при всех ругать и оскорблять его. Хотя крик и проклятия не прекращались целый день, Перикл ничего не отвечал обидчику. Однако тот не успокаивался. Когда вечером Перикл шел домой, этот человек отправился за ним следом, всю дорогу продолжая громко выкрикивать оскорбительные слова. Перикл подошел к дому, когда было уже темно. Он приказал рабу взять факел и проводить незнакомца до дома.

Так же, как и его учитель Анаксагор, Перикл был чужд всяких суеверий. Однажды к нему явился гадатель и, неся в руках отрубленную голову однорогого барана, пророчил, что скоро вся власть в государстве сосредоточится в руках одного человека. Действительно, Периклу вскоре удалось устранить своего соперника, и все государственные дела оказались в его руках. Однако Перикл не поверил гадале, утверждавшему, что успех был связан с благоприятной приметой. Он поручил Анаксагору разобраться, в чем причина уродства барана. Ученый доказал, что из-за неправильного строения черепа второй рог не мог вырасти и, стало быть, нет ничего чудесного в том, что баран был однорогим.

В молодости Перикл боялся подвергнуться ostracismu, так как был богат, принадлежал к знатному роду и его друзья были самыми влиятельными людьми в государстве. Кроме того, говорили, что Перикл похож на некогда правившего Афинами тирана Писистрата. Старики даже поражались тому, насколько его голос и манера говорить походили на речь афинского тирана.

Перикл, раздающий награды художникам. Мраморная статуя работы французского скульптора де Баи.

Боязнь изгнания заставила Перикла отдалиться от государственных дел. Но он участвовал в многочисленных походах и отличался доблестью и отвагой.

В это время в Афинах не было выдающихся политических деятелей: Аристид уже умер, Фемистокл был изгнан, а Кимон все время находился в далеких походах. Так случилось, что Перикл почти против своей воли оказался вовлеченным в государственные дела и был избран на высокие должности. Несмотря на свое знатное происхождение, Перикл до конца жизни посвятил себя борьбе за права бедных граждан афинского государства. Став вождем демократической партии, он резко переменял образ жизни, перестал встречаться со своими родственниками и прекратил дружбу со знатными друзьями.

Перикл не часто выступал в народном собрании, избегая произносить речи по незначительным вопросам. Он не хотел, чтобы его выступления стали привычными для народа. Речь Перикла была красочна и образна. Свои природные способности он сумел развить, извлекая из наук все полезное для искусства красноречия. За это, как считают некоторые, Перикла прозвали «Олимпийцем»¹, однако вероятнее, что он получил это прозвище не столько за дар красноречия, сколько за ту власть, которую он приобрел в государстве. Перикл обладал изумительной силой убеждения. Однажды спартанский царь спросил знаменитого борца Фукидида, кто сильнее — он или Перикл. Фукидид ответил: «Если даже я положу Перикла на обе лопатки, то и тогда он докажет, что побежден я, и народ ему поверит!»

¹ На горе Олимп, по представлениям греков, жили всемогущие боги, которых и называли «олимпийцами».

Перикл сам боялся своего красноречия. Когда он увлекался, то легко мог сказать слишком много и повредить самому себе. Поэтому перед каждым выступлением он просил богов, чтобы с его уст не сорвалось ни одного необдуманного слова. В то время речей не записывали. Все, что сохранилось от замечательного красноречия Перикла,—это постановления, принятые на основе его речей.

Когда Перикл был еще молод, вождем демократической партии был Эфиальт, по предложению которого был лишен власти аристократический совет — ареопаг. Перикл был ближайшим другом Эфиальта и держался тех же политических убеждений. Эфиальт был страшен для аристократов и безжалостен с людьми, совершившими преступления перед народом. Как выразился один аристократический писатель, Эфиальт потчевал народ «несмешанной свободой», и после этого угощения народ уже не захотел слушать своих старых вождей¹.

Враги подослали к Эфиальту наемного убийцу, и вождь демократов пал от его руки. Во главе демократической партии остался один Перикл. Вождь аристократов Кимон, сторонник спартанских порядков, был изгнан острокизмом за организацию похода в помощь Спарте, воевавшей с восставшими илотами. Народ не принял во внимание даже его блестящие победы над персами.

Не успел еще окончиться срок изгнания Кимона, как завязалась война Спарты с Афинами. Большое спартанское войско вторглось в пограничную с Аттикой Беотию. Афиняне сразу же устремились против спартанцев. Узнав об этом, Кимон самовольно вернулся из изгнания и хотел принять участие в сражении. Этим поступком он стремился доказать, что интересы родины ему дороже Спарты. Однако сторонники Перикла, помня, что Кимон был изгнан за сочувствие к Спарте, не разрешили изгнаннику стать в строй. При Танагре, на границе Беотии и Аттики, разыгралась жестокая битва (457 г. до н. э.). Перикл сражался

¹ Для утоления жажды греки употребляли вино, смешанное с водой. Пить неразбавленное вино считалось неприличным и недостойным свободного человека. Стремившиеся к сохранению своих привилегий аристократы утверждали, что предоставить народу полную неограниченную свободу так же вредно и неприлично, как пить несмешанное вино.

чрезвычайно мужественно, не щадя своей жизни. Все же афиняне потерпели поражение.

Многие в Афинах стали жалеть об изгнании опытного полководца Кимона, так как считали, что он не довел бы Афины до такого позора. Перикл почувствовал недовольство граждан и решил пойти навстречу их желанию. Он сам предложил возвратить Кимона из изгнания. Предложение было принято. Кимон вернулся и добился заключения перемирия между Афинами и Спартой. Многие говорили, что Перикл внес предложение о возвращении Кимона только после того, как сестра Кимона Эльпиника пообещала ему, что Кимон, вернувшись, уйдет в морской поход против Персии, оставив Периклу власть в Афинах¹. Во время этого похода, когда афиняне осаждали принадлежавшие персам города на острове Кипр, Кимон заболел и умер (449 г. до н. э.).

Смерть Кимона ослабила аристократов, которые не знали, кого они теперь смогут противопоставить возросшему влиянию Перикла. Аристократы избрали своим вождем зятя Кимона Фукидида из Алопеки, сына Мелесия, человека безукоризненной репутации². Хотя у него и не было таких военных талантов, как у Кимона, он был хорошим оратором, сумел объединить аристократов и успешно защищал их интересы в народном собрании.

Подобно Кимону, Фукидид старался привлечь граждан на свою сторону разными подарками, оказывал помощь беднякам.

Иначе действовали демократы. Они считали, что бедняки должны иметь такие же права, как и зажиточные граждане. Хотя в Афинах для занятия общественных должностей и не требовалось быть богатым, но бедный человек не мог заниматься государственной деятельностью, так как все его время уходило на то, чтобы заработать себе и своей семье пропитание. По предложению Перикла была введена плата за исполнение государственных обя-

¹ Утверждение, будто вождь демократов заключил тайный договор с руководителем аристократической партии Кимоном, по-видимому, выдумка врагов Перикла. Рассказ о досрочном возвращении Кимона из изгнания также, вероятно, был придуман аристократическими историками, стремившимися доказать, что Кимон был предан родине и готов был служить ей даже против любимой им Спарты.

² Не следует путать этого Фукидида с его знаменитым тезкой, историком Фукидидом, сыном Олора.

занностей. Сперва присяжным народного суда, а потом и другим должностным лицам стали выдавать деньги за каждый день, потраченный ими на общественные дела.

Однако оплачиваемые должности доставались не всем беднякам. Чтобы облегчить положение остальных, Перикл предложил ежегодно отправлять в море шестьдесят триер, экипаж которых набирался из граждан, получавших за это плату в течение шести месяцев. Все это время молодые люди изучали морское дело, знание которого необходимо в случае войны. Кроме того, на земле государств, входивших в Афинский союз, создавались афинские поселения (клерухии), где всякий афинянин мог получить участок земли. Этими поселениями решались сразу две задачи: создавались гарнизоны за пределами Аттики и облегчалось положение простого народа.

Для того чтобы дать развлечение оставшимся в Афинах беднякам, Перикл часто устраивал всенародные угощения, праздничные шествия и театральные представления. Театру придавалось такое большое значение, что по предложению Перикла в праздничные дни беднякам даже раздавались деньги, чтобы дать им возможность посещать представления.

Позаботился Перикл и о том, что доставило Афинам наибольшую славу, а у жителей других городов вызывало одновременно зависть и восхищение. В годы, когда он руководил государством, афинский кремль — акрополь — был украшен замечательными произведениями скульптуры и архитектуры. Из всех государственных мероприятий это строительство вызвало больше всего нападков со стороны врагов Перикла.

«Афинский народ, — кричали они, — теряет уважение греков! Союзники ругают нас за то, что мы перенесли

Кимон.

Рисунок работы европейского художника XVIII века.

общегреческую казну с острова Делоса в Афины, но раньше мы могли хоть оправдаться тем, что союзная казна находится здесь в большей безопасности, чем в любом другом месте. Теперь Перикл лишил нас этого оправдания. Деньги, собранные для ведения войны, мы сами растрачивали для того, чтобы украсить город золотом и драгоценными камнями».

В ответ на это Перикл отвечал своим обвинителям: «Мы не обязаны давать отчет в расходовании союзных денег. Мы честно выполняем наши обязательства по отношению к союзникам и защищаем их от нападения варваров. Ведь всякому ясно, что деньги, которые отданы за охрану, принадлежат не тем, кто их заплатил, а тому, кто их получил, если только он выполняет все, что обещал. С тех пор как создан наш Союз¹, мы ни разу не отступили от своих обязательств. Государство достаточно обеспечено всем, что нужно для войны, и мы правильно делаем, используя поступающие от союзников деньги на то, что даст нашему городу вечную славу, а жителей обеспечит средствами к существованию. При том строительстве, которое ведется в Афинах, ни одна специальность не остается без применения, ни одни руки — в вынужденном бездействии. Ведь те граждане, которые способны к военной службе, получают во время походов и обучения из общественной казны средства к существованию. Но ремесленники, не несущие военную службу, тоже имеют право на поддержку государства². Чтобы они не получали деньги, бездельничая, и надо было провести такие работы, где любой мастер нашел бы применение своим знаниям и способностям».

Перикл постоянно предлагал народу проекты, рассчитанные на длительные работы и требовавшие применения труда свободных ремесленников. Там, где материалом служили ценные породы камня, медь, слоновая кость, золото, черное дерево, нельзя было поручать дело рабам. Здесь

¹ Речь идет об *Афинском союзе*, организация которого приписывалась Аристиду (см. выше, стр. 77).

² Эта речь раскрывает главную цель, которую преследовал Перикл, украшая Афины. В условиях рабовладельческого общества ремесленники не могли конкурировать с мастерскими, обслуживаемыми трудом рабов, и разорялись. Для того чтобы обнищавшие ремесленники не восставали, правитель государства вынужден был организовать большие общественные работы и привлекать к ним свободных бедняков.

трудились живописцы, скульпторы, плотники, каменщики, золотых дел мастера, чеканщики. Строительство давало работу и тем, кто подвозит и добывает эти материалы: купцам, мореходам, каретникам, ломовым извозчикам, канатчикам и шахтерам. Сооружения, воздвигнутые при Перикле, были не только замечательны своими размерами, но и неподражаемой красоты. Удивительна была также быстрота выполнения работ. Казалось, что каждая из построек могла быть доведена до конца лишь в результате труда многих поколений: в действительности все было сделано за тот короткий срок, пока во главе Афинского государства стоял Перикл.

Всем строительством руководил Фидий¹, но в работах по украшению афинского кремля — Акрополя — принимали участие и многие другие великие архитекторы и строители. Храм покровительницы города Девы Афины (Парфенон²) сооружали Калликрат и Иктин. «Длинную стену»³, соединяющую Афины с Пиреем, также построил Калликрат.

В правление Перикла на Акрополе был также построен Одеон — здание для музыкальных состязаний. Перикл впервые провел через народное собрание постановление, чтобы на празднике Панафиней⁴ происходили не только гимнастические, но и музыкальные состязания. Будучи выбран распорядителем этих состязаний, он установил правила для участвующих в них певцов и музыкантов и добился постройки удобного для певцов круглого здания — Одеона⁵.

¹ *Фидий* (около 500—431 гг. до н. э.) — величайший скульптор и архитектор классической Греции, автор всемирно известных статуй Зевса Олимпийского и Афины Паллады. До нас дошли только копии этих знаменитых работ Фидия. В подлиннике сохранились лишь выполненные под его руководством скульптуры Парфенона.

² Название этого знаменитого храма происходит от греческого слова «дева» — парфенос.

³ Так называли среднюю стену, возведенную между двумя стенами (так называемыми «длинными ногами»), соединявшими Афины с их гаванью Пиреем.

⁴ Главный праздник Аттики, справлявшийся раз в три года в честь богини Афины. Праздник сопровождался общегреческими гимнастическими состязаниями, победители которых получали в награду красивые вазы. Эти так называемые *панафинейские вазы* победители увозили к себе на родину. При погребении вазу клали в могилу с покойником. Несколько панафинейских ваз найдено на территории нашей страны в Причерноморье, они хранятся в Государственном Эрмитаже.

⁵ Греческое слово *Одеон* происходит от слова «оде» — песня.

Всеобщее восхищение вызывал украшенный колоннами вход на Акрополь — Пропилеи. Строительство этой колоннады длилось пять лет, и постройка эта, сохранившаяся до наших дней, настолько прекрасна и так гармонирует с остальными зданиями Акрополя, что кажется, будто стоит здесь вечно.

Фукидид и его сторонники непрерывно нападали на Перикла за то, что он расходует слишком много средств на строительство. Наконец, борьба между ними достигла такой остроты, что в народном собрании был поставлен вопрос об остракизме. Перикл был в опасности, но большинство народа было на его стороне, и ему удалось добиться изгнания Фукидида.

Этим был положен конец внутренней борьбе. Аристократы, потеряв вождя, утратили вместе с тем и всякое влияние в народном собрании. Перикл не имел больше соперников. Народ поручал ему все важнейшие дела: войско, флот, управление государственными доходами.

В течение сорока лет Перикл был одним из тех, кто стоял во главе государства. После изгнания Фукидида его влияние настолько усилилось, что народ полностью доверил ему управление государством, и в течение пятнадцати лет Перикл ежегодно избирался стратегом. Он заботился о благе государства, не делая никаких послаблений притням отдельных граждан и не поддаваясь массе, когда под влиянием момента она хотела принять неверное решение. Обычно он управлял, пользуясь поддержкой народа, но случалось, что ему приходилось вести народ против его воли по пути, полезному для государства. При этом Перикл подражал врачу, который ради пользы больного причиняет ему боль или дает горькое, но целительное лекарство.

Своей властью Перикл был обязан не столько своему красноречию, сколько всеобщей уверенности, что его действия всегда направлены на благо народа. Все знали, что, превратив Афины в богатейший город, он нисколько не увеличил собственного состояния. Перикл совсем не стремился к обогащению. Получив в наследство от отца богатое имение, Перикл сумел организовать управление им наиболее для него выгодным способом. Весь урожай, получаемый с полей, Перикл полностью продавал, а все нужное для хозяйства покупал на рынке. Такая жизнь не давала возможности домохозяевам бесконтрольно пользоваться чем-либо. В его доме не было той роскоши, которая бывает

в богатых домах, и все выдавалось счетом в установленном размере. Всем хорошо организованным хозяйством Перикла руководил его раб-управляющий Евангел.

Однако Перикл не был скуп и охотно тратил деньги на помощь беднякам. Это хорошо видно из случая с Анаксагором. Рассказывают, что, когда Перикл был занят государственными делами, Анаксагор, уже глубокий старик, лежал больной, лишенный необходимого ухода. Несчастный мудрец закрыл себе голову плащом и отказывался от пищи, решив уморить себя голодом. Перикл, узнав об этом, сразу же поспешил к Анаксагору и стал уговаривать его отказаться от своего намерения. Он говорил, что ему трудно будет обойтись без мудреца, советоваться с которым он привык во всех важных делах. Тогда Анаксагор открыл голову и сказал: «Кто нуждается в светильнике, наливает в него масло». Перикл понял намек и щедро снабдил учителя деньгами.

Увлечение Перикла науками сблизило его со знаменитой Аспасией. Она была уроженкой Милета и переехала в Афины, так как этот город стал при Перикле центром научной и культурной жизни. Сюда из различных государств Греции стекались ученые, писатели, поэты и художники.

Аспасия увлекалась красноречием, и выдающиеся афинские мудрецы, такие, как Сократ¹, со своими учениками приходили к Аспасии, чтобы послушать ее речи. Занималась Аспасия и философией. В ее доме постоянно можно было встретить выдающихся мудрецов, писателей, государственных деятелей.

Аспасия резко выделялась из среды местных женщин, привыкших к затворнической жизни, ибо афинянке считалось неприличным заниматься чем-либо, кроме домашнего хозяйства. Перикл увлекся этой выдающейся женщиной и развелся ради нее со своей первой женой, от которой у него было уже два сына — Ксантипп и Парал. Любовь его к Аспасии была столь сильна, что Перикл разрешал жене нарушать афинские обычаи: выходить к гостям мужа, разговаривать с ними и даже принимать участие в спорах. Про Перикла говорили, что он под башмаком у жены, что ни один государственный вопрос не решается без ее

¹ Об афинском мудреце *Сократе* см. ниже биографию Алкивиада.

Аспасия.

Античный мраморный бюст, условно считающийся портретом жены Перикла.

участия. Враги Перикла жестоко высмеивали его за эту слабость и уверяли, что и войны теперь Афины ведут, главным образом, для того, чтобы доставить удовольствие иностранке Аспасии и возвысить ее родину Милет.

Возраставшее могущество Афин вызывало беспокойство в Спарте, которой еще со времени греко-персидских войн принадлежала руководящая роль в эллинском мире. Чтобы еще больше возвысить родину и ее значение в греческом мире, Перикл решил собрать в Афинах съезд представителей всех государств. Съезд этот должен был решить вопрос о восстановлении храмов, сожженных во время греко-персидских войн, о безопасности плавания в Эгейском море и о

заключении мира между всеми греческими государствами.

Однако в Спарте сразу поняли, что если план Перикла осуществится, то это превратит Афины в религиозный и политический центр всей Греции. Спарта запретила зависимым от нее государствам посылать представителей в Афины на съезд, и попытка Перикла потерпела неудачу в самом начале. Она показывает, однако, сколь широко были замыслы Перикла.

Перикл пользовался как полководец большим уважением, так как никогда не действовал наудачу, не решался на битву, если исход ее был сомнителен. Никогда войска, которые вел Перикл, не терпели поражения. Он не одобрял тех стратегов, которые, бросившись в рискованное предприятие, случайно добивались блестящего успеха.

Однажды полководец Толмид, которого прежние военные удачи сделали чрезвычайно самонадеянным, решил в самый неблагоприятный момент совершить вторжение в Беотию. Он убедил тысячу знатных афинян отправиться с ним в этот поход. Перикл пытался удержать его, но видя,

что тот не хочет слушать никаких уговоров, сказал: «Если ты не хочешь слушаться Перикла, ты во всяком случае не ошибешься, выбрав мудрейшего из советников — время». Тогда никто не обратил внимания на эти слова, но, спустя несколько дней, когда в Афинах было получено известие о том, что Толмид и многие из его соратников погибли, потерпевшие поражение афиняне оценили осторожность и ум Перикла.

Перикл не раз стоял во главе войска. Наиболее удачным из его походов был фракийский. На узком полуострове Херсонесе Фракийском, прикрывавшем вход в пролив Геллеспонт, жили афиняне¹. Полуостров этот имел огромное значение, так как владение им обеспечивало афинские корабли возможностью беспрепятственно привозить дешевый хлеб из богатых черноморских колоний. Однако фракийцы постоянно нападали на афинян и грозили вовсе уничтожить колонистов. Перикл разбил фракийцев и перегородил перешеек укреплениями от моря и до моря, благодаря чему нападения на колонию стали уже невозможны. Кроме того, Перикл переправил на Херсонес еще тысячу поселенцев, чем усилил ополчение местных греков.

Афины постоянно заботились об усилении своего влияния на берегах Понта Эвксинского — так греки называли Черное море, — откуда они снабжались хлебом. Чтобы показать могущество Афинского государства и вовлечь в Афинский союз греческие города-государства Причерноморья, Перикл предпринял далекий морской поход (437 г. до н. э.). Большая богато украшенная эскадра прошла проливы и вошла в Черное море. Перикл выполнил все просьбы живущих на побережье греков, оказал им военную поддержку, а царям варварских племен показал, как велико могущество Афин.

Далеко не всегда, однако, Перикл поддерживал захватнические планы своих сограждан. Часто Периклу приходилось удерживать их. Например, когда афиняне, воодушевленные военными успехами, собирались захватить Египет, Перикл отговорил их от этого рискованного предприятия. Когда же некоторые безумцы стали мечтать

¹ Современное название этого полуострова, принадлежащего Турции, Галиполи. Колония афинян была выведена сюда еще в VI в. до н. э.

о завоевании Сицилии и даже Карфагена, Перикл с таким жаром убеждал их отбросить этот план, как будто предчувствовал катастрофу, которая постигла Афины при попытке завоевать Сицилию¹.

Перикл старался сдерживать стремления афинян к новым завоеваниям. Все силы государства он направил на защиту уже имеющихся земель, опасаясь восстаний подчиненных Афинам государств в случае, если афинское войско будет находиться далеко за морем.

Опасения Перикла подтвердились. Достаточно было членам Афинского союза узнать о поражении Толмида в Беотии, как многие города отложились от Афин. Сначала мятеж вспыхнул на острове Эвбее, и Перикл отправился туда с большим войском (446 г. до н. э.).

Вскоре он получил известие, что Мегáры, государство, расположенное к югу от Аттики, восстали против власти Афин, призвали на помощь Спарту, и войско спартанского царя Плистоанакта пришло к ним на помощь. Перикл немедленно покинул Эвбею, но не решился вступить в борьбу со спартанцами. Полагая, что войско спартанцев сильнее афинского, Перикл решил действовать хитростью. Он знал, что Плистоанакт молод и во всем слушается советника, которого эфоры послали с юным царем. Перикл попытался подкупить советника царя, и это удалось. Спартанцы прекратили наступление и ушли из Аттики.

В конце года, когда Перикл давал отчет народному собранию об израсходованных им суммах, он упомянул в графе расходов, что десять талантов истрачены им «на нужное дело». Народ доверял Периклу и принял отчет, не требуя раскрытия секрета.

В Спарте же правители были возмущены поведением командовавшего войском царя Плистоанакта. На него наложили такой большой штраф, что царь оказался не в состоянии уплатить его и вынужден был удалиться в добровольное изгнание.

Оградив Аттику от опасности, Перикл с пятьюдесятью кораблями, с пятитысячным войском опять переправился на Эвбею. Восстание эвбейских городов было подавлено, и они снова были включены в Афинский союз.

Вскоре между Афинами и Спартой было заключено перемирие на тридцать лет.

¹ См. ниже биографии Никия и Алкивиада.

В это время два участника Морского союза, Самос и Милет, вели войну за обладание одним небольшим городом на побережье Малой Азии. Самосцы уже одерживали верх, но афиняне приказали им прекратить войну и решить спорные вопросы третейским судом. Самосцы не послушались, и Перикл провел через народное собрание постановление об отправке на Самос карательной экспедиции.

Главной причиной непреклонности афинян было то, что на Самосе господствовали аристократы, а Перикл хорошо понимал, что в борьбе между Афинами и Спартой аристократы всегда будут на стороне последней.

Перикл сам командовал 40 афинскими кораблями, отправившимися к Самосу. Он добился установления на острове демократии, а чтобы жители не вздумали после ухода афинян вернуться к старым порядкам, взял в качестве заложников 50 самых знатных граждан и 50 мальчиков из богатых семей. Заложники, однако, не были увезены в Афины, и самосские аристократы сумели выкрасть их у афинян. Немедленно на острове началось восстание. Афинский флот вернулся, и неподалеку от Самоса произошла ожесточенная морская битва, в которой Перикл одержал блестящую победу, хотя у него было только 44 корабля, а у противника 70. Выиграв бой, он преследовал врагов и скоро овладел их гаванью. Вскоре из Афин прибыла вторая, еще более значительная эскадра, и началась осада острова.

Война с Самосом длилась долго и с переменным успехом. Только на девятый месяц осажденные островитяне сдались (440 г. до н. э.). Перикл срыл стены города, отобрал у Самоса все корабли и наложил на город большой денежный штраф. Часть этих денег самосцы уплатили немедленно, а часть обещали выплачивать постепенно, дав афинянам в обеспечение своевременной выплаты заложников.

Возвратившись в Афины, Перикл устроил торжественное погребение погибших при осаде Самоса воинов. Речь Перикла над могилами павших произвела на слушателей большое впечатление. Когда он сходил с трибуны, многие спешили пожать ему руку, а женщины украшали его венками и лентами, как победителя в состязаниях.

Покорение Самоса укрепило власть и влияние Перикла. Всего за девять месяцев ему удалось покорить одно из

самых сильных государств Греции, которое едва не отняло у Афин их владычество на море.

Отношения со Спартой становились все более напряженными, и Перикл считал, что Афинам необходимо обеспечить себе союзников не только среди государств, лежащих в Восточной Греции, но и на Западе. В это время жители острова Керкиры¹, обладавшие большим флотом, вели войну с коринфянами. Перикл убедил народ послать на помощь керкирянам 10 кораблей. Этой эскадре был дан приказ не вмешиваться в войну и вступить в сражение только в том случае, если пелопоннесцы попытаются высадиться и занять остров.

Однако скоро афиняне стали опасаться, что незначительная помощь не спасет керкирян от поражения, и Перикла стали обвинять в том, что он, не принеся пользы союзникам, дал врагам прекрасный повод обвинять афинян в нарушении перемирия.

Тогда Перикл послал еще 20 кораблей на помощь керкирянам. Они прибыли как раз в тот день, когда произошла большая морская битва у Сиботских островов, недалеко от побережья Керкиры (433 г. до н. э.). Коринфяне одержали было победу и готовились совершить высадку на остров, когда показались афинские корабли и вынудили их отступить.

Коринфяне входили в Пелопоннесский союз и выступление афинского флота сочли нарушением перемирия между Афинами и Пелопоннесским союзом. Коринфяне обратились к Спарте с жалобой, и к ним присоединился город Мегары. Дело в том, что афиняне запретили мегарцам торговать со всеми членами Афинского союза (432 г. до н. э.), это запрещение должно было разорить мегарцев или вынудить их покориться Афинам.

В это же время Потидея, город, подчиненный Афинам, но основанный коринфянами, объявил о своем выходе из Союза и был осажден афинскими воинами. Коринф требовал, чтобы пелопоннесцы пришли на помощь Потидее.

Спарта, однако, не была готова к военным действиям, и царь Архидам пытался успокоить спартанских союзников.

¹ Керкира (ныне греческий остров Корфу) лежит у западного берега Средней Греции.

Наиболее острым был вопрос о Мегарах. Запрещение торговать обрекало мегарцев на голодную смерть, и Архидам должен был или добиться отмены этого постановления, или начать войну. В Афины отправили несколько посольств, но Перикл решительно воспротивился отмене постановления о Мегарах. Поэтому впоследствии всю ответственность за войну возлагали на одного Перикла.

Перикл был полон решимости не уступать спартанцам. «Если вы уступите пелопоннесцам, — говорил он, — то они тотчас предъявят вам еще более тяжкие требования, полагая, что вы пошли на уступки из страха».

Отказ Перикла отменить постановление о Мегарах некоторые объясняют личными причинами. Желая сохранить власть в государстве, Перикл не мог не считаться с нападениями врагов, цель которых была заставить его действовать более решительно. Стало ясно, что только военные успехи могли вновь вернуть Периклу его пошатнувшийся авторитет.

Враги Перикла боялись выступить против него открыто и стали преследовать его друзей. Фидия, руководившего строительными работами на Акрополе, они обвинили в присвоении части золота, отпущенного на сооружение знаменитой статуи Девы Афины для храма Парфенона. Однако эту клевету легко удалось опровергнуть. По совету Перикла Фидий так сделал золотую одежду статуи, что ее легко можно было снять и взвесить. Проверка подтвердила честность великого скульптора¹.

Тем не менее Фидия продолжала преследовать зависть, ибо своими произведениями он стяжал себе огромную славу. Враги обвинили Фидию в святотатстве: на щите Афины был изображен бой с амазонками. Говорили, что Фидий изобразил среди сражавшихся своего покровителя Перикла и самого себя в виде лысого старика, поднявшего над головой камень².

¹ Золотая одежда статуй весила более тонны. Это золото в любой момент могло быть снято и было, таким образом, запасным золотым фондом государства.

² Победа над вторгшимися в Аттику амазонками, женщинами-воительницами, считалась одним из подвигов мифического героя, афинского царя Тесея. Афина Фидия не сохранилась, но дошли ее изображения. На некоторых из них можно различить портреты Фидия и Перикла. Голова Афины работы Фидия изображена на золотой подвеске, найденной в крымском кургане Куль-Оба и хранящейся в Государственном Эрмитаже.

Фидий не мог оправдаться и был заключен в тюрьму, где вскоре умер от болезни. Говорят, он был отравлен врагами Перикла.

Добившись осуждения Фидия, враги Перикла стали преследовать его учителя Анаксагора. Было принято постановление о преследовании тех, кто не почитает богов и занимается изучением небесных явлений. Стало ясно, что это постановление угрожает Анаксагору, и Перикл помог философу бежать из Афин.

Враги Перикла почувствовали теперь свою силу и решили привлечь к суду жену Перикла, женщину-философа Аспасию. Ее обвинили в безбожии, и для того, чтобы добиться ее оправдания, Периклу пришлось самому явиться в суд и униженно просить судей не подвергать его жену наказанию.

Спартанцы справедливо видели в Перикле испытанного руководителя афинского народа и полагали, что, если его удалось бы свергнуть, афиняне стали бы сговорчивее. Поэтому они отправили послов, чтобы те напомнили афинянам, что по матери Перикл происходит из проклятого богами рода Алкмеонидов, запятнанного святотатством¹, и поэтому должен быть изгнан из государства. Однако афиняне разгадали, чем руководствовались спартанцы. Вражда неприятелей не только не привела к новым обвинениям, но, наоборот, вызвала у сограждан почтение к человеку, изгнания которого так добивается могущественная Спарта.

Вскоре началась Пелопоннесская война². Спартанцы с союзниками вторглись в Аттику (431 г. до н. э.). Опустошая страну, они дошли до Ахари и расположились там лагерем. Они рассчитывали, что афиняне не стерпят этого и, выйдя из-за крепких стен, окружающих Афины, бросятся в бой. Но Периклу казалось опасным вступать в бой с огромным войском пелопоннессцев. Он утешал сбежавшихся в город крестьян, оплакивавших свои погиб-

¹ Приблизительно за 200 лет до описываемых событий Алкмеониды совершили зверскую расправу над своими противниками, поднявшими в Афинах восстание. Они убили людей, искавших спасение у алтаря, и за это впоследствии были изгнаны. Однако вскоре Алкмеониды вернулись, и представители этого рода часто занимали в Афинах высшие должности.

² Пелопоннесская война (431—404 гг. до н. э.) велась между Пелопоннесским союзом и Афинами. В войну постепенно были втянуты почти все государства Греции. Об исходе войны и победе Спарты см. биографии Алкивиада и Лисандра.

шие сады, говоря, что вместо спиленных деревьев можно вырастить новые, а вместо погибших воинов достать других будет невозможно.

Еще до того как спартанский царь Архидам во главе пелопоннесского войска вторгся в Аттику, Перикл узнал, что с целью вселить недоверие к нему спартанцы, разорявшие все вокруг, не тронут его имения. Перикл разрушил коварные планы врагов, заявив в народном собрании, что, если спартанцы пощадят его владения, он откажется от них и передаст их государству.

Когда спартанцы окружили Афины, Перикл решил не проводить некоторое время народных собраний, чтобы граждане, распаленные гневом, не приняли неблагоразумного решения. Как командир корабля, когда на море разгрызается буря, приказывает поднимать паруса, натягивать канаты, не обращая внимания на слезы и просьбы испуганных путешественников, страдающих от морской болезни, так и Перикл поступал теперь как считал нужным, не обращая внимания на кричавших и возмущавшихся афинян.

Перикла не смущало то, что его собственные друзья постоянно упрекали его, что враги угрожали, а многие сограждане считали его образ действий трусливым и недостойным. Вождь бедняков Клеон обвинял Перикла в том, что тот не нападал на врага и передал в руки Спарты инициативу. Авторы комедий утверждали, что Клеон уже точит кинжал, чтобы зарезать Перикла. В одной из комедий к Периклу были обращены такие слова:

Стоит только тебе увидеть, как кинжал
На наждачном бруске начинают точить,
Как клинок заблестит, ты визжишь, убоясь
Молночного гнева Клеона.

Однако нападки не трогали Перикла. Сохраняя полное самообладание, он спокойно переносил оскорбления. Снарядив морской поход вокруг Пелопоннеса, он не принял в нем участия, а сам с отрядом пехоты вторгся в Мегарскую область и опустошил ее. Афинский флот, отправленный вокруг Пелопоннеса, разграбил много городов и селений. Если спартанцы, вырубив сады афинских крестьян, причинили им много бед, то теперь и они терпели не меньшие бедствия.

Поэтому спартанцы вынуждены были бы скоро прекратить войну, если бы неожиданное несчастье не расстроило

всех планов Перикла. На второй год войны Афины посетила страшная гостья — чума, похитившая больше граждан, чем самые кровопролитные сражения.

Бедствия, причиняемые эпидемией, озлобили афинян. Гнев народа обратился против руководителя государства Перикла. Как дитя ополчается на родного отца или больной на врача, афиняне всячески старались выместить на Перикле свои страдания. Безрассудным гневом народа воспользовались враги Перикла. Они говорили, что чума вызвана скоплением в городе сельского люда. Когда масса народа живет в душных палатках или прямо на улице в вынужденном безделье, нет ничего удивительного в том, что люди болеют. Виновен в этом один Перикл, загнавший сельских жителей за стены города. Запертые, как скот в хлеву, люди заражают друг друга, так как не имеют возможности ни изменить свой образ жизни, ни убежать.

Чтобы успокоить граждан и нанести удар противнику, Перикл снарядил 150 кораблей, собрал большое войско и сам готовился отправиться во главе этого похода в Пелопоннес. Эти приготовления внушили афинянам надежду на победу. Когда экипажи находились на кораблях и Перикл уже стоял на палубе, началось солнечное затмение. Это необычайное явление природы навело ужас на суеверных афинян, увидевших во внезапном наступлении тьмы грозное знамение богов.

Заметив страх рулевого, Перикл подошел к нему и закрыл ему голову своим плащом.

— Страшно тебе? — спросил он кормчего.

— Нет, конечно! — отвечал тот.

— А между тем, — продолжал Перикл, — различие между моим плащом, закрывшим тебе свет, и тем, что испугало всех этих людей, только в размерах. Солнце стало невидимым потому, что его закрыл предмет гораздо больший по величине, чем плащ!

Поход Перикла не оправдал надежд, так как в войске свирепствовала чума.

Во всех неудачах обвиняли Перикла. На следующий год (430 г. до н. э.) Перикл не был избран стратегом. Против него даже возбудили процесс по обвинению в хищениях. Хотя Перикл и славился своим бескорыстием, его все-таки приговорили к большому денежному штрафу.

Личная жизнь Перикла была полна огорчений. Старший из его сыновей Ксантипп был с детства склонен

к расточительности. Когда он женился, ему требовалось все больше денег. Жизнь в доме отца, где деньги тратились только на необходимое, ему не нравилась.

Однажды Ксантипп занял деньги у друга Перикла, якобы по поручению отца. Когда же тот через некоторое время потребовал вернуть деньги, Перикл отказался платить долги своего сына. Ксантипп считал, что отец поступил несправедливо; он ходил по всему городу и высмеивал поведение отца. Ссора отца и сына продолжалась до самой смерти Ксантиппа, который погиб во время эпидемии. Тогда же Перикл потерял сестру, многих родных и друзей.

Несчастья не сломили Перикла. Никто не видел его плачущим у гроба, пока он не лишился младшего сына Парала. Это несчастье сразило Перикла. Он крепился, держался мужественно, но, когда надевал венок на покойного, не выдержал и разразился рыданиями, чего с ним никогда еще не случалось.

Народ не смог найти никого, кто мог бы, подобно Периклу, с честью занимать ответственную должность первого стратега. Афиняне поняли это и решили пригласить Перикла в народное собрание.

Перикл не выходил из дома, убитый постигшим его горем. Однако Алкивиад и другие друзья убедили его показаться народу. Ему принесли извинения за несправедливо наложенный штраф, и Перикл снова был избран стратегом. Тогда он обратился к народу с просьбой сделать исключение в законе о незаконнорожденных и признать его сына от Аспасии афинянином¹.

Так как оба сына Перикла от первой жены погибли и у него не было другого наследника, кроме сына Аспасии, афиняне согласились, чтобы он носил имя отца и был внесен в списки граждан.

Однако Периклу не суждено было вновь стать во главе Афинского государства. Вскоре после избрания его стратегом он заболел чумой. Болезнь развивалась медленно: тяжелое состояние перемежалось с периодами облегчения. Однако постепенно чума подрывала силы Перикла.

Когда он умирал, друзья и родственники, сидя у постели Перикла, вспоминали, как велики были его доблесть

¹ Дети от брака афинянина и иностранки (а таким как раз был сын Перикла от его второй жены) считались незаконнорожденными и не могли стать гражданами Афин.

и ум. Сорок лет участвовал он в политической жизни, одерживая победы над врагами Афин. Друзья говорили, думая, что умирающий потерял сознание и не слышит их. Вдруг Перикл приподнялся и сказал: «Вы хвалите меня за то, что совершали и многие другие, но о самом великом, что я сделал, не говорите ничего. Ведь за годы моего правления ни один афинянин не был казнен по моему приказу».

Только когда Перикл умер, афиняне поняли, какого замечательного руководителя они потеряли. Даже противники вынуждены были признать, что огромный авторитет Перикла, основанный на любви и поддержке народа, был спасительным оплотом государства. Многие не замечали этого, пока Перикл был жив, но теперь, когда он умер, это стало ясно каждому.

НИКИЙ

(умер в 413 г. до н. э.)

Греки справедливо считали мир величайшим благом и счастьем для людей. Вот почему многие древние историки признавали Никия, противника войны, выдающимся государственным деятелем, хотя он и не обладал такими блестящими дарованиями, как Фемистокл или Перикл. В глазах современников и в памяти потомства все крупные недостатки Никия как государственного деятеля и полководца искупались одним его качеством — бескорыстной и последовательной преданностью делу мира.

Основными чертами его характера были нерешительность, медлительность и робость, которую враги считали трусостью, а друзья — благоразумной осторожностью.

При таких качествах Никий, не любя войны, конечно, не мог быть хорошим полководцем. Однако ему часто приходилось воевать. Под конец жизни его поставили во главе большого флота и войска; он принужден был отправиться в поход, в успех которого не верил, считая предприятие обреченным на неудачу. Однако Никий сражался честно по мере своих сил и способностей и погиб вместе со своим войском.

О детстве и юности Никия ничего неизвестно. Мы знаем только, что он происходил из богатого и знатного рода и был крупным рабовладельцем. На государственных серебряных рудниках работали 1000 рабов Никия, которых он сдавал в аренду, получая за каждого раба по 1 оболу в день (около 4 копеек). Капитал его, как говорили, составлял огромную для того времени сумму — 100 талантов (150 тыс. руб.).

По обычаю того времени, знатные и богатые люди рано посвящали себя государственной деятельности. Молодого Никия еще при жизни великого Перикла неоднократно выбирали на должность стратега, и ему несколько раз удавалось отличиться в походах на суше и на море.

Известность в народе молодой человек завоевал благодаря своей исключительной щедрости. Когда ему приходилось выполнять почетную должность хорега¹, он давал театральные представления с небывалой роскошью.

Никий отличался удивительным, даже для того времени, суеверием. Чтобы не прогневить богов, он совершал им ежедневные жертвоприношения. Своими огромными затратами на театральные постановки он также думал заслужить милость богов².

Ежегодно из Афин отправлялись на священный остров Делос³ на праздник Аполлона торжественные процессии певцов чествовать бога священными гимнами.

¹ В Афинах расходы на дорогостоящие театральные постановки трагедий и комедий возлагались по жребию на самых богатых граждан; наряду с именем поэта-победителя в ежегодных состязаниях провозглашалось и имя гражданина, который оплачивал расходы на постановку пьесы, обучение хора и т. п. (такой гражданин назывался хорэгом — руководителем хора).

² Театральные представления находились под покровительством бога Диониса.

³ Делос считался родиной бога Аполлона и его сестры Артемиды.

Однажды, когда хорами заведовал Никий, из Афин отплыл на праздник корабль с певцами, которые высадились на соседнем с Делосом острове. На корабле был привезен заранее построенный разборный мост, украшенный позолотой, гирляндами цветов и дорогими материями. Ночью мост перекинули через узкий пролив, отделяющий островок от Делоса. Утром, на следующий день хор в роскошных одеждах, с песнями в честь Аполлона прошел по мосту к храму бога. После жертвоприношения, игр и обильного угощения Никий установил перед храмом Аполлона драгоценный дар богу — медную пальму — и посвятил ему большой участок земли около храма.

В частной жизни Никий не начинал ни одного важного дела, не узнав воли богов через прорицателя, который постоянно жил у него в доме. Так, например, он испрашивал у богов, как ему поступить в том или ином случае при управлении своими рудниками.

Но еще больше, чем богов, Никий боялся своих сограждан. Он жил в вечном страхе перед сикофантами¹. Никий пытался откупиться от них деньгами, давая щедро в долг друзьям и врагам. Из осторожности он даже избегал близкого общения с гражданами, никогда не вступал в беседу и ни с кем не обедал вместе. С утра до вечера он занимался общественными делами, а в свободное время запирался дома и не принимал даже друзей и близких.

Постоянные страхи сделали и без того от природы осторожного и нерешительного Никия еще более боязливым и осмотрительным. Он не желал и страшился каких бы то ни было перемен и считал, что нужно жить по «отеческим обычаям», так, как жили отцы. Как человек знатный и состоятельный, Никий был противником афинской бедноты и ее вождей, которых он ненавидел и боялся.

Чрезвычайную осторожность, нерешительность и медлительность Никий проявлял и на войне. Он предпочитал вообще уклоняться от командования в опасных походах, зная, что в случае крупной неудачи ему грозит изгнание или даже смерть. Все же, когда ему приходилось быть

¹ В те времена в Афинах существовала целая группа людей, занимавшихся всевозможными доносами и судебным преследованием состоятельных граждан. Эти люди назывались сикофантами — доносчиками; они вымогали деньги у намеченных ими жертв и под угрозой обвинения и лишения по суду всего имущества часто доводили их до полного разорения.

военачальником, он обычно имел успех. Враги и друзья приписывали его победы исключительному счастью, которое всегда сопутствовало Никию, и приобретенной с годами опытности.

Однако и в походах Никий оставался верен своим предрассудкам. Так, например, разбив коринфян в жестокой битве, он не довершил победу, а заключил с врагом перемирие для погребения двоих афинян¹.

После смерти Перикла Никий выдвинулся в первые ряды государственных деятелей. Он сразу же проявил себя решительным противником войны и вскоре нашел поддержку среди групп населения Аттики, пострадавших от войны и склонявшихся к миру.

Больше всех пострадали от войны афинские крестьяне, земля их была разграблена неприятелем, виноградники вырублены, а скот угнан. Поэтому крестьяне громче всех выражали недовольство войной и требовали мира. Они объединились вместе с богатыми землевладельцами и составили умеренную партию — партию мира, вождем которой стал Никий.

Другая партия (так называемая «пирейская») состояла из групп, не чувствовавших так сильно тяготей войны, главным образом из городских ремесленников, мелких торговцев, матросов и купцов, ведущих заморскую торговлю; она стремилась к войне до победного конца. Во главе пирейской партии стояли знаменитый оратор и вождь Клеон, Гипербол и другие.

Клеону и его партии удалось добиться власти. Клеон немедленно принялся за подготовку наступательных операций против Спарты. Он решил поднять восстание илотов в самом Пелопоннесе.

Афинский полководец Демосфён получил приказание напасть на спартанцев в самом Пелопоннесе. Появление здесь афинян должно было вызвать восстание илотов. Демосфен захватил важную гавань спартанцев на Мессенском побережье, город Пйλος, откуда можно было легко

¹ Оставлять тела павших в бою без погребения считалось у греков тяжким грехом. По представлениям древних греков, души непогребенных бродят по свету и мучают сородичей и близких. Когда афинские стратеги после блестящей победы над спартанским флотом при Аргинусских островах (406 г. до н. э.) не смогли из-за бури похоронить павших воинов, то военачальников по возвращении в Афины судили и предали казни.

поднять восстание илотов. Спартанцы, понимая угрожавшую им опасность, направили большие сухопутные и морские силы и заняли остров Сфактэрию, лежащий против Пилоса. Однако афиняне разбили спартанскую эскадру и осадили гарнизон Сфактерии, состоявший из 400 человек.

Спартанцы, видя, что военное счастье стало улыбаться афинянам, первые предложили заключить мир на выгодных для афинян условиях. Однако теперь афиняне, несмотря на противодействие Никия, ответили отказом.

Война продолжалась, но осада Сфактерии была безуспешной. Несмотря на блокаду, спартанцам удавалось все-таки переправлять на остров съестные припасы, и поэтому осажденных нельзя было взять измором.

Тогда Клеон выступил в афинском народном собрании против Демосфена и Никия. Он обвинил Демосфена в вялом ведении осады. В ответ на обвинения Никий сказал: «Почему бы тебе, Клеон, самому не отправиться против спартанцев?» После недолгих колебаний Клеон принял предложение Никия и стал во главе войска, осаждавшего Сфактэрию. Он заявил, что через двадцать дней после своего отплытия в Пелопоннес уничтожит спартанцев или доставит их пленниками в Афины.

Явившись под Сфактэрию, Клеон повел вместе с Демосфеном осаду так, что через двадцать дней оставшиеся в живых спартанцы (около 300 человек) сдались в плен и были привезены в Афины. Это заставило спартанцев подумать о мире на приемлемых для афинян условиях.

Клеон предупредил спартанцев, что если они снова вторгнутся в Аттику, пленные будут казнены. И действительно, вторжения спартанцев в Аттику с этих пор прекратились.

Беспримерная победа Клеона над непобедимыми до толе на суше спартанцами вызвала в Афинах ликование. Народное собрание определило ему почести как герою, спасителю государства. Многие обвиняли Никия в трусости и вялости за то, что он добровольно отказался от командования в пользу своего противника. Так, знаменитый комический поэт Аристофан осыпал его за это насмешками:

Свидетель Зевс, дремать теперь не время нам,
Как сонный Никий, колебаться некогда.

Клеон между тем со свойственной ему энергией и настойчивостью продолжал наступательную войну против

Спарты и ее союзников. Сперва военное счастье было на стороне афинян, им удалось отрезать Мегáры от Эгейского моря путем захвата их гавани Нисеи и занять главную стоянку спартанского флота — остров Кифéру к югу от Пелопоннеса.

Затем военное счастье изменило афинянам, и они потерпели крупную неудачу в битве с беотийцами при Делии. Это поражение афинян подняло дух спартанцев; они решили перейти к военным действиям во Фракии, чтобы захватить фракийские владения афинян.

Талантливый спартанский полководец Брасид за короткое время, прибыв во Фракию, успел побудить несколько фракийских городов к отделению от афинян.

Клеон выступил против Брасида во главе афинского ополчения. В битве под фракийским городом Амфиполем, где пали оба полководца — Клеон и Брасид, — афиняне потерпели поражение (422 г. до н. э.).

После гибели Клеона и Брасида партии мира в Афинах и Спарте получили преобладание. Афинские крестьяне радовались гибели Клеона и Брасида, считая, что теперь отпали препятствия для заключения мира.

В одной из комедий Аристофана отразилось ликование народа по поводу гибели Клеона. В комедии «Мир» Аристофан изображает страшных демонов войны и ужаса, которые в огромной ступе толкут греческие города, причем пестиками служат Клеон и Брасид.

Пропал толкач афинский знаменитейший,
Погиб кожевник ¹, что толок Элладу всю
В огромной ступке...
Пропал толкач спартанский наилучший ².

Крестьянин, герой этой комедии, говорит о смерти Клеона:

О госпожа Афина, славно сделал он,
Что вовремя подох на благо городу
И кашу заварить не сможет новую.

Аристофан писал, призывая всех к миру:

Теперь настало время, братья эллины,
Оставив распри, позабыв усобицы,
На волю вывести Мир любимый,
Пока толкач не помешает новый нам.

¹ Клеон был кожевником,

² Брасид.

Благодаря усилиям Никия и его сторонников вскоре удалось заключить на 50 лет мир со Спартой, известный под названием Никиева, на основе положения, бывшего до войны. Афиняне обязались вернуть спартам пленников, отдать Пилос и Сфактерию; спартанцы же должны были возвратить Амфиполь.

Мир, однако, длился недолго: обе стороны были недовольны и рассматривали его как передышку перед новой решающей схваткой. Спартанцы не вернули афинянам Амфиполя. В ответ на это афиняне удержали в своих руках Пилос и Сфактерию.

Несмотря на мир и союз Афин со Спартой, во всей Греции царили распри. В самом Пелопоннесе начались раздоры и недовольство действиями Спарты. Особенно недовольны были коринфяне, мантинейцы и аргосцы. Аргосцы и мантинейцы — заклятые враги спартанцев — искали сближения с афинянами.

В это время в Афинах выдвинулся Алкивиад¹. Он стал готовить союз с Аргосом и другими пелопоннесскими государствами. Напрасно Никий боролся против этих планов Алкивиада, считая, что они приведут к войне. Никий во главе афинского посольства даже отправился в Спарту, чтобы устранить разногласия между афинянами и спартамцами и тем удержать афинян от союза с Аргосом. Посольство, однако, окончилось полной неудачей. Влияние Никия после этого упало.

К власти пришел Алкивиад, который заключил союз с Аргосом и другими пелопоннесскими государствами.

Спарта оказалась в весьма тяжелом и опасном положении: она была окружена тесным кольцом враждебных ей демократических государств. Одержать верх над врагами стало теперь для Спарты вопросом жизни и смерти.

При Мантинее союзное ополчение встретилось со спартамцами. Афиняне не успели оказать союзникам действительной помощи из-за медлительности Никия, и те потерпели полное поражение.

Демократические правительства в Аргосе и других пелопоннесских городах-государствах были свергнуты, и эти государства вновь вступили в Пелопоннесский союз.

¹ См. биографию Алкивиада.

Мантинейское поражение привело в Афинах к падению власти Алкивиада и сторонников войны. Во главе правительства опять стал Никий.

По афинскому обычаю вождь группы, потерпевшей неудачу, подвергался изгнанию путем ostracism. Изгнание Алкивиада казалось неминуемым, но ему удалось договориться со сторонниками Никия, и изгнанным оказался вождь демократической партии Гипербол. Алкивиад и Никий вновь оказались у власти. Противники Никия упрекали его в том, что он не может добиться у Спарты возвращения Амфиполя.

Никию пришлось против своей воли отправиться с войском во Фракию отвоевывать Амфиполь. Поход окончился полной неудачей, так как македонский царь, через земли которого лежал путь, принял сторону Спарты и не разрешил проход афинского войска. Неудача Никия привела к падению влияния его партии. Алкивиад сблизился теперь с демократической партией Пирея, стоявшей за войну.

Сторонники пирейской партии мечтали о расширении афинского владычества на запад, о завоевании Сицилии, Карфагена и северного побережья Африки (Ливии).

Алкивиад давно уже замыслил стать владыкой-тираном объединенной под главенством Афин Греции. Он пользовался аристократической и демократической партиями в Афинах только в своих личных целях, присоединяясь то к одной, то к другой. Теперь замыслы Алкивиада совпадали с планом демократической пирейской партии, и он стал вождем сторонников похода в Сицилию.

Все свое красноречие и влияние в народном собрании Алкивиад применил для того, чтобы побудить афинян отправить экспедицию в Сицилию. Впечатлительные афиняне увлеклись заманчивыми картинками, которые им рисовал талантливый оратор. «Надо,— говорил он,— сначала овладеть Сицилией как основой для дальнейших военных действий на западе. Завоевав Сицилию и Карфаген, афиняне захватят сказочно богатую добычу, и тогда все граждане станут богатыми; не надо будет работать, а только повелевать своими подданными».

Возбуждение афинян и их увлечение планами похода в Сицилию достигли высшей степени, когда в Афины явились послы сицилийских городов Леонтины и Эгесты. Послы просили помощи у афинян и уверяли, что на острове

вспыхнет демократическое восстание, лишь только туда прибудет афинское войско; они обещали также ссудить большие суммы денег на жалованье афинскому войску, если оно прибудет в Сицилию.

В народном собрании разгорелись жаркие споры о том, следует ли оказать помощь жителям Леонтины и Эгесты. Большинство афинского народа не имело ясного представления об отдаленном острове, считая его сказочно богатой страной, завладеть которой ничего не стоит. Из народного собрания прения перенеслись на улицы, на площади, в лавки и мастерские. Люди всех возрастов — старики и молодые — чертили на песке карты Сицилии и рассказывали всевозможные небылицы об этом острове.

Почти никто не решался выступить против этого фантастического замысла. Один только Никий, вопреки своей обычной робости и нерешительности, на этот раз прямо выступил против похода. Он указывал на большие размеры острова. «В Сицилии,— говорил он,— многочисленное население, враждебное афинянам. Жители острова прекрасно вооружены и имеют большие средства для ведения войны. У нас же, афинян, казна истощена за столько лет войны».

Народное собрание приняло решение послать эскадру в Сицилию с 6000 отборных воинов. Во главе похода поставили Алкивиада, Никия и Ламаха (который славился своей воинской храбростью). Афиняне считали, что Никий принесет большую пользу своей опытностью и осторожностью в соединении с дерзкой отвагой Алкивиада и горячностью Ламаха.

На следующем народном собрании, уже после принятия решения о походе, Никий вновь пытался образумить сограждан. Он открыто обвинил Алкивиада в том, что тот ради личных выгод и в погоне за славой подвергает государство страшной опасности заморского похода. «Ведь никто из афинян, и сам Алкивиад,— говорил он,— толком не знает, что представляет собою Сицилия и что ждет афинян на большом и враждебном острове. Если наши дела в Сицилии пойдут неудачно, то враги нападут на нас; ведь со Спартой мир не надежен. Поход и даже завоевание Сицилии только ослабит наши силы».

Народное собрание, однако, не обратило никакого внимания на эти слова. Весь город пришел в движение: богатые граждане были привлечены к постройке и снаряжению

кораблей; союзники доставляли необходимые средства; крестьяне заготавливали продовольствие; все граждане, способные носить оружие, деятельно готовились к походу, занимаясь военными упражнениями; кормчие и матросы обучались мореходному искусству.

Ценой крайнего напряжения всех средств государственной казны был построен большой флот в 134 триеры. На снаряжение экспедиции были затрачены огромные средства; одно только жалованье воинам достигало огромной суммы в 1620 талантов (около 2,5 млн. руб.). Между тем накануне отплытия флота произошло роковое событие, взволновавшее афинян, и без того находившихся в крайне возбужденном состоянии: ночью неизвестные люди разбили и изуродовали статуи бога Гермеса (гέρмы), стоявшие на перекрестках афинских улиц¹. Молва обвиняла в этом преступлении Алкивиада. Алкивиад потребовал немедленного разбирательства дела, но враги не решились нанести ему открытый удар. Кроме того, судебное разбирательство должно было задержать отплытие эскадры, а афинское народное собрание торопило с походом. Решено было, что Алкивиад предстанет перед судом после окончания войны, а пока он должен отплыть в Сицилию.

Наконец, назначен был день для отплытия флота (415 г. до н. э.). Афиняне и союзники садились на корабли и готовились к выходу в море. Почти все городское население собралось на проводы; граждане провожали своих близких, друзей и знакомых. Многих охватывало тяжелое чувство тревоги и неуверенности: увидят ли они снова когда-нибудь своих близких и чем кончится далекий поход?

Много досужих зевак собралось в гавани поглазеть на редкостное зрелище; и действительно, большое число прекрасно оснащенных и богато разукрашенных кораблей, блестящее вооружение воинов производили впечатление грозной силы.

Когда воины сели на корабли и погрузка кончилась, раздался сигнал трубы. Одновременно на всех кораблях глашатаи произносили молитвы, которые повторяли воины и толпа на берегу. Матросы и военачальники совершали

¹ Подробности об этом см. ниже в биографии Алкивиада. Гермес — бог дорог и торговли. Осквернение герм считалось страшным преступлением против религии.

жертвенные возлияния богам из золотых и серебряных кубков, смешав вино с водой. Затем все запели торжественный гимн (пе́ан). Корабли подняли якоря и вышли в море.

Афинский флот обогнул Пелопоннес и прибыл к острову Керкире (у берегов Эпира), где собралось остальное войско союзников. Здесь стратеги произвели смотр своих сил. Флот был разделен на три эскадры, каждая под командованием особого адмирала. Затем все три эскадры в сопровождении множества транспортных кораблей направились к берегам Италии.

Все три избранных для похода, стратега даже после отплытия не могли выработать общего плана действий. Алкивиад — человек сильной воли — стремился взять всю власть в свои руки и предложил не нападать сразу на главного врага — сицилийский город Сиракузы, а добиться отпадения союзных сиракузянам городов. Ламах — пылкий полководец — предлагал идти прямо на Сиракузы и дать бой под стенами города, пока жители не успели еще приготовиться к отпору. Никий же возражал обоим: он не верил в успех экспедиции и советовал оказать лишь небольшую помощь жителям Эгесты, а затем флоту плыть вокруг Сицилии и, устранив врага, вернуться домой. Этим предложением Никий сразу ослабил боевой дух и решимость афинского войска. Мало того, даже и после выхода в море он продолжал проявлять нерешительность и медлительность. Такое поведение Никия лишало боевого духа других военачальников, и флот терял напрасно время.

В конце концов Ламах присоединился к Алкивиаду, и Никий должен был подчиниться.

Появление громадного афинского флота у берегов Италии вызвало среди южноиталийских государств сильное беспокойство: они понимали, что афиняне прибыли не ради помощи, а с целью завоевать их; поэтому вплоть до города Рэгия (на юге Италии) афиняне не только не могли высадиться, но даже завестись питьевой водой. Здесь удалось, наконец, пополнить запасы продовольствия. Но афинских стратегов постигло новое разочарование: выяснилось, что вместо обещанных представителями Эгесты больших сумм денег на жалованье матросам они предлагают лишь небольшую сумму в 30 талантов (около 45 тыс. руб.).

Отсюда афинские корабли направились к сицилийским городам Наксосу и Катане, которые стали на сторону афинян.

В этот момент из Афин прибыл государственный корабль «Саламания» с приказом народного собрания: Алкивиаду сдать командование и немедленно возвратиться в Афины на суд. Дело в том, что в Афинах якобы обнаружили новые доказательства виновности Алкивиада в оскорблении религии. Алкивиад подчинился, но по дороге бежал. Афиняне сочли бегство Алкивиада доказательством его виновности, и он был заочно приговорен к смертной казни.

После отъезда Алкивиада командование перешло к Никию. Ему следовало бы немедленно начать блокаду Сиракуз, пока сиракузяне не успели собрать большого войска и средств для обороны и пока бесспорный перевес на суше и на море был на стороне афинян. Это была единственная возможность выиграть войну.

Между тем Никий не решился приступить к серьезным военным действиям. Он все еще пытался показом мощи своего флота склонить сицилийские города на сторону афинян. С этой целью он потратил драгоценное летнее время на безуспешное плавание у сицилийских берегов и в конце концов возвратился в Катану ни с чем.

Сиракузяне в это время готовились к обороне. Они послали за помощью в Спарту и другие греческие государства, враждебные афинянам, и успели набрать большое войско из наемников. Наконец, сиракузяне почувствовали себя настолько сильными, что решились сами напасть на афинян.

Слухи о планах сиракузян стали доходить до афинян. Тогда только Никий с трудом согласился плыть на Сиракузы. Дело в том, что в древности военные действия греков были связаны временем года: зимой обычно не воевали. Была уже осень, и афинский стратег хотел начать военные действия весной.

При помощи военной хитрости афинянам удалось выманить войско сиракузян из города. Тогда Никий отплыл из Катаны, овладел гаванями Сиракуз и занял удобное место для лагеря. Когда сиракузяне вернулись под стены своего города, произошла битва и афиняне одержали победу. Однако Никий не воспользовался победой и вместо того, чтобы сделать попытку сразу взять Сиракузы, возвратился на зимовку в Наксос.

Узнав об этом, сиракузяне напали на афинский лагерь в Катане и сожгли его. В этой неудаче все обвиняли афинского главнокомандующего.

Теперь, наконец, Никий взялся за осаду Сиракуз. Афинянам удалось незамеченными высадиться около Сиракуз и захватить высоту, господствующую с запада над городом. Подоспевшая в это время конница сиракузян бросилась на афинян. Завязался жаркий бой, и афиняне одержали блестящую победу, захватив 300 человек в плен.

Затем Никий за короткое время возвел вокруг Сиракуз стену, чтобы блокировать город с моря и с суши. Афинский флот вошел в большую гавань Сиракуз.

Осажденные сиракузяне оборонялись и строили в свою очередь стену, которая должна была идти от города до встречи со стеной афинян. Осажденные все время делали вылазки, чтобы помешать работам афинян, а те старались препятствовать им. Происходили постоянные стычки. Во время одной из них второй афинский стратег, храбрый Ламах, был убит.

Теперь начальником остался один Никий.

Сиракузяне продолжали отчаянно защищаться, но положение их со дня на день ухудшалось: стены, построенные афинянами вокруг города, уже были почти совсем готовы. Кольцо осады вот-вот должно было сомкнуться. Некоторые сицилийские города стали переходить на сторону афинян. Сиракузяне уже считали положение города безнадежным и вступили с афинским главнокомандующим в переговоры об условиях сдачи.

В этот момент произошло событие, изменившее весь ход войны. По совету Алкивиада, который бежал в Спарту и стал изменником родины, спартанцы послали на помощь сиракузянам 700 воинов под начальством опытного полководца Гилиппа. Ему удалось тайно пересечь пролив и высадиться на северо-западе Сицилии. Никий был настолько уверен в победе, что даже не выставил караулов, хотя и знал о приближении Гилиппа.

Прибыв под Сиракузы, Гилипп сначала послал глашатая к Никию, предлагая афинянам немедленно сесть на корабли и возвратиться в Афины. Никий даже не ответил на это предложение спартанского полководца. Тогда Гилипп вместе с сиракузянами напал на афинян. В первой битве афиняне одержали победу, но затем враги захватили

несколько афинских укреплений и прорвались в осажденный город.

Эти неудачи привели афинского стратега в отчаяние, он понял, что афиняне уже не в состоянии отрезать город с суши. Мало того, афиняне сами скоро могли оказаться осажденными, так как сиракузяне построили стену под углом к афинским укреплениям, а вражеская конница стала мешать их сообщениям.

Теперь афинянам оставался один выход — просить немедленной присылки подкреплений из Афин. Никий так и поступил. Он отправил афинскому народному собранию письмо, в котором мрачными красками рисовал положение и просил по болезни заменить его другим стратегом. «Пока я был здоров,— писал Никий,— я оказал много услуг государству, но теперь я не могу уже выполнять должность стратега. Помощь нужна немедленно, так как наши корабли приходят в негодность, союзники разбегаются, правильное снабжение войска нарушено, денег нет и взять негде, потому что союзники отказывают нам в помощи».

Письмо Никия было доставлено в Афины в тяжелое время для города: спартанцы вновь начали войну; по совету Алкивиада, они заняли важный укрепленный пункт в центре Аттики — Декелёю. Отсюда спартанцы мешали доставке хлеба в Афины с полей Аттики и из соседней Эвбёи. Днем и ночью враги не давали покоя афинянам. Все население Афин было привлечено к обороне города; стычки с врагом происходили почти ежедневно.

Несмотря на все это, народное собрание напряжением всех сил государства снарядило на помощь в Сицилию еще две эскадры кораблей под начальством опытного полководца Демосфена с 1200 афинских гоплитов и множеством союзников. Кроме того, были собраны и отправлены большие суммы денег.

Еще до прибытия этих подкреплений Никий подвергся внезапному нападению с суши и с моря. Семь афинских кораблей было потоплено, другие же получили значительные повреждения. Но самое главное — враги захватили афинскую базу — мыс Племмирий — со множеством запасов, снаряжением и деньгами.

После того как враги вытеснили афинян из Племмирия, снабжение афинского войска чрезвычайно затруднялось, так как вражеские корабли стали мешать подвозу продо-

вольствия. Это поражение афинян повлекло за собой переход почти всех сицилийских городов на сторону сиракузян.

Афинское войско окончательно пало духом; никто из афинян уже не верил в победу и благополучное возвращение на родину.

В этот-то момент в афинском лагере заметили приближение большой эскадры. Под звуки музыки флот Демосфена, состоящий из 73 кораблей с 5000 гоплитов и 3000 легковооруженных союзников и большим количеством снаряжения, вошел в гавань. Афиняне воспрянули духом, ликовали; наконец-то, думали они, мы возьмем Сиракузы и с богатой добычей вернемся на родину.

Сиракузяне, наоборот, впали в уныние: они увидели, что прибыло войско не меньше первого и что афиняне по-прежнему могущественны.

Между тем Демосфен, ознакомившись с положением дел, решил немедленно напасть на врага. «Нужно,—говорил он,—поставить на карту все: или захватить Сиракузы, или возвращаться домой».

Никий, как всегда, был против решительных действий. Он указывал, что средства врагов уже истощились и союзники скоро их покинут; тогда, говорил он, они будут просить мира. И действительно, сиракузяне опять завели тайные переговоры с афинянами о мире. Остальные стратеги поддержали Демосфена, говоря, что Никий и раньше медлил и терял драгоценное время и теперь занимается проволóчками.

Никий с трудом, под давлением товарищей, уступил.

Демосфен в ту же ночь сделал попытку овладеть Сиракузами. Сначала афинянам удалось потеснить неприятеля, но потом при преследовании отступающих врагов в темноте произошла беспорядочная битва, причем афиняне не могли отличить своих от врагов. В этой битве Демосфен потерпел решительное поражение. Немногим воинам удалось спастись бегством; на поле сражения осталось 2000 трупов афинян и союзников.

После этой неудачи афинские стратеги собрались на совет. Нужно было решить, что же делать дальше. В афинском лагере, который был расположен в нездоровой местности, начались болезни; дух воинов упал; положение представлялось почти безнадежным. Поэтому Демосфен высказался за то, чтобы немедленно возвращаться домой

или же перенести стоянку в другое место, подальше от Сиракуз, и оттуда опустошать страну. Но тут Никий неожиданно воспротивился этому плану. Он по-прежнему не верил в победу, но больше, чем сиракузян, боялся своих врагов-демократов, которые по возвращении в Афины, как он думал, предадут его суду и казнят за неудачу. «Я предпочитаю смерть от руки врагов,— говорил он,— чем от руки сограждан».

Между тем в Сиракузы прибыло на помощь новое большое войско. Тогда Никий понял, что война проиграна и нужно скорее снимать осаду и отправляться домой. Когда все уже было готово к отплытию, ночью произошло лунное затмение, которое сильно испугало Никия и многих воинов. Предсказатели, бывшие в войске афинян, объявили, что боги явно противятся отступлению и что следует ожидать следующего полнолуния.

Но тут произошло самое ужасное из всего, что могли ожидать афиняне. После двухдневного морского сражения, где погибло много афинян, сиракузяне заградили афинскому флоту выход из гавани. Флот афинян оказался в ловушке.

В афинском лагере снова собрался военный совет, и было решено, оставив под охраной больных и раненых, сесть на корабли и во что бы то ни стало прорваться через заграждения и отплыть на родину.

Лучшая часть сухопутного войска афинян была посажена на оставшиеся корабли. Перед отплытием Никий обратился к воинам с короткой речью: «Нам предстоит борьба за отечество. Помните, что вы — последняя надежда родины, у государства нет больше ни флота, ни войска. Если мы потерпим поражение, то родина окажется беззащитной. Все, что нужно, нами предусмотрено. Наши корабли снабжены приспособлениями для абордажного боя. Мы сцепимся с вражескими кораблями и будем сражаться, как на суше».

Произошла жаркая битва в невыгодных условиях для тяжелых афинских кораблей. На небольшом пространстве бухты собралось до двухсот кораблей.

Сухопутные войска сиракузян и афинян с берега наблюдали за ходом сражения. Легкие корабли сиракузян со всех сторон нападали на тяжелые афинские триеры. Враги метали в афинян огромные камни, афиняне отвечали им стрелами и дротиками. Однако все попытки афинян

прорваться окончились неудачей. Наконец, сиракузяне произвели решительный натиск и обратили в бегство афинские корабли. Началось массовое истребление побежденных; афиняне оказались в безнадежном положении: путь к морю был отрезан, а на суше отступление также было преграждено врагами, которые заняли господствующие высоты, загродили переправы, уничтожили мосты, а долины заняли отрядами конницы.

Теперь афинскому войску оставалось одно спасение — отступать по суше во внутренние области Сицилии. Еще можно было спастись, если бы отступление началось немедленно. Но Никий выступил только спустя два дня после поражения на море.

После всех потерь войско афинян насчитывало еще около 40 тыс. человек. Оно было разделено на два отряда: впереди шел Никий, позади — Демосфен. Воины несли с собой скудный запас продовольствия, всего на 5 дней.

Несчастья постигли афинян с самого начала. Они вынуждены были свернуть с намеченного пути, так как он был прегражден сиракузянами. С этих пор они брели почти наудачу, туда, где ожидали встретить меньшее сопротивление или надеялись достать продовольствие и воду. Вражеская конница все время не давала им покоя. Голод и жажда доводили отступавших до безумия.

Сам Никий, несмотря на болезнь и несчастья, обрушившиеся на него, сохранял присутствие духа и старался вселить в своих несчастных воинов надежду на спасение.

На шестой день отступления отставший от своих отряд Демосфена был окружен; враги целый день осыпали афинян стрелами и дротиками. Когда выяснилось, что дальнейшее сопротивление приведет к полному истреблению отряда, Демосфен после неудачной попытки самоубийства сдался под условием сохранения жизни воинам.

Два дня спустя сложил оружие и Никий, также получив обещание сохранить ему жизнь.

Сиракузское народное собрание, однако, постановило казнить Никия, Демосфена и других стратегов; афинских союзников продать в рабство, а самих афинян запереть в тесные каменоломни около Сиракуз.

Большая часть афинских пленников погибла в каменоломнях. Несчастные пленники страдали от жажды и холода, от страшной скученности, среди них развились поварьные болезни; некоторые умирали от истощения,

вызванного скудной и однообразной пищей. Только немногие были проданы в рабство и таким образом спасли свою жизнь. Рассказывают, что некоторым пленникам удалось спасти свою жизнь и даже получить свободу благодаря тому, что они помнили наизусть отрывки из произведений великого афинского трагика Еврипида, слава которого распространилась по всему греческому миру.

Весть о гибели всего войска и флота принес в Афины какой-то иностранец. Высадившись в Пирейской гавани, он зашел в парикмахерскую постричься и стал говорить о несчастье, как о чем-то уже известном. Владелец парикмахерской после первых его слов опрометью бросился в город и сообщил ужасную весть должностным лицам.

Произошел страшный переполох. Немедленно собралось народное собрание. Привели иностранца и стали спрашивать о подробностях и о том, от кого он узнал об этом несчастье. Так как он ничего вразумительного от испуга сказать не мог, то его сочли злоумышленником, намеренно распространявшим ложные слухи, чтобы произвести смятение в государстве. Несчастный был подвергнут пыткам, и его долго мучили, пока, наконец, не прибыли вестники, подтвердившие страшную правду.

Так погиб Никий. Он принес несчастье родине своей нерешительностью, а также тем, что боялся своих соперников в борьбе за власть больше, чем врагов родной страны.

АЛКИВИАД

(около 450—404 гг. до н. э.)

Алкивиад был сыном богатого и знатного афинянина К्लीния. Его мать происходила из знаменитого в истории Афин рода Алкмеонидов и приходилась родственницей известному государственному деятелю Периклу.

Отец Алкивиада, Клиний, во время греко-персидских войн отличился в морском бою при Артемисии, сражаясь на триере, снаряженной им на собственные средства. После смерти отца, погибшего в битве с беотийцами, Алкивиад остался на руках опекунов — знаменитого Перикла и его брата.

Воспитывался Алкивиад в доме Перикла. Он встречался там со многими выдающимися людьми того времени:

философом Анаксаго́ром, поэтом Софо́клом, знаменитой Аспасией, женой Перикла, одной из самых образованных женщин того времени, и другими.

Юноша получил прекрасное образование и выделялся красотой, умом и исключительными способностями. Никогда еще судьба не наделяла кого-либо столь щедро, как Алкивиада. Но в характере его было много противоречий: наряду с хорошими чертами в нем было немало дурных. Он был очень честолюбив, интересы государства и нужды других людей были ему безразличны; он считал себя рожденным властвовать.

Уже в детстве он не останавливался ни перед чем, чтобы добиться успеха. Как-то раз ему пришлось бороться с одним мальчиком; видя, что тот его одолевает, Алкивиад укусил ему руку. «Позор! — закричал возмущенный противник, — ты кусаешься, как девчонка!» «Нет, — ответил Алкивиад, — как лев!»

Однажды Алкивиад играл на улице в кости. Была как раз его очередь бросать кости, как вдруг показалась телега, быстро приближавшаяся к играющим. Алкивиад закричал вознице, чтобы тот остановил лошадь и подождал, пока мальчики посмотрят, сколько очков выпало на брошенных им костях. Не обращая внимания на мальчишек, кучер даже не придержал лошадей. Тогда Алкивиад бросился на землю перед телегой и закричал, что скорее позволит раздать себя, чем кости. Испуганный возница остановился, и, только когда кости были проверены и подняты, телега получила возможность продолжать свой путь.

Всеобщая лесть и преклонение перед его дарованиями, умом и красотой вскружили голову юноше. Он решил, что ему все позволено, и начал совершать дерзкие и недостойные благородного человека поступки, не считаясь с их последствиями, лишь бы обратить на себя внимание и заставить говорить о себе. Однажды Алкивиад велел отрубить хвост своей большой красивой собаке для того только, чтобы об этом говорили в народе.

Повстречав как-то знакомого грамматика (школьного учителя), он попросил у него сочинения Гомера. Когда тот сказал, что у него нет Гомера, Алкивиад дал ему пощечину.

Вообще Алкивиад легко пускал руки в ход в спорах даже с уважаемыми людьми. Однажды он при всех дал пощечину богачу Гиппонику без всяких оснований, просто

так, для потехи. Однако на следующее утро, устыдившись своего поступка, он явился к Гиппонику и просил, чтобы тот наказал его плетью. Гиппоник, однако, простил его и впоследствии даже выдал свою дочь за него замуж.

Став совершеннолетним, Алкивиад благодаря своему богатству мог содержать огромную конюшню лошадей и принимать участие в состязаниях колесниц в Олимпии, во время знаменитых Олимпийских игр.

По старинным греческим представлениям, победа на Олимпийских играх давала право на власть в государстве. Поэтому многие греческие властители (тираны) VII—VI веков до н. э. всячески старались одержать победу в Олимпии. При этом тираны во время своего пребывания в Олимпии тратили огромные суммы денег на угощение народа и, одержав победу, заказывали победную песнь (гимн) лучшим поэтам своего времени. Алкивиаду удалось получить на Олимпийских играх сразу первую, вторую и четвертую награды (чего никогда раньше не выпадало никому на долю), и он, подражая тиранам, решил удивить народ своей щедростью. Он заказал победный гимн знаменитому поэту Еврипиду, а лучшим художникам — картины с изображением своих побед. Многие союзные с Афинами греческие государства, уже тогда угадывая его будущее высокое положение в Афинах, привезли обильное угощение для устраиваемого им пира.

Самым замечательным событием юности Алкивиада была его встреча и затем тесная дружба со знаменитым философом Сократом¹. Сократ пользовался большим влиянием на афинскую молодежь и вскоре сделался наставником Алкивиада. В походе во время Пелопоннесской войны Сократ жил с Алкивиадом в одной палатке и, сражаясь с ним рядом в строю, спас ему жизнь. Алкивиад в свою очередь во время отступления защищал несколько раз Сократа от грозившей тому опасности. В конце концов Алкивиад до такой степени привязался к Сократу, что не мог долго оставаться один без своего мудрого друга и учителя. Все удивлялись, что Алкивиад ужинает и занимается гимнастикой вместе с значительно превосходящим его по возрасту Сократом.

¹ Сократ (469—399 гг. до н. э.) — известный афинский философ-идеалист, учитель Платона, идеолог рабовладельческой аристократии. За свои взгляды, враждебные демократии, Сократ был казнен.

Сократ не стеснялся откровенно обличать недостатки Алкивиада. Он старался отвлечь своего молодого друга от заискивавших перед ним льстецов, кутил и богатых бездельников. Однако, несмотря на преклонение перед Сократом, Алкивиад никогда не мог избавиться от дурных наклонностей.

В то время в Афинах для того, чтобы получить известность и быть выбранным на высшие государственные должности, необходимо было обладать красноречием, уметь выступать в народном собрании. По свидетельству великого афинского оратора Демосфена (см. ниже), Алкивиад отличался замечательным ораторским талантом и умел покорять народ силой слова. Он обладал редкой способностью мастерски говорить без подготовки, никогда не терялся и всегда находил подходящие выражения. Однако над ним часто смеялись из-за того, что он шепелявил.

Алкивиад не стал искренним приверженцем ни одной из боровшихся в Афинах политических партий. Он примыкал то к одной, то к другой партии, стремясь использовать их в своих целях. Еще юношей он мечтал стать владыкой Афинского государства, а впоследствии всей Греции. Алкивиад презирал народ и считал, что демократию надо заменить властью сильного правителя. Как-то раз, придя в дом к Периклу, который много лет был главою Афинского государства, Алкивиад застал его за составлением отчета о своей деятельности. «Не лучше ли, Перикл,— сказал Алкивиад,— подумать о том, как бы вовсе не давать афинянам отчета».

Афиняне в это время уже 10 лет вели тяжелую войну против аристократической Спарты. За эти годы умер от чумы Перикл и пал в бою другой замечательный вождь афинской демократии Клеон. Ни Афины, ни Спарта не сумели, однако, добиться решительного перевеса в ходе войны. По совету главы партии «умеренных» Никия (см. выше) афиняне заключили мир (421 г. до н. э.), по которому противники возвращались к положению, бывшему до войны.

Крестьяне в Афинах искренне стремились к миру, так как они более всех страдали от нашествия неприятелей, разорявших их поля и виноградники. Однако в городе торговцы, ремесленники и матросы мечтали о продолжении военных действий, так как во время войны они получали большое жалованье, а в случае победы надеялись,

что разбогатевшее государство сможет увеличить раздачу гражданам хлеба и денег.

Такова была обстановка в стране, когда Алкивиад начинал свою политическую деятельность.

Знатное происхождение, влиятельные друзья и красноречие открыли ему дорогу к занятию государственных должностей. Однако молодой человек понимал, что противившиеся войне знатные люди не будут иметь успеха в народном собрании. Поэтому он примкнул к выступавшей за войну партии городского населения, вождем которой был Гипербол. Всю силу своего могучего красноречия он обратил на то, чтобы убедить народ возобновить войну.

Противником Алкивиада был Никий, который хотел мира и даже союза со Спартой. Алкивиад боролся с Никием и его сторонниками всеми возможными средствами и одержал победу.

В 420 г. он был избран первым стратегом и стал во главе государства. Новое правительство решило нанести удар врагу в самом Пелопоннесе. Алкивиаду удалось без особого труда убедить некоторые пелопоннесские государства (в том числе исконного врага Спарты — Аргос) вступить в союз с Афинами. В ответ на это спартанцы немедленно выступили в поход на Аргос.

В Афинах в это время на смену Алкивиаду был избран Никий, который не хотел или не успел оказать новым союзникам должной поддержки. Он разрешил, однако, афинским добровольцам во главе с Алкивиадом прийти на помощь восставшим против Спарты пелопоннессцам. В решительном сражении при Мантинее (418 г. до н. э.) спартанцы быстро одержали победу. Аргосцы были вынуждены снова заключить мир со Спартой, и в ряде пелопоннесских государств было введено аристократическое правление.

Поражение при Мантинее привело к краху партии Алкивиада, стремившейся к войне. По афинскому обычаю, вождь партии, потерпевшей поражение, подвергался остракизму. Изгнание Алкивиада казалось неминуемым. Однако Алкивиад, вовремя оценив положение и предвидя опасность, сумел договориться с Никием. Сторонники Алкивиада и Никия объединились, и в результате изгнанным неожиданно оказался ни в чем не повинный Гипербол. Несправедливость выпавшего на долю Гипербола наказания была всем настолько очевидна, что обычай остракизма

стали теперь высмеивать, и он вышел из употребления. Алкивиад и Никий были избраны в коллегия стратегов и стали во главе государства.

Придя вторично к власти, Алкивиад выказал замечательные способности государственного человека и полководца. Всем своим образом жизни и поступками он старался показать, что он исключительный человек, который предназначен богами быть владыкой своих сограждан. Он не жалел денег на подарки гражданам и государству и на театральные постановки. Слава его предков, мощь его красноречия, красота и храбрость — все это заставляло афинян прощать ему своеволие и пренебрежение древними обычаями. По выражению великого комического поэта Афин Аристофана, «народ любил и ненавидел Алкивиада и не желал обходиться без него». Некоторые проницательные люди уже тогда разгадали натуру Алкивиада и указывали народу на стремление его к самовластию. Тот же Аристофан приводит такое мнение афинян об Алкивиаде:

Не надо львенка в городе воспитывать,
А вырос он — себя заставит слушаться,

то есть следует поскорее избавиться от Алкивиада, пока он не захватил власти и не уничтожил демократию.

Жил в это время в Афинах некто Тимон — мрачный человек, чуждавшийся людей. Против своего обыкновения Тимон после одного из блестящих выступлений Алкивиада явился в народное собрание и сказал ему: «Ты хорошо делаешь, что преуспеваешь, ибо в тебе растет большое зло для всех людей». Одни смеялись над этими словами, другие же ругали Тимона, но некоторых они заставили глубоко задуматься. И, действительно, Алкивиад вскоре принес много зла родине.

Алкивиад задумал установить афинское господство над всей Грецией и прилегающими к ней странами. Первым шагом к этому он считал захват Сицилии, а затем постепенно Южной Италии, Карфагена и Африки.

Алкивиад энергично взялся убеждать народ немедленно выступить в поход на Сицилию: овладев ее богатствами, он думал получить средства для выполнения дальнейших планов. Ему удалось вскружить голову молодежи и матросам афинской гавани Пирея своими рассказами о сказочных богатствах Сицилии и западных стран. Сто-

ронники Алкивиада распространяли всевозможные предсказания (оракулы) о том, что афинянам после захвата Сицилии суждено быть владыками всего мира. Целыми днями толпы народа обсуждали на рынке и в цирюльнях (парикмахерских), где собирались послушать и рассказать новости, будущий поход, чертили на песке карты Сицилии, Африки и Карфагена. Многие вступали в армию и во флот в расчете на богатую добычу. Напрасно Никий и его сторонники предостерегали афинян от похода. Они указывали на большие размеры территории Сицилии, на многочисленность ее населения, трудности похода и т. д. Многие рассудительные граждане также были против похода. Так, философ Сократ и астроном Метон не верили в успех и всячески старались отговорить сограждан от бесполезной и трудной экспедиции. Метон даже притворился сумасшедшим, поджег свой дом, а наутро явился в народное собрание и просил освободить своего сына от участия в походе по случаю такого страшного несчастья.

В конце концов афинское народное собрание решило отправить большую эскадру с войском в Сицилию. Стратегами в походе были избраны Алкивиад, Никий и Ламах. Никия выбрали стратегом против его воли, с тем чтобы серьезный и рассудительный полководец сдерживал своих молодых и пылких товарищей.

Все уже было готово к отплытию, как вдруг случилось загадочное происшествие, которое совершенно изменило ход дальнейших событий. На улицах в Афинах стояли так называемые гермы, столбы с грубо изваянными изображениями бога дорог Гермеса. В ночь перед отплытием эскадры неизвестные люди повредили гермы на улицах Афин.

Виновниками этого поступка считали коринфян. Они будто бы изуродовали гермы, чтобы заставить афинян отложить экспедицию или вообще отказаться от похода против сиракузян, свдих единоплеменников. Они рассчитывали на то, что изуродование герм суеверный народ примет за дурное предзнаменование и отложит экспедицию. Многие видели в этом поступке выпад врагов демократии или изменников с целью помешать отправке флота. Началось строгое расследование, которое обнаружило еще одно преступление против религии. Выяснилось, что группа афинской молодежи во время пирушки разыгрывала у себя

дома мистерии богини Деметры¹. Пошли слухи, что в этом осмеянии священных обрядов — мистерий — участвовали Алкивиад и его друзья. Некоторые прямо обвиняли Алкивиада в изуродовании герм и в издевательствах над священными обрядами.

Алкивиад и его друзья растерялись. Однако матросы кораблей, войско и союзники заявили, что они не выступят в поход без своего вождя.

Алкивиад, рассчитывая на свое влияние в народном собрании, потребовал немедленного разбирательства. Тогда враги его, боясь, что он, выступая перед народом, сумеет оправдаться, пустились на хитрость. «Некогда сейчас решать такое важное дело. Пусть Алкивиад, — говорили они, — снимается с якоря, желаем ему счастливого пути; когда война окончится, пусть он явится в суд для оправдания!» Народное собрание приказало ему выйти в море вместе с другими стратегами.

В мае 415 г. до н. э. флот Алкивиада, состоящий из 134 триер с отрядом в 5000 тяжеловооруженных воинов, наконец отплыл в Сицилию. У берегов Италии афинскую эскадру постигла первая неудача: большинство греческих городов Южной Италии встретило афинян враждебно. Появление огромной эскадры вызвало беспокойство западных греков. Они понимали, что афиняне прибыли не для помощи им, а для завоевания независимых греческих городов-государств в Италии.

Алкивиад взял город Рэгий и затем высадился в Сицилии. После захвата города Катаны он решил уже приступить к осаде Сиракуз, как вдруг непредвиденное событие изменило все.

Дело в том, что в Афинах после отплытия Алкивиада с флотом настроение народного собрания изменилось не в его пользу. Враги его продолжали свои нападки. «Изуродование герм и оскорбление мистерий, — говорили они, — это только одна сторона дела. Настоящая, главная цель безбожных преступников — уничтожить демократию в Афинах». Начались массовые аресты, пытки и казни подозреваемых лиц.

¹ Мистэриями назывались тайные служения богам, справлявшиеся только посвященными. Самыми знаменитыми были Элевсинские мистерии (в честь богинь Деметры и Кобы) в городе Элевсине в Аттике.

В числе арестованных был некто Андокид, ярый противник демократии. Его подозревали в изуродовании герм только потому, что огромная герма, стоявшая против дома, в котором он жил, осталась невредимой. Сидя в тюрьме, Андокид познакомился с одним заключенным по тому же делу, которого звали Тимеем. Тимей убедил Андокида сделать ложный донос на себя и некоторых своих товарищей. «Тот,— говорил он,— кто сознается в преступлении и выдаст сообщников, получит прощение; исход суда неизвестен; народ страшно озлоблен против всех противников демократии. Всех нас, вероятно, ждет смертный приговор». «Лучше,— продолжал Тимей,— спасти свою жизнь хотя бы ложью, пожертвовать немногими подозрительными личностями, но спасти от народной ярости многих честных граждан».

Убеденный доводами Тимея, Андокид сделал ложный донос на себя и на других. Сам он спасся от наказания, но те невинные, которых он оговорил, были казнены.

Раздражение народного собрания, однако, на этом не прекратилось. Гнев народа обратился теперь на Алкивиада. Кончилось тем, что за ним решили послать корабль «Саламинию» и по прибытии немедленно судить.

Алкивиад мог бы не подчиниться и остаться во главе всецело преданного ему флота и войска, но он предпочел сдать командование; по дороге в Афины он бежал.

Алкивиад был заочно обвинен в осквернении герм и оскорблении мистерий и приговорен к смертной казни. Его имущество было конфисковано, и по решению суда жрецы должны были проклясть его как изменника и осквернителя святынь. Узнав о приговоре, Алкивиад вскричал: «О, я докажу им, что я жив!»

Теперь надежда на возвращение на родину была окончательно потеряна. Из страха, что его выдадут афинянам, Алкивиад решился на измену. Он просил у спартанцев защиты и убежища, обещая оказать им больше пользы как друг, чем сделал вреда, будучи врагом. Спартанцы согласились принять его, и Алкивиад в радостном настроении приехал в Спарту.

Прежде всего он посоветовал спартанцам отправить отряд на помощь сиракузянам, а затем занять и укрепить важный пункт в Аттике — Декелею, откуда они могли систематически опустошать страну. Этими советами Алкивиад навлек страшные несчастья на свою родину.

Алкивиад приобрел расположение спартанцев несмотря на то, что этот народ всегда относился с недоверием к иностранцам. Стараясь подражать во всем спартанскому образу жизни, он отпустил длинные волосы, купался в холодной воде горных речек, ел знаменитую спартанскую черную похлебку¹. Спартанцы не верили, что этот человек привык к изысканным кушаньям, что в Афинах он ходил раздушенный, одетый в драгоценный плащ из милетской ткани.

Алкивиад имел особый дар привлекать к себе людей разных племен, принаравливаясь к их обычаям и образу жизни. Он мог одинаково подражать и приспособляться как к хорошему, так и к дурному. Так, в Спарте он занимался гимнастическими упражнениями, был прост, серьезен, немногословен; среди ионийцев в Малой Азии жил в роскоши, искал развлечений; во Фракии напивался допьяна, по обычаю фракийцев; в Фессалии увлекался верховой ездой; при дворе сатрапа Тиссаферна жил так пышно и богато, что удивлял даже персов, привыкших к роскоши. Все эти внешние перемены были у Алкивиада лишь маской, которую он надевал для того, чтобы понравиться людям и добиться от них желаемого.

Дружба Алкивиада со спартанцами продолжалась недолго. Советы Алкивиада принесли пользу врагу. Спарта добилась теперь перевеса. Сицилийская экспедиция завершилась страшным поражением афинян, гибелью всего флота и войска во главе со стратегами (см. биографию Никия). Несмотря на неудачи, афиняне упорно продолжали войну.

Спартанцы поняли, что одними своими силами им не удастся окончательно сломить афинскую военную мощь, и обратились за помощью к персам. Персидский царь заключил со Спартой договор, обещая помогать спартанцам деньгами и военной силой. На персидские деньги спартанцы вели войну, платили жалованье наемникам, построили большой флот, который стал оспаривать у афинян господство на море.

Правительство Спарты теперь уже не нуждалось в услугах Алкивиада. Один из царей, Агис, лично оскорбленный Алкивиадом, стал заклятым его врагом. Многие влиятельные и знатные спартанцы относились к нему с завистью и недоверием. Тогда Алкивиад, подозревая, что

¹ См. выше биографию Ликурга.

спартанцы хотят избавиться от него, задумал бежать от них. Скоро представился и благоприятный случай для этого.

Алкивиад отплыл с эскадрой в Ионию на помощь хиосцам и склонил к отпадению от Афин почти все греческие государства Ионии. В этот момент он узнал, что спартанцы решили его убить.

Тогда он бежал к наместнику персидского царя, сатрапу Тиссаферну. Это был хитрый, коварный человек и заклятый враг всех греков. Сатрап любезно принял Алкивиада, и скоро тот стал самым влиятельным лицом при его дворе. Против удивительной привлекательности Алкивиада никто не мог устоять.

Рассорившись со спартанцами, Алкивиад решил теперь всячески вредить им. Он посоветовал Тиссаферну уменьшить помощь спартанцам, чтобы постепенно обессилить обе воюющие страны. «Так,— говорил он,— греки истребят друг друга и в конце концов станут послушным оружием в руках персидского царя».

Хитрый сатрап сообразил, что советы Алкивиада пойдут на пользу Персии, и поступал во всем согласно его указаниям.

Скоро и спартанцы и афиняне поняли, как много зависит от Алкивиада, и старались опять привлечь его на свою сторону.

Алкивиад прекрасно понимал, что афинянам не под силу одновременная борьба с двумя такими могущественными врагами, как Спарта и Персия. Поэтому он считал единственным выходом для Афин сближение с Персией. Ему представлялся теперь удобный случай примирить Афины с персами и оказаться благодетелем родины.

Между тем в Афинах аристократы и богачи, воспользовавшись отсутствием многих граждан, защитников демократии, служивших во флоте матросами, решили произвести государственный переворот.

Афинский флот стоял в это время у острова Самоса. Несмотря на все несчастья, он все еще оставался грозной силой. Однако афиняне опасались Тиссаферна, который обещал привести на помощь спартанцам 150 финикийских¹ триер: это дало бы Спарте перевес на море.

¹ Финикия — страна на восточном берегу Средиземного моря (ныне — Сирия и Ливан). Финикийцы славились как искусные мореходы и кораблестроители,

Узнав об этом, Алкивиад тайно вступил в переговоры со стратегами афинской эскадры у Самоса, которые сочувствовали аристократам. Прикинувшись сторонником аристократии, он обещал помирить их с Тиссаферном, «не из желания угодить афинскому народу, а из любви к аристократии, которая одна только может еще спасти гибнущее государство».

Сторонники Алкивиада среди командиров афинской эскадры тайно от матросов отправили в Афины одного из своих товарищей. Он должен был посоветовать влиятельным гражданам уничтожить демократию, обещая за это от имени Алкивиада дружбу и союз с Тиссаферном; они надеялись, что спартанцы — сторонники аристократического строя — охотнее пойдут на мир с ними, чем с демократами. Так было установлено в Афинах господство 400 богатых и влиятельных граждан.

Когда об этом узнали матросы самосской эскадры, горячие сторонники демократии, они в раздражении на своих стратегов призвали Алкивиада и просили его стать во главе флота и немедленно плыть к Пирею для уничтожения тирании.

Однако Алкивиад считал, что если он отплывет к Афинам, то неприятель немедленно завладеет Ионией, берегами Геллеспонта и отрежет Афины от подвоза черноморского хлеба; тогда война будет проиграна. Кроме того, необходимо было помешать присоединению финикийской эскадры к спартанскому флоту.

Алкивиад принял командование афинским флотом, быстро вышел в море и уговорил Тиссаферна не присоединять финикийскую эскадру к спартанскому флоту.

Вскоре правление «четырехсот» в Афинах пало. Друзья Алкивиада деятельно помогали народной партии. Афиняне звали Алкивиада теперь в город, но он решил вернуться только победителем и спасителем родины.

Узнав, что афинский флот преследует спартанцев, он на нескольких кораблях немедленно поплыл на помощь соотечественникам и прибыл к Абидосу (на Геллеспонте) в разгар сражения афинян со спартанцами. Спартанцы, одержав победу, начали преследовать афинскую эскадру. Тогда Алкивиад быстро напал на спартанцев и обратил их в бегство. Афиняне отбили свои корабли, захваченные врагами, много спартанских кораблей потопили и тридцать взяли в плен.

Упоенный своими успехами, Алкивиад отправился к Тиссаферну, чтобы договориться с ним о помощи афинянам. Но коварный сатрап приказал схватить его и бросить в тюрьму в Сардах. Через месяц Алкивиаду удалось бежать из тюрьмы и снова прибыть к афинскому войску.

Около города Кизика¹ Алкивиад обнаружил спартанский флот. 40 кораблей Алкивиада напали на спартанцев. Корабли сцепились друг с другом, и закипел жаркий бой. В это время появились главные силы афинян. Испуганные спартанцы обратились в бегство, ища спасения на берегу. Тогда Алкивиад высадил десант и вступил в бой с главными силами спартанцев и персов, бывшими под начальством спартанца Миндара и сатрапа Фарнабаза.

Афиняне одержали решительную победу; геройски сражаясь, Миндар пал, а Фарнабаз обратился в бегство; все неприятельские корабли были захвачены в плен. Спартанский флот был целиком уничтожен; афиняне вернули себе господство на море. Они захватили даже Кизик и обеспечили подвоз хлеба через Геллеспонт.

В руки афинян попало по-лаконски краткое донесение спартанцев о разгроме: «Корыта погибли. Миндар убит. Люди голодают. Не знаем, что делать».

Теперь Алкивиад начал приводить к покорности отпавших от Афин союзников. Вместе с афинским стратегом Фрасиллом он разбил около Абидоса большое войско сатрапа Фарнабаза и начал грабить его сатрапию. Затем он осадил в городе Халкедоне² спартанский гарнизон. На помощь спартанцам подошел сатрап Фарнабаз. Алкивиад разбил врагов; спартанский полководец пал в бою, а Фарнабазу снова удалось бежать.

После этого Алкивиад двинулся против Византия и осадил город. Распустив слух, что снимает осаду, он вышел в море со всем флотом. Ночью же он возвратился и высадил десант гоплитов; вся эскадра подошла в это время к берегу; сторонники афинян в городе открыли ворота гавани.

В это время находившиеся в городе пелопоннеские, беотийские и мегарские воины отбили нападение десанта и заставили его отступить к кораблям, а затем напали на

¹ Кизик — город во Фригии, в Малой Азии.

² Халкедон — город в Вифинии (Малая Азия), у входа в Босфор.

афинян в самом городе. Однако в кровопролитном сражении Алкивиад вновь одержал победу; Византий был взят.

Теперь Алкивиад с огромной добычей возвратился в Афины после восьмилетнего изгнания как победитель и спаситель родины. Он вел за собой много вражеских кораблей, захваченных в боях. На его триерах были выставлены кормовые украшения потопленных им неприятельских кораблей.

Огромная толпа граждан встречала его с венками. С приветственными криками отовсюду сбежался народ, чтобы посмотреть на него; старики показывали его молодым.

Но радость граждан омрачалась печальными воспоминаниями о пережитых несчастьях и неуверенностью в будущем. Многие граждане думали теперь, что сицилийская экспедиция не кончилась бы так печально, если бы во главе ее стоял Алкивиад.

Когда собралось народное собрание, Алкивиад со слезами говорил о своих несчастьях. Затем он постарался вдохнуть в афинян надежду на окончательную победу над врагами. Речь его произвела сильное впечатление, и народное собрание избрало его стратегом с неограниченными полномочиями для войны на суше и на море. Кроме того, его увенчали золотым венком, вернули конфискованное имущество и торжественно сняли проклятие, наложенное на него как на изменника.

Алкивиад находился на вершине счастья. Народ надеялся теперь только на него, считал его спасителем. Многие сторонники Алкивиада убеждали его уничтожить народное собрание, отстранить ораторов-болтунов, губящих государство, и стать тираном. Тогда его противники — аристократы — постарались как можно скорее удалить его из Афин.

С флотом из 100 тиер Алкивиад отплыл из Афин и напал на Андрос. Он разбил там андросцев и спартанский отряд, но города взять не мог. Враги Алкивиада постарались преувеличить эту незначительную неудачу. Народ же по-прежнему верил в Алкивиада и считал, что для него нет ничего невозможного. Ожидали немедленных великих побед: покорения Хиоса и всей Ионии. Когда же узнали, что дело подвигается не так скоро, как хотелось бы, то многие стали выражать недовольство и обвинять Алкивиада в небрежности.

Алкивиад между тем не имел средств для выплаты жалованья своим матросам. Ему часто приходилось остав-

лять войско и флот и надолго уезжать для добывания денег и продовольствия.

Во время одной из таких экспедиций Алкивиад направился к берегам Карики. Командование флотом он поручил стратегу Антиоху. Это был отличный моряк, но человек заносчивый и недалекий. У Нотии¹ он встретил весь спартанский флот под начальством Лисандра и, несмотря на приказание Алкивиада уклоняться от сражения, вступил в бой, потерпел решительное поражение и сам погиб.

Получив известие о несчастье, Алкивиад возвратился на остров Самос (где стоял весь афинский флот). Он снялся с якоря и повел корабли против спартанцев. Однако Лисандр уклонился от боя, зная военное искусство Алкивиада.

В это время служил в афинском флоте некто Фрасибул, личный враг Алкивиада. После поражения при Нотии Фрасибул отправился в Афины. Там он стал возбуждать народное собрание против Алкивиада. Он говорил, что Алкивиад виновен в поражении потому, что передал начальство над флотом людям бездарным, а сам разъезжает, собирая деньги, и весело проводит время, когда враг у него за спиной.

Народное собрание поверило этим и другим обвинениям и в знак недоверия к Алкивиаду выбрало других стратегов.

Алкивиад узнал об этом решении народного собрания, когда находился во Фракии для сбора денег. Он испугался и прекратил всякую связь с афинским флотом. Затем, набрав отряд наемников, он повел войну с фракийскими племенами на свой страх и риск.

Между тем сменившие Алкивиада стратеги собрали весь афинский флот и стали на якорю в Геллеспонте у Эгоспотамов. На рассвете афиняне обыкновенно приближались к эскадре Лисандра, стоявшей на якорю на другом берегу пролива у Лампсака. Афиняне вызывали врагов на бой, а затем возвращались обратно в полном беспорядке.

Эти действия афинского флота заметил Алкивиад, который случайно находился поблизости. Он подъехал однажды верхом к стратегам, заметил им, что они выбрали невыгодную позицию, и советовал перевести флот в другое место. Он говорил им далее, что они напрасно разрешают матросам надолго покидать корабли и даже вытаскивают

¹ Нотий — город в Малой Азии, недалеко от Эфеса.

свои корабли на виду у неприятеля на берег. В ответ на эти слова Алкивиада один из стратегов грубо приказал ему удалиться и не соваться не в свое дело.

Вскоре события доказали, что Алкивиад был прав: Лисандр неожиданно напал на афинский флот и полностью уничтожил его. Только 8 кораблей под начальством Конона успели спастись. У афинян не осталось больше флота, дальнейшая борьба была безнадежна, и вскоре затем Афины признали свое поражение и сдались.

Теперь спартанцы господствовали на суше и на море. Из страха перед ними Алкивиад переехал в Вифинию¹, а затем решил отправиться к персидскому царю Артаксерксу. По пути он остановился во Фригии у сатрапа Фарнабаза и жил у него в почете и уважении.

Афиняне между тем переживали страшные несчастья, позор и унижение. Теперь, когда все погибло, народ со слезами вспоминал о своих ошибках. Самой ужасной своей ошибкой афиняне считали, что из-за незначительной неудачи они лишили государство самого хитрого и самого даровитого вождя. Но все же многие думали, что, пока жив Алкивиад, для Афин есть еще надежда на спасение.

Спартанцы, однако, не оставляли Алкивиада в покое в его изгнании. Точно не известно, как погиб Алкивиад. Одни рассказывают, что Лисандр отправил к Фарнабазу посланца с просьбой убить Алкивиада. Фарнабаз послал убийц в фракийскую деревушку, где жил Алкивиад. Убийцы подожгли дом, и, когда Алкивиад выскочил из пламени, они пронзили его стрелами.

Другие говорят, что Алкивиад был убит народом по наущению Фарнабаза.

Гробница его находилась в местечке Мелиссе (в Малой Азии, во Фригии). Римский император Адриан приказал впоследствии поставить на могиле мраморную статую.

¹ Вифиния — область в Малой Азии.

ЛИСАНДР

(умер в 395 г. до н. э.)

К знатному спартанскому роду Гераклидов принадлежало немало обедневших семей. Отец Лисандра, выходец из этого рода, был человеком бедным. Он дал сыну строгое спартанское воспитание и приучил его благородно и с достоинством переносить бедность.

Молодой Лисандр выделялся железной волей, умом, блестящими способностями и исключительным честолюбием. Рано появились у него и дурные стороны характера: лицемерие, хитрость. Он мог льстить и ухаживать за людьми высокого положения; был готов выносить любые обиды и оскорбления, если это выгодно.

Родина Лисандра, Спарта, уже много лет вела упорную войну с Афинской державой за господство в Греции.

Несмотря на тяжкие потери с обеих сторон, ни один из противников не мог одержать решительной победы. После роковой экспедиции в Сицилию (415—413) и гибели всего флота и войска афиняне выстроили новый флот. Война продолжалась. Морское могущество Афин не было сокрушено.

Спартанские эфоры, чтобы добиться победы над афинянами, обратились за помощью к персам. Персидский царь дал спартамцам большие суммы денег на содержание войска и постройку флота.

Лисандр проявил себя даровитым военачальником и ловким дипломатом. Ему поручили командовать флотом и, самое главное, вести переговоры с персами о денежной помощи.

Сделавшись командующим флотом, Лисандр составил план войны, который заключался в том, чтобы уклоняться от сражений с противником, если тот имеет перевес, и нападать всегда с превосходящими силами.

Прежде всего Лисандр направился с эскадрой к Эфёсу. Переговоры с персами завершились блестящим успехом: он получил от наместника Лидии, Кира Младшего¹, огромные денежные суммы, и даже сам собирал от имени Кира подати с малоазийского населения. На эти деньги Лисандр немедленно повысил вдвое жалованье матросам своего флота. Затем он объявил, что если афинские матросы-наемники перейдут к нему на службу, то они получат столько же. Как раз в это время у афинян произошла задержка с уплатой жалованья матросам. Афинские матросы-наемники стали массами перебегать к Лисандру, и в короткое время афинский флот остался почти без гребцов.

Афинский адмирал Антиох, вопреки приказанию Алкивиада, неосторожно выступил с частью флота в бой, и Лисандр нанес ему решительное поражение при Нотии (407 г. до н. э.). Вину за поражение афинское народное собрание возложило на Алкивиада, и он был вынужден уйти в изгнание.

Так Лисандр избавился от самого талантливого и опасного врага.

Лисандр собрал в Эфесе представителей аристократических кругов из союзных греческих и малоазийских горо-

¹ Кир Младший — брат персидского царя, впоследствии поднявший против него восстание.

дов. Он щедро раздавал аристократам деньги для организации тайных союзов, которые должны были подготовить свержение демократии. Этим он приобрел расположение и преданность аристократов.

Между тем срок командования Лисандра истек, и на его место был прислан из Спарты другой командующий, Калликратид.

Это был человек недалекий, бесхитростный и прямой. Лисандр был раздосадован назначением Калликратиды и стал чинить ему всевозможные препятствия. Так, он отослал остаток денег Киру Младшему и затем предложил Калликратиду самому выпрашивать деньги у Кира или добывать их другими средствами. Матросы, начальники и союзники были также недовольны сменой командования.

Калликратид попал в затруднительное положение. Гордый спартаец считал унижительным для себя вымалывать деньги у персов. Среди матросов возникли волнения: денег, чтобы платить им жалованье, не было. Тогда командующему пришлось скрепя сердце отправиться в Сарды, к Киру Младшему.

По прибытии во дворец Кира Калликратид приказал доложить, что он, спартаец Калликратид, желает видеть наместника. Один из придворных сказал ему: «Сейчас Кир занят; он теперь пьет; тебе придется подождать». Калликратид ответил: «Хорошо, я подожду, пока он пьет». Персы-придворные стали смеяться над ним, и рассерженный Калликратид ушел.

На следующий день он вторично явился к Киру и опять не мог добиться приема. Тогда, поняв, что Кир издевается над ним, взбешенный Калликратид возвратился в Эфес, проклиная своих сограждан (и в первую очередь Лисандра), которые стали низкопоклонничать перед «варварами» и приучили их нагло относиться к грекам.

Он поклялся, что по возвращении в Спарту приложит все усилия, чтобы прекратить братоубийственную войну. «Тогда,— говорил он,— греки снова будут, как некогда, страшны варварам и больше не станут выпрашивать у них подачки для взаимного уничтожения».

Вскоре затем Калликратид был разбит афинянами в морском сражении при Аргинусских островах и сам погиб в бою.

Тогда союзники спартанцев вместе с Киром Младшим отправили в Спарту послов с просьбой вновь поставить во главе флота Лисандра.

Однако простые матросы, хотя и были довольны щедростью Лисандра, не одобряли его способа ведения войны. Они упрекали Лисандра, говоря, что знатному спартанцу, потомку Геракла¹, не подобает воевать с помощью хитрости. В ответ на это Лисандр говорил, смеясь: «Куда не пролезет львиная шкура, там надо подшить лисью», то есть там, где не помогает сила, нужно применить хитрость.

Спартанские эфоры в угоду Киру Младшему и союзникам согласились снова назначить Лисандра командующим флотом (чтобы обойти закон, запрещавший два раза подряд назначать одно и то же лицо на высшую должность, командующим назначили некоего Ара́ка, на деле же командовал Лисандр).

Получив снова власть, Лисандр начал уничтожать демократический строй во всех союзных государствах и ставить там у власти аристократию. Однако он не везде и не всегда действовал насилием и угрозами, чаще же всего применял хитрость и притворство.

Так, в Милете происходила ожесточенная борьба народа с аристократами. Лисандр помог аристократам уничтожить демократию и изгнать своих противников. Затем аристократы вновь примирились с демократами, тогда он открыто высказал радость по поводу примирения, втайне относясь к аристократам насмешливо. Побудив аристократов к новому восстанию, он вошел с войском в город и стал лицемерно укорять мятежников за распри и даже обещал их покарать. А между тем он тайно одобрял убийства демократов.

Лисандр не скупился на обещания и клятвы, но никогда не считал себя связанным ими. «Детей,— говорил он,— можно обманывать игрушками, а взрослых — клятвами».

Таков был Лисандр — хитрый, бессовестный и двуличный человек.

Кир Младший пригласил Лисандра в Сарды. Он обещал ему денежную помощь и флот. Кир поручил ему даже

¹ Спартанская знать считала своим предком знаменитого сказочного героя Геракла, сына верховного бога греков Зевса.

сбор дани и управление греческими малоазийскими городами в свое отсутствие.

Спартанский командир теперь щедро расплатился с матросами и возвратился с эскадрой в Геллеспонт. Здесь он приступом взял город Лампсак.

Афинская эскадра в составе ста восьмидесяти триер стояла на якоре у Херсонеса Фракийского. Узнав о взятии Лампсака, афиняне двинулись к Эгоспотамам и остановились напротив Лампсака на виду у спартанского флота. Афинским флотом командовали несколько стратегов и между ними Филокл. Этот Филокл прославился тем, что внес в народное собрание постановление отрубать каждому пленному спартанцу большой палец на правой руке, чтобы лишить его возможности владеть копьем и мечом.

Весь этот день на кораблях враждебных эскадр никто не думал об отдыхе: все готовились на завтра к решительному сражению; афиняне понимали, что для них поражение будет равносильно гибели родины, и потому решились победить или умереть.

Однако Лисандр не захотел принять открытого боя, а задумал хитрость. Он приказал матросам и кормчим быть наготове, чтобы с рассветом начать сражение, а сухопутному войску оставаться на берегу.

На следующий день с восходом солнца афинский флот в полном боевом порядке выступил против спартанцев. Тем не менее Лисандр не принял вызова; он отдал приказ передовым кораблям сохранять спокойствие и не вступать в бой. Вечером афиняне отступили и их матросы сошли на берег; Лисандр также позволил своим матросам высадиться на берег.

Следующие четыре дня афиняне продолжали свои попытки вызвать Лисандра на открытый бой, но безуспешно. На пятый день афиняне стали выполнять свое обычное движение — высадку на берег и посадку утром на корабли уже с явным пренебрежением к неприятелю, решив, что он не осмелится на них напасть. Тогда Лисандр отдал с адмиральского корабля приказ атаковать врага одновременно с суши и с моря.

Флот спартанцев быстро двинулся к противоположному берегу пролива (ширина его здесь около 2 километров), а сухопутное войско постепенно заняло господствующую над берегом позицию. Один из афинских стратегов, завидя с берега приближающийся флот неприятеля,

приказал матросам немедленно садиться на корабли. Но все экипажи кораблей разбрелись по берегу; кто мирно спал в палатках, кто готовил ужин.

Из-за преступной небрежности стратегов никто из афинян не ожидал нападения; как стратеги, так и простые матросы думали, что Лисандр не отважится на нападение. Часть афинских кораблей была даже вытащена на берег. Битва продолжалась менее часа. За это время Лисандр уничтожил весь афинский флот. Только восемь триер под начальством Конона успели спастись и ушли к острову Кипр.

В результате этого сражения афинское морское могущество было окончательно сломлено: у Афин теперь больше не было ни флота, ни денег, ни матросов. Всего было взято в плен 3000 матросов вместе со стратегами. Лисандр посадил пленников на корабли и отплыл назад к Лампсаку.

Спартанское правительство и совет союзников решили казнить всех пленных афинян. Лисандр призвал к себе пленного стратега Филокла и спросил его: какого наказания заслуживает он, внесший в афинское народное собрание постановление отрубить всем спартанским пленникам большой палец правой руки? Филокл, которого не сломило несчастье, ответил Лисандру: «Поскорее казни пленных: ведь такая же участь постигла бы тебя, если бы мы победили»,— и первый пошел на смерть.

После казни пленников Лисандр стал объезжать прибрежные города, всюду уничтожая демократию, устанавливал аристократическое правление во главе со спартанским правителем. Немедленно начались казни и изгнания сторонников демократии.

Чтобы поскорее захватить Афины, Лисандр задумал хитрость. Он объявил, что все афиняне, застигнутые вне города, будут немедленно казнены. Он рассчитывал, что наплыв жителей в Афины вызовет там голод и город не сможет выдержать долгой осады.

Расчет Лисандра оправдался: в Афинах вскоре наступила крайняя нужда. Тогда он отплыл с эскадрой к Пирею и потребовал сдачи города.

Побежденным пришлось принять тяжкие и позорные условия спартанцев. Афиняне должны были разрушить свою гавань Пирей и Длинные стены, вернуть изгнанных аристократов. Афинский морской союз уничтожался, гор-

дые Афины потеряли все заморские владения. У афинян остались только Аттика и остров Саламин.

Лисандр, захватив оставшиеся корабли афинян (побежденным оставили только двенадцать небольших судов), вступил в город в годовщину великой победы афинян над персами при Саламине. Это было в 404 г. до н. э.

Спартанцы немедленно уничтожили в Афинах демократию и установили здесь правление из 30 человек (их называли тридцатью тиранами) — ярых противников народа. Новое правительство опиралось на спартанский гарнизон, стоявший в Афинах.

Афиняне еще не успели скрыть Длинные стены, и Лисандр созвал совет союзников, чтобы решить вопрос о наказании афинян за невыполнение условий сдачи города. Среди союзников раздавались голоса, требовавшие совершенно разрушить Афины. Иные предлагали даже скрыть город до основания, жителей продать в рабство, а на месте Афин устроить пастбище для скота.

Однако спартанцы не решились уничтожить великий город. Чтобы унижить афинян, Лисандр приказал скрыть Длинные стены, что и было исполнено под звуки флейт, при рукоплесканиях и криках радости собравшихся спартанских союзников. Остатки афинского флота были сожжены.

В Афинах начались насилия, преследования, казни сторонников демократии. Афинский народ, испытав все оскорбления и унижения, однако, не пал духом; он затаил обиду и вскоре вновь восстал против спартанцев и их ставленников — тридцати тиранов.

Лисандр отплыл с флотом во Фракию. Всю военную добычу и деньги в мешках он отправил в Спарту через одного из своих помощников — Гилиппа. Тот, ранее одержавший великие победы над афинянами в Сицилии и человек, всеми уважаемый, не мог, однако, устоять перед силой денег и совершил позорный поступок. Он решил присвоить часть денег. Для этого он велел распороть мешки и вынуть из каждого большую сумму денег. Он не знал, что в каждом мешке находилась опись содержимого. По прибытии в Спарту Гилипп спрятал деньги под черепицей крыши своего дома. Эфоры вскрыли мешки и нашли печати нетронутыми, но обнаружили в каждом огромную недостачу.

Были допрошены слуги Гилиппа, и один из них заявил, что у Гилиппа в «черепичнике» живет множество сов; этим он хотел сказать, что под черепичной крышей дома Гилиппа спрятаны афинские монеты, на которых чеканилось изображение государственного герба — совы богини Афины. Произведенный обыск обнаружил деньги, украденные и спрятанные Гилиппом.

Преступление Гилиппа произвело сильное впечатление на спартанцев. Вновь было запрещено обращение серебряной и золотой монеты, граждане должны были пользоваться лишь тяжелой железной монетой, чтобы затруднить накопление больших сумм в руках отдельных граждан. Другой закон разрешал тратить деньги, привезенные Лисандром, только на нужды государства и грозил смертной казнью всем, у кого они будут найдены.

Однако все эти меры не могли прекратить распространения роскоши и богатства в Спарте. Влиятельные граждане не считались с запретами и скопили в своих руках большие богатства. Сам Лисандр, говорят, не воспользовался ничем из привезенных им огромных сокровищ.

Лисандр с помощью поставленных им в большинстве греческих городов правителей (гармостов) стал владыкой Греции. Низкопоклонники, льстецы и всяческие проходимцы объявили его богом-спасителем и приносили ему жертвы как божеству.

Теперь в полной мере проявились страшные черты его характера: неумолимая, холодная жестокость и вероломство. Он лично присутствовал при казнях своих врагов-демократов. В большом городе Милете он поклялся не творить беззаконий и обещал сохранить жизнь всем демократам, если те выйдут из убежища. Когда же, поверив его обещанию, они вышли, он приказал казнить 800 человек. Жителей некоторых городов Лисандр просто изгонял, отдавая их земли и имущество своим сторонникам.

Клевета и доносы царили повсюду, корыстолюбие спартанских гармостов вскоре достигло чудовищных размеров и возбудило против спартанцев всеобщую ненависть. Имя спартанца стало в Греции обозначать насильника, убийцу, тирана.

Лисандр совершенно перестал считаться даже со своими союзниками-персами: он грабил и опустошал владе-

ния персидских сатрапов; его ближайшие помощники захватили огромные богатства.

Со всех сторон в Спарту стекались жалобы на грабежи, насилия и беззакония Лисандра. Но эфоры не обращали на это никакого внимания.

Наконец, поведение Лисандра показалось опасным даже самим эфорам: в его руках была сосредоточена вся военная сила, и он мог в любой момент захватить власть и сделаться тираном. Было решено отозвать Лисандра в Спарту.

Поводом для отзыва послужила жалоба персидского сатрапа Фарнабаза, владения которого Лисандр опустошал и грабил. Эфоры послали Лисандру скиталу¹ с приказанием немедленно вернуться на родину.

Получив приказ и опасаясь последствий жалоб сатрапа Фарнабаза, Лисандр немедленно отправился к нему в надежде устранить недоразумения путем переговоров. При свидании Лисандр просил сатрапа написать эфорам другое письмо и взять обратно все свои жалобы против него. Однако хитрый и коварный перс обманул опытного хитреца Лисандра. Фарнабаз любезно принял Лисандра и в его присутствии написал эфорам письмо, какое хотел спартанец. Но, запечатывая письмо и передавая его Лисандру, ловкий сатрап ухитрился подменить его другим, заранее заготовленным и совсем иного содержания.

По прибытии в Спарту Лисандр отправился к эфорам и передал письмо Фарнабаза в уверенности, что там содержится полное оправдание его от всех обвинений. Эфоры прочитали письмо, и Лисандр понял, что его на этот раз обманули.

Через несколько дней Лисандр покинул Спарту будто бы затем, чтобы принести жертвы в храме Зевса-

¹ Скиталой у спартанцев называлась круглая палочка, разделенная на две половины; одну половину эфоры вручали полководцу, отправлявшемуся в поход, а другую оставляли себе. Желая передать какие-нибудь приказания полководцу, эфоры брали полоску папируса и плотно обертывали ею скиталу так, чтобы края полоски входились. Затем на обернутой вокруг скиталы полоске писали приказ, а потом посылали его полководцу. Получив полоску папируса без палочки, полководец брал свою скиталу, обертывал вокруг нее папирус и таким образом читал приказ,

Аммона¹. Эфоры не осмелились задержать полководца и потребовать от него отчета.

Спартанские цари тогда воспользовались отъездом Лисандра, чтобы подорвать его влияние. Они смотрели сквозь пальцы на восстание Афин против тридцати тиранов, изгнание тиранов и восстановление там демократии.

После возвращения Лисандр немедленно выступил в поход, чтобы усмирить афинян; но один из царей, Павсаний, поехавший вместе с Лисандром, признал за афинянами право выбирать себе правителей и не позволил подавить восстание.

Лисандр должен был вернуться в Спарту ни с чем. Эфоры тем не менее стали на сторону Лисандра против царя Павсания, но было уже поздно: силой теперь нельзя было навязать афинянам ненавистных правителей.

Однако могущество Лисандра не было еще окончательно подорвано: он продолжал самовластно распоряжаться во многих греческих государствах, опираясь по-прежнему на силу. Так, например, аргосцы, у которых Лисандр захватил землю, пришли к нему с жалобой. Лисандр, указывая на свой меч, сказал: «Лучше всего рассуждает о границах тот, у кого меч».

Между тем в Спарте умер старый царь Агис. Лисандр, пользуясь своим влиянием, провозгласил царем Агесилая, не имевшего законных прав на престол. Лисандр рассчитывал сделать Агесилая своим послушным орудием. Он добился назначения Агесилая командующим спартанской армией в войне против Персии, так как был уверен, что будет командовать сам и распоряжаться всем на войне, как это было уже раньше во время борьбы с Афинами.

Но Лисандру пришлось разочароваться в надеждах на нового царя Агесилая. Тот был столь же честолюбив, как и Лисандр, и не терпел никаких соперников. Царь взял с собой Лисандра в поход в качестве советника и сначала окружил его почетом и уважением.

Малоазийские греки, знавшие ранее Лисандра и привыкшие видеть его главнокомандующим, стали по всем

¹ Аммон — одно из главных божеств древних египтян. Когда поездки греков в Египет стали частым явлением, многие элементы египетской религии были заимствованы греками, и, наоборот, египтяне переняли некоторые древнегреческие религиозные обряды. На бога Аммона были перенесены черты верховного божества греков Зевса. Храм Зевса-Аммона находился в Египте.

делам обращаться к нему, помимо Агесилая. Тогда Агесилай решил отстранить Лисандра от всех важных дел и твердо взять власть в свои руки. В насмешку над Лисандром Агесилай поручил ему раздачу мяса союзникам. «Пусть эти люди теперь ухаживают за моим раздатчиком мяса»,— сказал царь об ионийских греках, которые оказывали почет Лисандру.

Тогда Лисандр решил объясниться с Агесилаем, и между ними произошел краткий разговор. «Ты, Агесилай,— сказал Лисандр,— недурно умеешь унижать своих друзей». «Да,— ответил Агесилай,— когда они хотят стать выше меня; тому же, который способствует усилению моего могущества, я всегда готов предоставить его долю». Затем Агесилай дал Лисандру незначительное поручение на Геллеспонте и в течение всей войны не возлагал на него больше никаких обязанностей.

Лисандр возвратился в Спарту в сильном раздражении и обиде против Агесилая и эфоров. Он полагал, что его заслуги как великого полководца, сделавшего так много для Спарты, недостаточно оценены.

В таком настроении Лисандр решил выполнить давно задуманный им план и стать царем Спарты. Он предполагал провести в народном собрании закон о лишении власти законных царей и сделать новых царей выборными. Тогда, думал он, спартанцы изберут его царем, как самого могущественного и великого человека в Спарте.

Чтобы повлиять на суеверных спартанцев, Лисандр стал распространять всевозможные пророчества, в которых говорилось о нем как о спасителе Спарты и всей Греции; он пытался даже привлечь на свою сторону дельфийский оракул, чтобы получить нужные ему предсказания. Неудачная попытка подкупить жрецов-прорицателей оракула Зевса-Аммона в Египте привела к тому, что жрецы направили в Спарту послов с разоблачением недостойных действий Лисандра. Его привлекли к суду, но судьи не решались обвинить прославленного полководца, и он был оправдан.

А тем временем измученные спартанским господством греческие государства стали подниматься на борьбу за независимость. После Афин, свергнувших своих тридцать тиранов, против Спарты выступили Фивы. Став во главе направленного против фиванцев войска, Лисандр направился с большим войском в Беотию через область Фокиду

и назначил царю Павсанию, который шел к нему на помощь, встречу у города Галиарта. Но, подойдя к городу, он не нашел там Павсания и поэтому не решился на штурм. Посланец Лисандра, направленный к Павсанию, попал в руки фиванцев, и те приняли меры для защиты города.

Подождав некоторое время Павсания, Лисандр решил дать сражение врагам. Построив свое войско, Лисандр лично повел его на приступ. Фиванцы дали Лисандру приблизиться к стенам, а затем, внезапно открыв городские ворота, произвели вылазку.

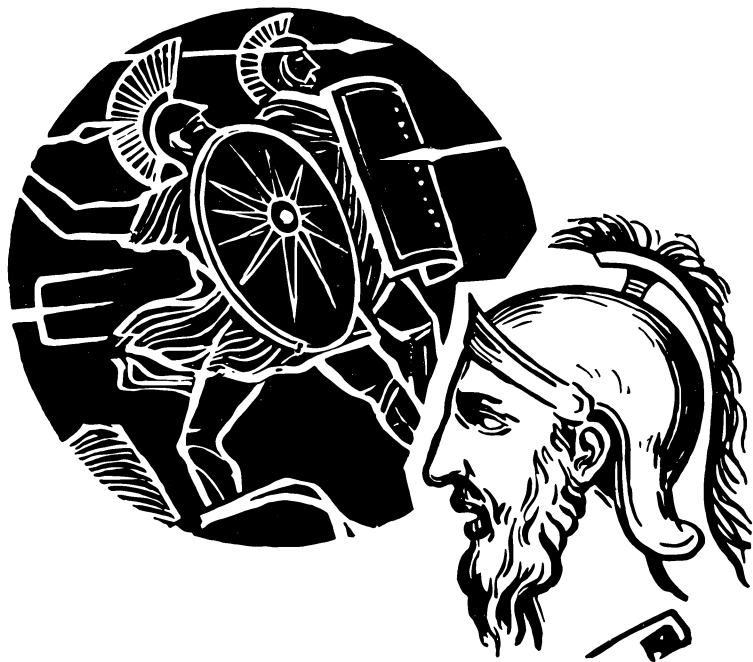
В схватке Лисандр был убит. Осаждающие спартанцы после гибели командира хотели отступить, но в этот момент с тыла на них напали новые отряды фиванцев. Спартанцы оказались атакованными сразу с двух сторон и потерпели полное поражение.

Узнав о несчастье, Павсаний поспешил к Галиарту, но, встретив там объединенные силы фиванцев и афинян, не решился вступить в неравный бой. Тогда Павсаний предложил врагам перемирие для погребения мертвых и отступил.

Такова была жизнь Лисандра, наделенного от природы выдающимися способностями, но применявшего их не для славы родины, а для своих личных и корыстных целей.

Похоронили Лисандра на границе с Беотией, на земле, дружественной спартанцам. В Спарте воздали ему почести, как великому полководцу.

АГЕСИЛАЙ

(около 444—360 гг. до н. э.)

Архидам, царь спартанцев, оставил двоих сыновей: Агиса и Агесилая. Наследником престола был старший сын Агис, который и стал царем после смерти отца.

Агесилай родился около 444 г. до н. э.; он получил суровое спартанское воспитание.

Уже в детстве Агесилай проявил большие способности, рвение и честолюбие; он отличался удивительной настойчивостью, с охотой выполняя приказание старших, и никогда не уклонялся от тяжелых поручений. Агесилай был всегда весел и приветлив со всеми; к своим недостаткам — природной хромоте, маленькому росту и невзрачной внешности — он относился с добродушной шутовщиной.

Талантливый юноша обратил на себя внимание знаменитого полководца и самого влиятельного человека в Спарте — Лисандра.

После смерти царя Агиса Лисандр предложил возвести на престол Агесилая, устранив сына покойного царя, прямого наследника. Лисандр полагал, что Агесилай станет игрушкой в его руках и будет царем только по имени.

Уважая Агесилая, многие граждане, знавшие его еще с детства, также оказали ему поддержку. Однако неожиданно против выступил один жрец-прорицатель. Он заявил, что противное обычаю избрание в цари хромого ка- леки грозит Спарте великими бедствиями, и привел такое старинное прорицание:

Гордая Спарта! Хотя у тебя и здоровые ноги, ты бойся!
Царство хромое вырастишь у себя на престоле.
Долго ты будешь тогда изнывать от неожиданной болезни,
Долго ты будешь носиться по волнам убийственной брани.

Однако, несмотря на это грозное предсказание, Агесилай при поддержке Лисандра был провозглашен царем.

Цари в Спарте были только исполнителями воли эфоров и геронтов. Эфоры распоряжались и отдавали приказания им, как простым полководцам. Отношения между царями и эфорами часто были враждебными.

Когда Агесилай стал царем, он, вместо того чтобы ссориться с эфорами и геронтами, решил приобрести их расположение. Новый царь старался показать и тем и другим свое уважение: вставал, когда те входили в комнату; когда их избирали на должность, он посылал им в подарок плащ и быка. С простыми гражданами он был любезен и обходителен: всегда готов был прийти на помощь не только друзьям, но и недругам. Вскоре Агесилай достиг такого влияния, что эфоры из опасения его возросшего могущества присудили царя даже к штрафу.

В первое время царствования Агесилай во всем подчинялся Лисандру. Он добился с помощью Лисандра назначения себя командующим в войне против Персии. Из жизнеописания Лисандра мы знаем, как ловко Агесилай в Малой Азии сумел отделаться от опеки Лисандра.

Агесилай стал единоличным начальником и во главе восьмитысячного войска начал войну с сатрапом персидского царя Тиссаферном. В этой войне впервые обнаружились блестящие полководческие способности Агесилая.

Царь спартанцев обманул персов: он сделал вид, что намерен вторгнуться в область Карию; подождав затем, пока персы сосредоточат там свои силы, он неожиданно напал на другую область — Фригию, занял несколько городов и захватил богатую добычу.

Узнав, что спартанцы с большими подкреплениями идут в Лидию, Тиссаферн повернул им навстречу. На равнине около лидийской столицы Сарды произошло сражение. Агесилай одержал решительную победу. Персидский царь в наказание за неудачу велел казнить Тиссаферна.

Затем персидский царь послал к Агесилаю одного из своих приближенных, чтобы подкупом склонить спартанцев к миру. Агесилай ответил, что заключение мира зависит от решения народа и правительства Спарты. «У греков, — заявил он, — считается прекрасным брать у врага не подарки, а добычу».

Агесилаю удалось заключить союз с пафлагонским царем и получить от него подкрепление в 3000 воинов. Теперь в распоряжении Агесилая находились значительные силы; с ними он вступил во Фригию, область сатрапа Фарнабаза.

Фарнабаз не осмелился сопротивляться. Он бежал, захватив огромные сокровища. Через некоторое время греки и пафлагонцы, предводительствуемые спартанским начальником, настигли Фарнабаза и овладели его лагерем и сокровищами (сам Фарнабаз бежал). Тут между союзниками и произошла ссора из-за дележа добычи. Пафлагонцы покинули спартанцев и возвратились на родину.

Шел уже второй год военных действий Агесилая в Малой Азии. Завоеванные спартанцами города начали отпадать от них, но Агесилай восстановил везде власть спартанцев без насилий и казней.

Слава его как полководца и молва об его скромном образе жизни распространились по всем персидским владениям в Малой Азии. Агесилай спал на жесткой походной постели, как простой воин, стойко переносил жару, холод и все неудобства походной жизни. Малоазийские греки с удовольствием наблюдали, как высокомерные персидские сатрапы в своих роскошных одеждах преклоняются перед человеком в скромном плаще простого воина.

Агесилай думал уже нанести удар в самое сердце Персидской державы, как вдруг к нему прибыл приказ эфоров немедленно возвратиться на родину.

Персы не рассчитывали одолеть спартанцев в открытом бою. Царь и сатрапы избрали другой путь борьбы — решили поразить Агесилая в самой Греции — и побуждали афинян и фиванцев к восстанию против Спарты.

Огромные денежные суммы, полученные от персов, пошли на восстановление Длинных стен в Афинах и на снаряжение афинской и фиванской армий.

Наконец, разразилась война фиванцев и афинян против Спарты. Персия была спасена. Агесилаю пришлось для защиты родины посадить свое войско на корабли и отплыть в Грецию.

Покидая Малую Азию, Агесилай сказал, что его изгоняют оттуда 10 000 стрелков персидского царя. (На персидских золотых монетах чеканилось изображение стрелка из лука.) Этими словами Агесилай хотел сказать, что победу над Спартой одержало персидское золото.

Во главе спартанского войска в Греции находился Лисандр, но он вскоре погиб в Беотии, и союзники стали одерживать верх.

Между тем Агесилай поспешно переправился через Геллеспонт и вступил во Фракию. Местные племена в большинстве случаев встречали его дружелюбно, только послы маленького племени траллов потребовали у него за пропуск через свои владения 100 талантов серебра. Агесилай ответил траллам войной и разгромил их.

При проходе через Македонию Агесилай послал спросить македонского царя, пропустит ли тот спартанское войско. Царь ответил, что подумает. «Пусть же думает,— сказал Агесилай,— а мы пойдем вперед!»

Так как фессалийцы находились в союзе с врагами Спарты, Агесилай стал опустошать их страну. Затем он направил послов с предложением дружбы жителям фессалийского города Ларисы. Однако те бросили его послов в тюрьму. Разгневанные спартанские воины потребовали, чтобы Агесилай осадил Ларису, но он добился освобождения послов и быстро двинулся дальше.

В пути было получено известие о кровопролитном сражении около Коринфа спартанцев с фиванцами и афинянами. Спартанцы одержали победу, но много воинов с обеих сторон пало. Агесилай глубоко скорбел о том, что греки вновь начали братоубийственную войну вместо того, чтобы общими силами дать отпор чужеземцам — персам. Обратившись к своим воинам, он с горечью восклик-

нул: «Горе тебе, Эллада! Собственными руками ты погубила столько храбрых своих сыновей, которые, если бы остались живы, могли бы, объединившись, победить всех варваров, вместе взятых!»

По приказанию эфоров Агесилай присоединил к своему войску несколько отрядов из-под Коринфа и вступил в Беотию. Здесь его ждала страшная весть о полном разгроме спартанского флота при Книде (394 г. до н. э.).

Талантливый афинский стратег Кóнон спасся после гибели афинского флота у Эгоспотамов и отправился сначала на остров Кипр, а потом в персидские владения. На персидские деньги Конон снарядил большой флот. При Книде Конон отомстил за позорную гибель флота у Эгоспотамов.

Агесилаю предстояло вскоре дать решительное сражение беотийцам. Чтобы воины не пали духом, он скрыл от них печальную весть о поражении. Перед битвой он объявил, что спартанский флот одержал блестящую победу. Он вышел к воинам с радостным лицом, в праздничной одежде, увенчанный венком, как победитель, и велел принести благодарственную жертву богам. Такими мерами он хотел поднять боевой дух своего войска.

Затем он смело напал на соединенные силы фиванцев и аргосцев при Коронее. Битва была упорной и кровопролитной; обе стороны сражались героически, но никому не удалось добиться решительного успеха. Силы спартанцев уже истощились, и потому пришлось заключить с фиванцами перемирие.

Сам Агесилай сражался, как простой воин, и получил несколько тяжелых ран. Его перенесли на носилках в Дельфы, где находились святилище и оракул Аполлона. Агесилай посвятил богу десятую часть персидской добычи и затем возвратился в Спарту.

Многие спартанские полководцы, побывав в чужих краях, не желали уже вести прежнюю скромную жизнь. Они присваивали военную добычу, отказывались от суровых спартанских обычаев, жили в праздности. Но Агесилай с уважением относился к стародавним обычаям своей родины: его еда, как и раньше, была скромной, одежда его жены и дочери, мебель и утварь в доме не изменились. Агесилай не взял ничего для себя из огромной персидской добычи.

Недолго, однако, пришлось Агесилаю оставаться на родине. После выздоровления от ран он снова выступил в поход и овладел Коринфом.

В это время афинский полководец Ификрат уничтожил большой спартанский отряд. Много забот причиняли спартам действия афинского флота под начальством Кона у берегов Лаконики. Вот почему эфоры, несмотря на противодействие Агесилая, решили заключить мир с Персией, чтобы избавиться от одного врага.

Эфор Анталкид отправился послом к персидскому царю и заключил «царский», или Анталкидов, мир. Условия мира были позорными: чтобы спасти свое владычество в Греции, спартанцы отдали малоазийских греков под власть персов.

Все греки негодовали, считая спартанцев предателями. Зато Агесилай и эфоры добились прекращения персидской помощи афинянам и фиванцам. Теперь они могли продолжать борьбу с врагами иными средствами, опираясь на сочувствовавших спартам аристократов в Фивах и Афинах.

Спартанский полководец Фебид уже после заключения мира проходил с отрядом через Беотию. Внезапным нападением он занял фиванский кремль Кадмею и город Фивы. Затем он сверг демократическое правительство и поставил новое во главе с аристократами¹. Таким образом один враг был уничтожен.

Весть о вероломном захвате Фив, в нарушение мирного договора, вызвала негодование в Греции. В самой Спарте многие осуждали действия Агесилая. Но когда Фебида привлекли к суду за самовольные действия, Агесилай открыто выступил в его защиту. «Все, что приносит пользу Спарте, разрешается свершать даже без особого приказа», — заявил он. Спартанские правители оправдали вероломный поступок Фебида. Спартанский гарнизон продолжал занимать Кадмею. Аристократы в Фивах, придя к власти, начали жестокую расправу с демократами.

Теперь спартанцы решили покончить с другим врагом. Наступила очередь Афин.

Один из спартанских правителей беотийского города Фэспии (в 40 км от Афин) задумал захватить Афины. Он знал, что в случае удачи его поступок будет одобрен.

¹ См. подробнее об этом в биографии Пелопида.

Афины были большим городом с многочисленным населением; стены города были только что вновь отстроены и тщательно охранялись. Напасть на Афины среди бела дня было совершенно невозможно. Тогда спартанцы небольшим отрядом ночью вышли из Феспий, чтобы захватить афинскую гавань Пирей. Они надеялись достичь города и под покровом темноты завладеть им. Однако враги не рассчитали времени: они оказались на равнине перед гаванью, когда солнце уже ярко светило. Стража подняла тревогу, ворота гавани оказались закрытыми. Внезапное нападение не удалось, и спартанцам пришлось с позором отступить.

В Афинах встревоженный народ выбегал из домов, хватаясь за оружие. Возмущению и негодованию афинян не было предела. Немедленно собралось народное собрание. В Спарту отправили послов с требованием суда и наказания виновных в вероломном нарушении мира.

Узнав о неудаче, Агесилай и эфоры немедленно передали спартанского командующего суду, но сами же помогли ему бежать. Эфоры заявили афинским послам, что виновный действовал без их ведома, поэтому спартанские власти не отвечают за его действия. По настоянию Агесилая суд оправдал нарушителя мира.

Весть об этом вызвала в Афинах сильное возмущение. Народное собрание объявило войну Спарте. Афиняне уже раньше помогли фиванским изгнанникам захватить Кадмею и восстановить в Фивах демократию. Теперь афиняне в союзе с фиванцами начали борьбу за освобождение Греции от спартанского владычества.

Во главе спартанского войска стоял второй царь, Клеомброт. Военные действия он вел нерешительно. Тогда Агесилай, несмотря на свой преклонный возраст (ему было за 70 лет), принял начальство над одним из отрядов и вступил с ним в Беотию. Вскоре в сражении он получил тяжелую рану и принужден был долгое время лежать в постели.

За время болезни Агесилая спартанцам пришлось испытать много неудач на суше и на море; впервые спартанцы потерпели от фиванцев жестокое поражение в бою при Тегире. Среди спартанских союзников начались волнения. Союзники считали, что Агесилай начал войну с фиванцами из-за личной неприязни, и заявили, кроме

того, что не хотят больше идти на смерть за спартанское господство над Грецией.

Спартамцам пришлось согласиться на мирные переговоры.

Представители всех греческих государств съехались в Спарту. Фиванский делегат знаменитый полководец Эпаминонд выступил на съезде в защиту всех греков от произвола и насилий спартанцев. «Греция,— говорил он,— измучена братоубийственной войной. Она жаждет справедливого мира; должно быть признано равенство всех греческих государств». Все делегаты единодушно поддерживали Эпаминонда.

Тогда Агесилай предложил мир всем грекам, кроме фиванцев. Он считал, что одних фиванцев, без союзников, спартанцы легко разобьют. Большинство греческих государств заключило мир со Спартой.

Спартанские эфоры теперь вновь объявили войну фиванцам. Царь Клеомброт, который находился с армией в Фокиде (в Средней Греции), получил приказание немедленно двинуться в Беотию. Союзники с неохотой, только из страха перед грозным Агесилаем, медленно выступили на помощь спартамцам. С большим войском царь Клеомброт пошел прямо на Фивы, чтобы одним ударом покончить с фиванцами.

В 10 км от Фив при Левктрах произошла знаменитая битва. Во главе фиванцев стоял Эпаминонд — один из самых выдающихся полководцев древности.

Эпаминонд применил здесь впервые новый строй — косой клин: он сосредоточил главную массу войска на левом крыле, ослабив правое крыло и центр; мощная фаланга фиванцев, глубиной в 50 щитов, вооруженная длинными копьями, обрушилась на правое крыло спартанцев. Спартанцы были смяты; затем Эпаминонд прорвал центр неприятелей и охватил их с правого крыла. Спартанская армия была почти полностью уничтожена. На поле битвы пали царь Клеомброт, 1000 спартанцев и множество воинов союзных Спарте государств.

Весть о поражении при Левктрах пришла в Спарту во время праздника. Город был полон иностранцев, слушавших в театре состязания певцов. Эфоры приказали продолжать праздник, как если бы ничего не произошло.

Наутро, когда стали известны имена павших и уцелевших воинов, родственники убитых сошлись на городской

площади, гордо приветствуя друг друга, так как их сыновья, мужья и братья пали за родину. Матери уцелевших воинов ожидали возвращения сыновей, печальным молчанием выражая сочувствие родственникам погибших.

Поражение при Левктрах было сигналом к отпадению союзников от Спарты. Спартанцам теперь приходилось сражаться в одиночестве против многочисленных врагов. Опасались, что Эпаминонд вторгнется в Пелопоннес. Агесилай и эфоры не решились, по обычаю, заклеить позором и лишить гражданских прав всех воинов, оставшихся в живых после поражения; их было слишком много, и эфоры боялись восстания. Тем не менее граждане подвергали возвратившихся оскорблениям и издевательствам; девушки считали позором выходить за них замуж. Агесилай же принял их вновь на военную службу и поскорее удалил из города.

Между тем Эпаминонд во главе сорокатысячного войска вступил в Лаконику и опустошил ее. В течение шести столетий земля спартанцев не видала врагов: никто не осмеливался вторгнуться сюда, хотя столица — Спарта — не имела стен. Спартанцы всегда хвалились тем, что лучшая их защита — доблесть граждан.

Агесилай понимал, что открытая борьба с превосходящими силами врага невозможна. Он укрепил город валами и рвами, на дорогах устроил завалы; наиболее важные высоты заняли отряды гоплитов. Пришлось даровать свободу илотам, которые добровольно вступят в армию. Более 6000 илотов получили свободу и были приняты в войско.

При виде множества врагов, расположившихся лагерем у Спарты на другом берегу Еврота, стариков и женщин охватил страх. Многие стали обвинять Агесилая во всех несчастьях; они говорили, что при вступлении его на престол Спарта находилась на вершине могущества, теперь же родина на краю гибели. Вспоминали гордые слова Агесилая о том, что никогда ни одна спартанка не видела дыма от огней врагов. Передавали, что один афинянин сказал спартанцу: «Мы не раз прогоняли вас от берегов Кефиса!» (река, протекающая через Аттику). «Зато мы, — возразил спартанец, — никогда не прогоняли вас с берегов Еврота!»

Эпаминонд не решился из-за весеннего разлива Еврота перейти на другой берег и напасть на Спарту. Он

отступил и к зиме очистил территорию Лаконики. Спарта была спасена.

Следующей весной война возобновилась. На сторону спартанцев из боязни могущества фиванцев перешли афиняне. Среди союзных с Фивами городов Пелопоннеса начались раздоры, и Эпаминонду пришлось несколько раз совершать походы в Пелопоннес, чтобы силой оружия удержать союзников от отпадения.

В последний раз (362 г. до н. э.) Эпаминонд едва не захватил самой Спарты. Жители аркадского города Мантинеи обратились за помощью к спартанцам. Агесилай выступил с войском на поддержку мантинейцев.

Узнав об этом, Эпаминонд ночью незаметно отступил от города Тегеи в Аркадии, который он осаждал, и быстро двинулся прямо на Спарту, не замеченный Агесилаем. Какой-то критянин дал знать Агесилаю о движении Эпаминонда, и царь поспешно направился к столице. Эпаминонду между тем удалось переправиться через реку Еврот.

Фиванцы бросились на приступ, но тут подоспел Агесилай со своим войском. Врагам удалось, однако, ворваться в город, они дошли даже до городского рынка и заняли на правом берегу Еврота возвышенности, господствующие над городом. Но в других пунктах нападение было отбито разъяренными спартанцами, сражавшимися с мужеством отчаяния; сам царь Агесилай, уже глубокий старец, сражался в первых рядах как лев. Каждая улица, каждый дом в Спарте были превращены в крепость, женщины и дети бросали на головы врагов камни и черепицы с крыш.

Спартанцам удалось продержаться до прибытия подкреплений от союзников, и Эпаминонду пришлось отступить.

В бою за спасение родного города многие спартанцы проявили неустрашимое мужество. Так, один молодой спартанец выбежал из дома голый с копьем и мечом и бросился на врагов. Он пробился через толпу сражавшихся, рубил и сбивал с ног всех попадавшихся ему врагов, пока те не обратились в бегство. После сражения эфоры наградили его за храбрость венком и вместе с тем подвергли штрафу за то, что он сражался без панциря.

Через несколько дней произошло решительное сражение при Мантинее (362 г. до н. э.). Фиванцы победили, но слишком дорогой ценой: великий вождь Эпаминонд

был смертельно ранен копьем. Его отнесли в палатку, и он продолжал следить за ходом боя. Когда сообщили о победе фиванцев, Эпаминонд сказал: «Умирая, я оставляю двоих бессмертных дочерей — Левктру и Мантинею». С этими словами он вырвал из раны обломок копья и скончался.

После сражения при Мантинее фиванцы не смогли из-за больших потерь продолжать войну. Был заключен мир на тяжелых для Спарты условиях: она потеряла почти все владения в Пелопоннесе, кроме Лаконики. Попытки Агесилая сохранить область Мессению окончились неудачей.

После заключения мира Агесилай, участник стольких битв, не мог спокойно сидеть в городе, ожидая смерти. Восьмидесятилетним старцем, но еще полным энергии он отправился во главе наемников в Египет на помощь восставшему против персов правителю Таху.

Через некоторое время Агесилай покинул Таха и перешел на сторону восставшего племянника правителя, Нектанебида. Он оказал помощь Нектанебиду и утвердил его правителем Египта.

Затем Агесилай стал готовиться к возвращению в Спарту. По дороге в Грецию он скончался в гавани Менелая (в Западном Египте), 85 лет от роду (361/60 г. до н. э.).

Царя, по спартанскому обычаю, нужно было хоронить в Спарте. Спутники Агесилая облили его тело воском и привезли в Спарту для погребения. Его потомки еще свыше ста лет царствовали в Спарте.

ПЕЛОПИД

(IV в. до н. э.)

Тяжелое время переживали в начале IV в. до н. э. все города-государства Греции. Пелопоннесская война закончилась разгромом Афин и роспуском Афинского морского союза. Спартанцы уничтожили афинскую демократию и поставили во главе города небольшую кучку аристократов. Но война подорвала не только могущество Афин. Хотя Спарта и вышла победительницей, внутренняя мощь ее была надломлена.

Война обогатила спартанцев. Тогда говорили, что во всей Греции нельзя было найти столько золота и серебра, сколько его было в Спарте. Возникшее имущественное неравенство нарушило прежнее единство полноправных спартанцев.

Некогда каждый спартанец получал участок земли с обрабатывавшими его рабами-илóтами. Эти участки передавались по наследству, и их нельзя было ни купить, ни продать. Получаемые с этих участков продукты давали возможность каждому гражданину содержать семью, приобретать тяжелое вооружение и делать взносы на совместные обеды.

Это равенство имущества приводило к тому, что каждый спартанец был кровно заинтересован в защите спартанских порядков и в усилении мощи государства.

Поэтому спартанская тяжелая пехота не знала себе равных. В сражениях в открытом поле спартанцы всегда побеждали врагов. Во время Пелопоннесской войны знатные спартанцы, проводя долгие годы за пределами родины, привыкли к роскоши. Их уже не удовлетворяла суровая жизнь, предписанная Ликургом, которую вели их предки. И мало-помалу они перестали соблюдать законы против роскоши. Многие знатные спартанцы накопили огромные богатства.

После Пелопоннесской войны в Спарте было разрешено дарить и завещать участки земли кому угодно. Многие бедняки быстро лишились земли и не могли уже приобретать тяжелое вооружение. Спартанская армия ослабела.

В Афинах, где сильна была народная партия, восстановилась демократия, и спартанцы не могли этому воспрепятствовать. Однако в других государствах Греции спартанцы сохраняли господство, опираясь на вооруженную силу и поддержку местной знати.

Неподалеку от Афин находилось Беотийское государство. Оно представляло собой союз мелких городов во главе с главным городом Фивы.

Как и всюду в Греции, в Беотии и в Фивах в то время шла острая борьба между знатными и богатыми гражданами, сочувствовавшими спартам, и бедняками-демократами. На долю фиванских демократов и их вождей — Пелопида и Эпаминонда — выпала честь освобождения не только своей родины, но и всей Греции от спартанского владычества.

Пелопид и Эпаминонд прославили свое отечество удивительными подвигами. Жизнь их была образцом мужества, бескорыстия и беззаветного служения родине. Оба

они были замечательными государственными деятелями и полководцами.

Благодаря победам Пелопида и Эпаминонда их родной город Фивы занял в Греции, правда на короткое время, первенствующее положение.

Преждевременная смерть в бою обоих героев оказалась для фиванцев невозвратимой утратой. После этого Фивы не смогли уже удержать своего первенствующего положения; рознь и братоубийственная война продолжались в Греции, пока македоняне, наконец, не завоевали страну.

Причиной преждевременной гибели Пелопида была его безумная храбрость. Одни друзья Пелопида восхищались его беззаветной отвагой, другие же с самого начала осуждали его за это. Древние мудрецы справедливо считали, что быть храбрым и мало дорожить жизнью — далеко не одно и то же: тот, кто не жалеет своей жизни, не всегда истинно храбр.

История дает этому много примеров. Однажды знаменитый полководец обратил внимание на хилого, тщедушного воина, дравшегося с врагами как лев. После битвы, удивленный болезненным видом воина, он сочувственно спросил: «В чем причина твоей бледности?» Оказалось, что солдат тяжело болен и уже не надеется на выздоровление. По приказу полководца врачи применили все средства и вылечили больного. Но с тех пор, как герой выздоровел, он стал избегать опасности. На упреки командира он отвечал: «Ты сам сделал меня трусом, избавив от болезни, которая заставляла меня не дорожить жизнью». Храбрость не делает чести тому, кто ищет смерти, не дорожа жизнью. Истинно храбр лишь тот, кто, любя жизнь, не рискует ею без необходимости и жертвует ею только для общего блага.

Древние полководцы говорили, что пехота — это руки, конница — ноги, полководец — голова армии. Презирая опасность, полководец рискует не только собой, но и жизнью людей, которые ему доверены. Смерть полководца может погубить все дело, поэтому он не должен подвергать себя опасности, как простой воин. Эта мысль придет в голову всякому, кто прочтет жизнеописание Пелопида.

Пелопид, сын Гиппокла, принадлежал к знатному фиванскому роду. В детстве он не знал ни в чем недостатка. Молодым человеком он унаследовал большое состояние,

которое было увеличено выгодной женитьбой. Тем не менее он не гордился богатством, жил очень скромно, в пище был умерен и тратил свои средства на помощь нуждающимся. Все свое время он посвящал общественным делам.

Друзья как-то раз сказали Пелопиду: «Ты не понимаешь, что самое главное в жизни — деньги». «Да,— отвечал он,— они необходимы... вот этому человеку»,— и при этом указал на хромого слепца.

Его ближайшим другом был знаменитый впоследствии полководец Эпаминонд. Оба они были одинаково щедро одарены талантами. Пелопид больше любил гимнастику, а Эпаминонд — ученые занятия. Один проводил свободное время в гимнасиях и на охоте, другой — в беседах с философами.

Их тесная дружба началась со времени Пелопоннесской войны. Фиванцы боролись тогда против аркадцев и афинян. Во время сражения отряд, в котором Пелопид и Эпаминонд были гоплитами, обратился в бегство, только двое друзей оставались на месте и продолжали мужественно сопротивляться.

Врагов было много. Покрытый множеством ран, Пелопид упал. Эпаминонд считал его убитым, но все-таки продолжал драться за его тело. Сам раненый в грудь и в руку, он один сражался со многими, предпочитая умереть, чем оставить тело друга на поругание врагам. Надежда на спасение была уже потеряна, как вдруг спартанский царь явился на помощь и спас обоих друзей.

С этого времени они стали неразлучными и хранили верность друг другу в течение всей своей бурной и богатой событиями жизни. Не раз им приходилось совместно участвовать в походах, командовать войском и стоять во главе государства. Никогда у них не возникало зависти друг к другу или чувства соперничества. Мы уже знаем, как враждовали, завидуя друг другу, Аристид и Фемистокл, Кимон и Перикл, Никий и Алкивиад¹. Тем более удивительна дружба Пелопида и Эпаминонда. Причина их взаимной любви заключалась в том, что не для себя они искали славы и богатства, а для родины. Вот почему успехи другого каждый считал также и своими.

В это время известные богачи-аристократы Архий, Леонтид и Филипп задумали с помощью спартанцев

¹ См. выше рассказы об их жизни.

произвести в Фивах государственный переворот. Они сговорились со спартанским полководцем Фебидом (находившимся с сильным отрядом недалеко от Фив). Тот согласился помочь аристократам.

Во время праздника в честь богини Деметры¹ Фебид решил напасть на фиванскую крепость Кадмею. Крепость эта находилась на окраине города, и к ней легко было подойти незаметно.

Фиванцы ничего не подозревали; они думали, что Фебид со своим отрядом ушел уже далеко. В полдень, когда жара заставила всех покинуть улицы, изменник Леонтид незаметно провел Фебида к Кадмее, где в этот момент находились одни только женщины.

Когда Фебид захватил фиванскую твердыню Кадмею, то весь город оказался в его власти. Вождя демократов увезли в Спарту и там казнили. Пелопид и некоторые другие успели бежать в Афины. Эпаминонд остался в городе: ему не угрожала опасность, так как его считали человеком мирным и далеким от общественной жизни.

Спартанцы для вида наложили штраф на Фебида и отстранили его от командования; в действительности же эфоры и цари вполне одобряли захват Фив. Богачи-аристократы во главе с Архием и Леонтидом под защитой спартанского гарнизона стали теперь полными хозяевами Фив.

Власть Архия и его сторонников казалась прочной: ведь их невозможно было свергнуть, пока спартанцы господствуют на суше и на море. Изгнанники-демократы даже в Афинах не могли чувствовать себя в безопасности: и туда аристократы подсылали наемных убийц, которые закололи одного из них. В любой момент можно было ожидать, что афиняне в страхе перед всемогущими спартанцами лишат изгнанников убежища и отдадут их в руки врагов.

Многие пали духом, но Пелопид, хотя и младший по возрасту, ободрял всех и призывал действовать совместно. «Стыдно,— говорил он,— видеть родину поработенной! Неужели мы будем радоваться тому, что нам удалось спасти нашу жалкую жизнь? Нам приходится постоянно льстить и гнуть спину перед всяким, кто пользуется влиянием в афинском народном собрании. Возьмем лучше пример с афинских изгнанников. Даже после поражения афи-

¹ Деметра — богиня земли, покровительница земледелия.

няне сумели восстановить демократию в родной стране. Несмотря на могущество Спарты, они свергли власть знати. И мы сумеем уничтожить господство аристократов у нас дома».

Слова Пелопида пробудили угасшее мужество беглецов. Фиванские изгнанники сообщили своим соратникам на родине о решении продолжать борьбу.

Демократов, оставшихся в Фивах, это известие обрадовало. Один из них, Харон, занимавший в городе почетное положение, обещал предоставить изгнанникам убежище в своем доме. Другой — Филлид — сумел войти в доверие к фиванским правителям и сделаться их доверенным лицом.

Эпаминонд уже давно побуждал молодежь к свержению иноземного господства. В гимнасиях, когда молодым фиванцам случалось побеждать спартанцев, Эпаминонд упрекал их, говоря, что только трусость заставляла их оставаться рабами тех, кого они превосходили силой и ловкостью.

Изгнанники между тем составили план заговора и назначили день для его выполнения. Большая часть заговорщиков осталась на границе Фиванской области, и только двенадцать человек под предводительством Пелопида перешли границу и пошли по дороге на Фивы. Они были одеты в короткие плащи, шли с собаками и сетями; прохожие думали, что это охотники.

По пути Пелопид и его друзья разделились и через разные ворота еще засветло вошли в город. Начиналась сильная буря. Из-за холода и непогоды жители сидели по домам, и улицы были пусты. Никем не замеченные, заговорщики добрались до дома Харона, где их уже ожидали друзья. Всего собралось вместе с изгнанниками 48 человек.

Между тем Филлид устроил в этот день для аристократов-правителей Фив пиршество в своем доме. Он постарался напоить гостей допьяна, чтобы предать их беззащитными в руки заговорщиков.

Гости были уже почти пьяны, как вдруг разнесся слух, что изгнанники вернулись и находятся в городе. Полупьяный Архий решил вызвать и расспросить Харона, так как считал, что этот пользующийся всеобщим доверием человек лучше всех знает, что происходит в городе.

В это время в доме Харона заговорщики готовились к нападению, надевали панцири и опоясывались мечами.

Вдруг раздался стук в дверь. Это пришел слуга с приказанием Харону явиться к Архию. Все подумали, что заговор открыт и дело погибло. Все-таки решили, что Харону нужно пойти попытаться отвлечь подозрение.

Харон был человеком мужественным и не терял присутствия духа в опасности. Он только боялся, что, если заговор раскроют, друзья заподозрят его в предательстве.

Приведя из женской половины дома своего любимого сына, сильного и красивого мальчика, он попросил друзей не щадить ребенка, если он, Харон, выдаст заговорщиков. Мысль о том, что его сын остался заложником, думал он, сделает его более стойким, когда враги станут у него пытывать имена участников заговора. Видя благородство Харона, заговорщики просили не оставлять им сына и не подвергать ребенка опасности, лучше пусть он укроет сына в надежном месте, чтобы тот вырос мстителем за родину и отца. «Нет,— сказал Харон,— я не возьму сына. Нет ничего лучше для него, чем честная смерть вместе с отцом и друзьями». С этими словами он обнял друзей, умоляя их не терять мужества, и ушел. Подходя к дому Архия, он собрал все силы, чтобы ни голосом, ни выражением лица не выдать себя.

Архий и Филлид вышли к нему навстречу. «Я слышал, Харон,— сказал Архий,— что в городе скрываются изгнанники и некоторые граждане сочувствуют им». «Где же скрываются эти беглецы?» — спросил Харон. Из ответа он понял, что заговор еще не раскрыт, и, ободрившись, сказал: «Не беспокойтесь! Я узнаю, в чем дело: этот слух надо проверить».

Стоявший рядом Филлид увел Архия, напомнив, что пирующие ждут его.

Возвратившись домой, Харон застал друзей в отчаянии: они думали, что все погибло, и приготовились умереть.

Одна опасность прошла, но внезапно возникла новая, на этот раз более серьезная. Из Афин прибыл к Архию посланец с письмом от знакомого. В этом письме содержались уже не подозрения, а точные сведения о заговоре и о всех его участниках.

Посланца привели к Архию, когда тот был уже совершенно пьян и едва соображал. Подав Архию письмо, посланный сказал: «Тебя просят прочесть его немедленно, это очень важно». — «Важно? Тогда до завтра!» — сказал

Архий и отложил письмо в сторону. Эти слова Архия погубили его.

Наступило время действовать. Заговорщики разделились на две группы. Одни во главе с Хароном пошли к Архию в дом, где происходило пиршество. Поверх панцирей они надели женские платья; на голове у них были большие еловые и сосновые венки, скрывавшие лица. Как только они вошли в зал, пьяные гости встретили их рукоплесканиями: они приняли их за женщин-танцовщиц, которые развлекали гостей на пирах.

Заговорщики выхватили мечи и бросились через столы на Архия и его товарищей. Филлид уговорил гостей не трогаться с места, и многие повиновались. Остальные пытались защищаться, но после короткой борьбы были перебиты.

Пелопиду и нескольким его товарищам выпала более трудная задача устранить остальных двух правителей Леонтида и Гипата, которых не было на пире. Когда они подошли к дому Леонтида, то все уже спали и двери дома были заперты. Пришлось долго стучаться. Наконец, на стук появился полусонный раб и снял дверной засов. Едва он успел отворить дверь, как заговорщики толпой ворвались в дом, сбили раба с ног и быстро вбежали в спальню. По шуму и беготне Леонтид понял о грозившей ему опасности, быстро вскочил с постели и выхватил меч. Впопыхах он забыл потушить свет, и его спальня была ярко освещена. Это и погубило его. Первого заговорщика он еще успел ударить мечом и убил, но схватка с Пелопидом оказалась для него роковой. Хотя узкие двери и лежавшее на дороге тело убитого затрудняли борьбу, но ярость придавала силу Пелопиду, и ему удалось справиться с более сильным противником.

Потом заговорщики отправились в дом Гипата. Гипат, услышав шум схватки, бежал к соседям, но по дороге был схвачен и убит.

План заговора, таким образом, был выполнен. Пелопид тотчас же направил гонца в Афины к оставшимся там изгнанникам. Затем заговорщики захватили склады оружия. К восставшим присоединились Эпаминонд и часть молодежи, которая считала его своим вождем и учителем.

Город между тем находился в смятении: никто не понимал, что происходит: на улицах был страшный шум

и беготня с факелами. Во всех домах горели огни, но жители боялись выходить из домов до рассвета.

Спартанский гарнизон, занимавший Кадмею, состоял из полутора тысяч человек. Кроме того, к спартамцам бежали многие из аристократов. С такими силами, конечно, легко можно было уничтожить кучку заговорщиков, но крики, множество огней, собиравшиеся всюду толпы народа привели спартанских начальников в замешательство. Вместо того чтобы действовать решительно, они отправили в Спарту гонцов за подкреплениями.

На рассвете в Фивы явились вооруженные изгнанники, ожидавшие у границы. Собралось народное собрание. Пелопида вместе с Хароном выбрали на должность беотархов (высшие должностные лица в Фивах).

Пелопид спешно собрал войско и тотчас осадил Кадмею. Нужно было как можно скорее изгнать оттуда спартанцев, пока из Спарты не подошло подкрепление. Когда фиванцы начали штурм крепости, спартанские военачальники попросили перемирия и обещали вывести войско из Фив.

Продержись гарнизон Кадмеи еще лишний день, освободить Фивы так бы и не удалось, потому что не успел еще отступивший отряд дойти до Мегар, как он встретил сильную спартанскую армию царя Клеомброта, который спешил на помощь в Фивы. Но было уже поздно, власть спартанцев в Фивах уже невозможно было восстановить.

Двоих спартанских начальников отступившего гарнизона предали суду и казнили, а на третьего наложили большой штраф. Афинское народное собрание в страхе перед спартамцами отказалось от союза с Фивами.казалось, теперь дело фиванцев потеряно: им неоткуда ждать помощи, они остались один на один со страшным противником.

Но в это время произошло событие, которое заставило афинян выступить против Спарты.

Сфодрий — начальник спартанского гарнизона одного из городов Беотии — со своим отрядом сделал неудачную попытку захватить афинскую гавань Пирей. Он дошел до Элевсина, но должен был бесславно отступить. Говорили, что Пелопид, желая вызвать войну между Афинами и Спартой, и побудил Сфодрия совершить это нападение. Однако скорее всего Сфодрий действовал по приказу-

нию спартанского царя Агесилая (см. выше биографию Агесилая).

Возмущенные вероломными действиями спартанцев, афиняне объявили им войну и заключили союз с Фивами. Главная роль в этой войне выпала на долю фиванцев. Фиванцы сражались за свободу родины с величайшим воодушевлением и одержали много побед над спартанцами, не знавшими до тех пор поражений на суше.

Пелопид и его друг Эпаминонд были выдающимися полководцами. Эпаминонд произвел в Фивах знаменитую военную реформу.

Фиванцы открыли самое главное правило тактики¹, которое вплоть до наших дней решает почти все сражения: чтобы нанести на решающем участке главный удар, надо сосредоточить на этом участке большую часть сил, а не распределять их равномерно по всему фронту.

Впервые Пелопид разбил спартанцев при Тегире в «правильной» битве. Эта победа была как бы введением к победе Эпаминонда при Левктрах.

Пелопид решил напасть на беотийский город Орхомен и подошел к нему во главе «священного» отряда (отборный отряд фиванцев из 300 человек) и небольшого числа конницы. Близ города он заметил в походе спартанское войско, поэтому он отвел свой отряд несколько назад. Но тут он встретил другое спартанское войско, которое возвращалось с противоположной стороны.

Когда спартанцы показались из ущелья, один из воинов подбежал к Пелопиду и вскричал: «Мы попались в руки врага!» «Почему же мы, а не он?» — спросил Пелопид и немедленно велел коннице начать атаку. Сам же он собрал тяжеловооруженных пехотинцев «священного» отряда и ударил на врага. Спартанцы были смяты мощным натиском тяжелой пехоты Пелопида, их начальники пали. Пелопид не преследовал их; он ударил вторично против другого крыла, которое стояло еще в боевом порядке. После этого все войско спартанцев обратилось в беспорядочное бегство. Фиванцы одержали полную победу над вдвое превосходящим врагом. Никогда еще спартанцы не были разбиты врагом, уступающим им в численности. Они в течение столетий гордились своей

¹ *Тактика* — искусство располагать войска и руководить ими на поле боя.

непобедимостью. Одно имя спартанцев наводило ужас на врагов.

На море спартанцев также преследовали неудачи: они были дважды разбиты афинянами. Тогда спартанцы решили заключить мир с афинянами и всеми другими греками, кроме фиванцев, а затем уничтожить и их. Фиванцев они считали главными врагами.

Царь Клеомброт во главе сильной армии вступил в Беотию. Грозная опасность нависла над Фивами: неумолимый враг угрожал стереть город с лица земли, а жителей продать в рабство. Фиванцев охватил ужас.

Пелопид немедленно отправился в лагерь под городом Левктры, где находилось фиванское войско. Провожая Пелопида, жена со слезами просила его беречь себя. «Такой совет, моя дорогая,— сказал Пелопид,— нужно давать простым воинам: полководец же должен беречь других!»

Собрался военный совет фиванского войска. Эпаминонд высказался за то, чтобы немедленно дать сражение, и в этом его поддержал Пелопид. Другие полководцы колебались: слишком велик был страх перед спартанцами; все же было принято решение напасть на врага.

Главнокомандующим фиванской армией был Эпаминонд; Пелопид же стоял во главе отборного «священного отряда», который сражался отдельно и представлял большую ударную силу.

Эпаминонд составил план сражения. Обычно греки ставили сильных бойцов на правом крыле, а слабых на левом, так что побеждало правое крыло, и затем оба войска нападали друг на друга с фланга. Эпаминонд поступил наоборот: он сосредоточил большую ударную массу тяжелой пехоты глубиной в пятьдесят рядов против правого (сильного) крыла спартанцев. Фиванская ударная фаланга была вооружена длинными копьями и представляла собой косой клин.

Спартанцы заметили такое построение противника и начали перестраивать свои ряды. Царь Клеомброт удлинил свое правое крыло и решил окружить Эпаминонда.

В этот момент выступил со «священным» отрядом Пелопид и предупредил маневр Клеомброта. Царь не успел ни растянуть своего крыла для обхода, ни сомкнуть рядов по-прежнему. Стремительный натиск «священного» отряда смял редкие ряды спартанцев. Неприятель не успел еще

оправиться, как Эпаминонд со всеми силами ударил на него. Все правое крыло спартанцев было уничтожено на месте.

Затем Эпаминонд обрушился на центр и левое крыло неприятеля и превосходящими силами уничтожил его. До 1000 спартанцев и множество союзников осталось на поле битвы, среди них доблестно сражавшийся царь Клеомброт. Остатки спартанского войска обратились в бегство. Пелопид разделил с Эпаминондом славу победы (371 г. до н. э.).

Победой при Левктрах фиванцы не только спасли свою родину от порабощения, но и уничтожили спартанское владычество в Греции. Большая часть пелопоннесских союзников спартанцев отпала от них и присоединилась к фиванцам.

Была зима, и кончался срок пребывания Эпаминонда и других начальников в должности. Фиванский закон угрожал смертью начальнику (беотарху), если он не сдаст должность по окончании срока. Все беотархи, боясь ответственности, поспешно отвели свои войска домой. Эпаминонд же, по совету Пелопида, решил, что нельзя терять времени на возвращение в Беотию.

Во главе большого войска он на следующий год вместе с Пелопидом вступил в спартанскую область Лаконику, опустошил ее и угрожал самой Спарте.

Этот поход Эпаминонда отнял у спартанцев господство над Аркадией и Мессенией и низвел Спарту до положения незначительного государства Греции.

По возвращении Пелопида и Эпаминонда в Фивы после блестящего похода большинство граждан встретило их с восторгом. Однако нашлись недоброжелатели, которые привлекли обоих героев к суду за то, что те не сдавали командования по истечении целых четырех месяцев после законного срока. Оба героя, однако, были оправданы. Эпаминонд встретил обвинение спокойно, но Пелопид, как более пылкий, возмущался низостью своих врагов.

Эпаминонду вскоре вновь пришлось отправиться в поход на Пелопоннес. Но тут в сражении под стенами Коринфа беотийцы потерпели неудачу из-за помощи, которую оказали афиняне спартанцам. Эта неудача Эпаминонда послужила поводом для новых нападков на него и Пелопида со стороны врагов. Противникам даже удалось

привлечь Эпаминонда к суду и временно отстранить его от должности беотарха. Однако уже на следующий год Эпаминонд снова возглавил поход в Пелопоннес.

На севере Греции, в Фессалии в это время образовалось сильное государство под главенством правителя города Фер Александра. Некоторые фессалийские города не захотели подчиниться тирану и обратились за помощью к фиванцам. Тогда Пелопид выступил в поход против Александра, который стремился установить свое господство над всей Грецией.

Пелопид захватил фессалийский город Ларису и заставил Александра явиться к нему с покорностью. Затем он уладил в Македонии споры из-за престола и взял заложником Филиппа, молодого брата царя (Филипп впоследствии подчинил Грецию македонскому владычеству).

На обратном пути из Македонии в Фивы Александр изменнически неожиданно напал на Пелопида, захватил его в плен и отвез в Феры.

Известие о пленении Пелопида было встречено в Фивах с возмущением. Тотчас же было отправлено в Фессалию войско для его освобождения.

Пелопид и в плену держал себя гордо и независимо. Он открыто порицал действия тирана и заявил, что не желает пощады и отомстит, если получит свободу.

«Почему Пелопид хочет скорее умереть?» — спросил тиран, когда ему передали слова Пелопида. «Потому, — отвечали ему, — что ты скорее погибнешь сам, если казнишь Пелопида, так как фиванцы отомстят тебе за его смерть».

Между тем фиванское войско вступило в Фессалию, но ему не удалось освободить Пелопида. Тогда было послано из Фив новое войско во главе с Эпаминондом.

Когда стало известно, что прибыл знаменитый полководец, военачальники Александра испугались одного его имени. Достаточно было малейшего удара, и все дело тирана было бы проиграно.

Однако Эпаминонд решил прежде всего спасти Пелопида. Он боялся, что в отчаянии тиран покончит с пленником. Поэтому пришлось сначала добиваться освобождения Пелопида.

Александр отправил к Эпаминонду послов с мирными предложениями. Но тот заключил лишь перемирие и потребовал освобождения пленного друга. Так Пелопид был

освобожден из плена и, вернувшись в Фивы, был встречен как герой.

Спустя некоторое время фиванцы узнали, что спартанцы и афиняне направляют к персидскому царю послов с просьбой о помощи против Фив. Тогда они со своей стороны отправили в Персию посольство во главе с Пелопидом.

Слава о подвигах Пелопида и его друга Эпаминонда распространилась по всему Персидскому царству. Когда Пелопид прибыл к персидскому царю, то царские сатрапы смотрели на него с изумлением и говорили: «Вот человек, уничтоживший спартанское владычество в Греции. Это он превратил Спарту в ничтожное пелопоннесское государство, Спарту, которая недавно еще угрожала Персии».

Посольство свое Пелопид выполнил блестяще: персидский царь оказал фиванскому послу почетный прием, осыпал его подарками и согласился на все требования фиванцев.

Пелопид, однако, не принял царских подарков, считая недостойным свободного человека принимать милости царя. По возвращении он снова отправился с войском в Фессалию.

Пелопид не мог простить ферскому тирану его вероломства и решил отомстить за нанесенные оскорбления. Кроме того, он хотел доказать всем грекам, что только фиванцы всегда ведут в Греции войны с тиранами и царями.

В Фессалии к Пелопиду присоединилось большое войско союзников, с которым он двинулся против Александра.

Произошла битва. Пелопид разбил и преследовал вражескую конницу. Александру, однако, удалось потеснить фиванских союзников. Пелопид, как обычно, не щадил своей жизни, он встал в первые ряды своих воинов и так воодушевил их, что они начали одолевать врага. Заметив с высоты, что Александр также ободряет своих наемников, готовых обратиться в бегство, Пелопид выбежал далеко за линию строя и стал вызывать Александра на поединок. Тиран, однако, укрылся в толпе своих телохранителей. С немногими воинами Пелопид в ярости бросился на толпу наемников; ожесточенно сражаясь, он многих из них перебил. Враги, боясь подойти к герою, издали метали в него копья. Пелопид был смертельно ранен. Когда союзники — фессалийцы — подбежали на помощь,

он лежал уже бездыханным. Так погиб геройской смертью на поле боя Пелопид.

Фиванская конница вернулась и атаковала всю линию вражеской пехоты, разбила ее и долго преследовала. Враг потерпел полное поражение и потерял около 3000 человек.

Фиванцы и их союзники были глубоко опечалены смертью героя. Узнав о его гибели, воины в знак печали не снимали своего вооружения, не разнуздывали лошадей, не перевязывали даже своих ран. Они обрезают, по обычаю, гривы лошадей и коротко остригли свои волосы; многие не разводили огня и отказывались от пищи. Вокруг тела Пелопида были сложены груды неприятельского вооружения.

В день похорон наиболее уважаемые фессалийские граждане в торжественной процессии несли захваченную добычу, венки и золотое оружие героя.

Один из фессалийцев, обратившись к собравшимся, сказал: «Вы, фиванцы, потеряли только великого полководца, а мы с его смертью лишились и свободы».

Вскоре после смерти Пелопида пал в битве при Мантинее и его великий друг Эпаминонд.

Смерть Эпаминонда так поразила фиванцев, что они не сумели воспользоваться одержанной победой. Теперь фиванцы остались без вождей. После кратковременного блестящего расцвета им пришлось уступить свое первенствующее положение в Греции.

Однако не только потеря талантливых вождей была причиной упадка Фиванского государства. Фивы были слишком малым государством, которое лежало в стороне от торговых путей, было лишено природных богатств. После истощения средств и военной силы Фивам оказалась уже не по плечу великая задача объединения Греции.

ДЕМОСФЕН

(384—322 гг. до н. э.)

Афинский государственный деятель и великий оратор древности Демосфен всю свою жизнь посвятил родине и умер в борьбе за ее свободу. Он родился в Афинах в 384 г. до н. э. Отец его (которого звали также Демосфеном) был состоятельным человеком, имел оружейную мастерскую.

Когда мальчику было семь лет, умер отец, оставив в наследство будущему оратору и его пятилетней сестре крупное состояние.

Воспитание ребенка было поручено матери и опекунам; опекуны (его дяди по матери), однако, оказались людьми недобросовестными. Они не платили жалованья учителям, не заботились об образовании детей и воспитании. Мальчик рос слабым, физически недоразвитым.

Когда Демосфен достиг совершеннолетия, опекуны отдали ему лишь дом с рабами, а большую часть денег и имущества присвоили себе. Молодой человек пытался сначала уговорить опекунов добровольно вернуть наследство, но те отказались. Тогда он решил судом добиваться возврата похищенных денег. Чтобы успешно вести дело в суде, нужно было основательное знакомство с афинскими законами, а самое главное — умение хорошо и убедительно говорить.

В то время при демократическом строе в Афинах почти каждому гражданину приходилось выступать в суде и в народном собрании. Выдающиеся ораторы пользовались всеобщим уважением: их выбирали на почетные должности в государстве и отправляли послами в чужие страны. В Афинах появилось много людей, которые учили красноречию: как побеждать в спорах, как сделать слабый довод более сильным.

Самыми выдающимися учителями красноречия тогда были Исократ и Исей. Исократ содержал на дому школу красноречия, но Демосфен не мог посещать занятий, так как плата за обучение была слишком высокой. Тогда он обратился к Исею, в то время лучшему адвокату по делам о наследствах.

Четыре года молодой человек прилежно учился у Исея и заплатил ему за обучение большую сумму денег. За это время он хорошо познакомился с произведениями всех выдающихся писателей; особенно внимательно изучал он сочинения знаменитого историка Фукидида¹ и философа Платона¹. «Историю» Фукидида будущий оратор знал почти наизусть, так как переписал ее собственноручно восемь раз.

Окончив учение, Демосфен начал судиться с опекунами. Суд тянулся целых пять лет. Опекуны всячески старались избежать ответственности; так, они уничтожили даже самое завещание отца Демосфена и другие важные документы. В конце концов опекуны были осуждены, однако молодому человеку не удалось целиком вернуть своего наследства.

¹ Фукидид — афинский историк и государственный деятель V в. до н. э., написал историю Пелопоннесской войны, участником которой он был. Платон (конец V—IV в. до н. э.) — знаменитый философ, ученик Сократа; писал сочинения в форме разговоров (диалогов).

Тяжелая многолетняя борьба с опекунами закалила характер будущего оратора, развила в нем упорство и настойчивость.

Выступать перед народом Демосфен мечтал еще мальчиком. Как-то раз еще в ранней юности Демосфен упросил своего воспитателя взять его на заседание суда послушать речь знаменитого оратора. Мальчик видел, как толпа народа провожала рукоплесканиями оратора, и удивлялся силе красноречия, которая покорила всех. С тех пор он бросил все другие занятия и игры со своими сверстниками и стал усиленно упражняться в красноречии. Он твердо решил сделаться оратором.

Но, прежде чем выступать перед народом, Демосфену пришлось, по примеру своего учителя, писать судебные речи для других. Такое занятие оплачивалось в Афинах довольно хорошо, и молодому человеку удалось не только прокормить свою мать и сестру, но и сделать некоторые сбережения.

Однако составление речей не могло удовлетворить Демосфена: он был пламенным патриотом и мечтал посвятить свои силы общественной деятельности.

Первое выступление молодого оратора перед народом кончилось печально: шум, смех и шиканье толпы не дали ему закончить речи. Эта неудача была совершенно естественна, так как Демосфен имел очень слабый голос, говорил невнятно, слегка заикался, картавил (не произносил звука «р»), у него была дурная привычка подергивать плечом, и, кроме того, он совершенно не умел держаться перед публикой.

Вторая его попытка выступить с речью перед народным собранием также оказалась неудачной. Упав духом, закрыв лицо, спешил он домой и сначала даже не заметил, что следом за ним шел один из друзей, известный афинский актер. Они пошли вместе. Демосфен начал горько жаловаться другу на свои неудачи и говорил, что народ не ценит и не понимает глубокого содержания его речей. «Все это так,—отвечал актер,—но я попробую помочь твоему горю. Прочти мне какой-нибудь отрывок из Софóкла или Еврипíда»¹. Демосфен прочел. Когда он окончил, актер повторил то же самое, но с такой

¹ Софóкл и Еврипíд — знаменитые поэты, писавшие для театра.

выразительностью, что Демосфену показалось, будто он слышит совсем другие стихи. Он понял теперь, как много красоты придает речи выразительность, которой ему не хватало, и с удвоенным усердием принялся за работу.

Итак, Демосфен решил во что бы то ни стало исправить все недостатки своей речи. Чтобы никто ему не мешал, он уединился; обрил затем себе полголовы, чтобы не выходить из дома, пока волосы не отрастут. В день по несколько часов подряд он занимался упражнениями, чтобы исправить неясность произношения. Он набирал в рот камешки и старался говорить громко и ясно; чтобы научиться произносить звук «р», он брал щенка, слушал его рычание и повторял звуки. Он приучил себя громко произносить стихи, когда поднимался на гору или гулял по берегу моря, причем старался заглушить своим голосом шум волн. Иногда молодой человек не выходил по два, по три месяца, пока, наконец, совершенно не овладел голосом и жестами.

После долгих и упорных усилий Демосфен достиг своей цели и стал выдающимся оратором. Однако он никогда не говорил без подготовки, но всегда выучивал наизусть заранее написанную речь; по ночам при свете лампы он старательно готовился к выступлению, тщательно обдумывая каждое слово. Все это дало впоследствии повод противникам великого оратора упрекать его в отсутствии вдохновения и природных способностей. (Как-то раз один из недругов даже бросил ему упрек: «Твои речи пахнут маслом», то есть «Ты сидишь над ними целыми ночами при свете масляного светильника»).

Но даже враги, наконец, вынуждены были признать силу и мастерство его красноречия. В его речах необыкновенная простота выражения соединялась с величайшей силой чувства и мысли, ясностью и убедительностью. Демосфен всегда строго держался предмета своей речи, не любил пустой болтовни; он то говорил спокойно, действуя на разум слушателей, то покорял их силой чувства, передавая им свою горячую веру в правоту защищаемого дела.

Когда Демосфену исполнилось 30 лет, он начал принимать участие в государственных делах и всю силу своего ораторского дарования обратил против самого опасного врага всех греков — македонского царя Филиппа. Беззаветная любовь к родине вдохновляла великого ора-

тора на борьбу против македонян и их пособников в Афинах и во всей Греции.

Еще недавно Македония была слабым и отсталым государством, с которым греки мало считались. Царь Филипп (359—336 гг. до н. э.) объединил страну и организовал большую прекрасно вооруженную армию. В руках такого даровитого полководца, как Филипп, она стала грозной силой.

Международное положение Греции в это время было весьма благоприятным для выступления Македонии: греки вели между собой постоянные войны, афиняне воевали с союзниками, фиванцы — с фокейцами, а спартанцы — с государствами Пелопоннеса.

Царь Филипп ловко пользовался внутренними раздорами среди греков: он всюду имел своих сторонников и агентов в рядах противников. В случае необходимости царь не брезговал и подкупом. «Осел, нагруженный золотом, возьмет любую крепость», — говорил Филипп, неуклонно стремясь к своей цели — завоевать всю Грецию.

Сначала Филипп подчинил Фессалию и укрепился в Северной Греции. Но это было только начало. Через некоторое время македонянам удалось захватить все афинские владения во Фракии, и они готовились к вторжению в Среднюю Грецию.

Такие быстрые успехи Филиппа облегчались еще и тем, что вся Греция была разделена на два лагеря ожесточенной борьбой между богатыми и бедными. Бедняки всюду открыто требовали раздела земли и имущества богачей. Богатые рабовладельцы смотрели на Филиппа и македонян как на своих спасителей от выступлений бедноты. Они предпочитали лучше подчиниться Македонии, чем отдать свои богатства народу. При македонском владычестве можно будет, думали они, спокойно владеть своим имуществом и рабами и не опасаться народных восстаний. Только простой народ и бедняки готовы были защищать родину и свободу от македонских захватчиков.

Демосфен сразу же понял, какую опасность для Афин и Греции представляют Македония и ее царь, и возглавил партию патриотов, противников Филиппа.

В Афинах в это время власть была в руках сторонников Македонии. Во главе македонской партии стояли Евбул и известный оратор Эсхин.

Евбул был за мир «во что бы то ни стало, любой ценой» и нарочно закрывал глаза на опасность, грозившую со стороны македонского царя. Он желал успокоить народные массы путем раздачи народу доходов государственной казны (так называемые «зрелищные деньги»).

Демосфен стал бороться против такого порядка и призывал народ поступиться личными выгодами сегодняшнего дня для счастья и спасения родины. «Богатые, — говорил он, — бросают народу подачки за счет государства, а сами уклоняются от государственных повинностей». Оратору удалось убедить народ обратить «зрелищные деньги» на борьбу с Македонией. Это был значительный успех Демосфена и его сторонников-патриотов.

Демосфен постоянно выступал теперь в народном собрании с пламенными речами, стараясь пробудить в афинянах патриотические чувства. Его знаменитые речи против царя Филиппа назывались «филиппиками» (и теперь еще у нас называют горячую, страстную речь «филиппикой»).

После захвата Фракии Филипп стал угрожать Олинфу, самому крупному городу на Халкидике¹.

В Афины прибыли послы олинфян с просьбой о помощи. Демосфен горячо поддержал олинфян: он произнес в их пользу три речи в народном собрании. Однако помощь афинян запоздала. Царь Филипп захватил город, а жителей продал в рабство.

Затем Филипп предложил афинянам мир. Афинские послы — Филократ и Эсхин — во время мирных переговоров были подкуплены царем: несмотря на противодействие Демосфена, они заключили мир на невыгодных для Афин условиях. Вскоре после этого, не обращая внимания на заключенный мир, Филипп разгромил фокейцев — союзников афинян.

Тогда, наконец, афиняне стали готовиться к решительному отпору Филиппу. Демосфен был выбран первым стратегом и стал во главе государства. Бывшего посла Филократа обвинили в подкупе и измене. Филократ был заочно осужден на смертную казнь.

Затем Демосфен выступил против другого посла — Эсхина, обвиняя его в измене и подкупе. Эсхин искусно за-

¹ Халкидика — полуостров северного побережья Эгейского моря.

щищался и был оправдан незначительным большинством голосов.

Это было время наибольших успехов и славы великого оратора. Ему удалось укрепить флот — главную силу афинян.

Однако афиняне одни не могли справиться с грозным врагом, и поэтому Демосфен стал хлопотать об общегреческом союзе против Македонии. Во главе посольства он объехал ряд греческих государств, везде произнося страстные речи и побуждая греков к объединению. «Сила македонян, — говорил он, — в слабости и разрозненности греков; если все греки будут едины, то Филипп не осмелится напасть на нас». Население греческих городов с восторгом принимало великого оратора, и вскоре Коринф, Мегары и другие города Пелопоннеса вступили в союз с афинянами.

Филипп между тем пристально наблюдал за действиями афинян. Пока велись эти переговоры об объединении, пришла грозная весть: войско Филиппа находится в Средней Греции, царь занял уже у границы Беотии крепость Элатею — важный пункт пересечения дорог в Фивы и в Аттику. Наступил решительный момент борьбы. Много зависело теперь от того, на чью сторону станут Фивы — одно из сильнейших государств в Средней Греции.

Тогда Демосфен во главе афинского посольства прибыл в Фивы с предложением союза против Филиппа. Но там уже находились македонские послы (царь опередил его), которые, не скупясь на обещания, всячески отговаривали фиванцев от союза с афинянами. Однако Демосфен добился блестящего успеха. Его вдохновенные речи, в которых он призывал к мужеству и напоминал о славе и чести Греции, решили дело: фиванцы вступили в союз с афинянами против общего врага. Обе стороны стали готовиться к последней схватке.

Летом 338 г. до н. э. произошло роковое сражение при Херонее.

Армия Филиппа состояла из 30 тысяч пехоты и 2 тысяч всадников. Численность войска союзников — афинян и фиванцев — была несколько меньшей.

На рассвете оба войска выстроились в боевом порядке. Правым крылом македонского войска командовал сам Филипп, левым — его восемнадцатилетний сын Александр, будущий великий полководец; в центре стоял опытный военачальник Антипáтр.

Началось яростное сражение. Долгое время военное счастье не склонялось ни в ту, ни в другую сторону. Первым решающего успеха добился Александр: его воины нанесли сокрушительный удар «священному отряду» фиванцев.

Наоборот, на правом крыле афиняне прорвали ряды македонцев и потеснили их. «За мной! — вскричал афинский стратег, — победа наша!»

Упоенные успехом, наступающие афиняне, однако, расстроили свои ряды. «Неприятель не умеет побеждать!» — сказал Филипп, который наблюдал с высоты за ходом боя. Он быстро перестроил свою фалангу и ударил на афинян. Афиняне дрогнули, и все греческое войско стало отступать.

Македоняне одержали решительную победу, несмотря на отчаянное сопротивление афинских гоплитов и неустрашимую храбрость фиванской фаланги («священного отряда» из 300 человек, которые все погибли).

В этой битве афиняне потеряли 1000 человек убитыми и 2000 попало в плен.

Демосфен сражался рядовым гоплитом и отступил с поля боя вместе с войском. За это впоследствии оратор Эсхин обвинил его в трусости. Народ афинский, однако, не поверил клевете врагов великого оратора и поручил ему произнести надгробную речь в память бойцов, павших при Херонее, что считалось высокой честью.

Известие о поражении при Херонее произвело потрясающее впечатление на афинян. Немедленно собралось народное собрание, народ вынес постановление готовиться к осаде и перевозить женщин и детей из деревень за стены города; кроме того, кто-то предложил освободить рабов и дать право гражданства иностранцам для призыва их в армию. Пойти на такую крайнюю меру даже в столь опасный момент для родины афинское народное собрание не решилось.

Демосфен вместе со своими сторонниками организовал защиту города, поголовное вооружение граждан, починку стен и т. д.

Грозная опасность, к счастью, вскоре миновала; удалось заключить мир на сравнительно приемлемых условиях: афинянам был оставлен флот и главные владения; однако Афинский морской союз — основа их могущества — был распущен, и Афины должны были вступить во вновь организованный общегреческий союз во главе с Филиппом.

Херонейская битва решила судьбу Греции: греческие государства потеряли свободу и независимость, всюду власть переходила в руки богачей, сочувствовавших Македонии.

В Афинах подняли голову предатели, явные и тайные сторонники Филиппа. Они стали чуть ли не ежедневно возбуждать обвинения против Демосфена и других представителей народной партии.

Однако нашлись патриоты, которые неустанно трудились для восстановления мощи государства. Во главе их были Демосфен, Ликург и другие.

Ликург в течение четырех лет путем строгой экономии снова поднял государственные доходы до 1200 талантов в год (1,8 млн. рублей). Демосфен заведовал «зрелищной казной», которая была теперь единственной поддержкой афинской бедноты. Афиняне стали мало-помалу оправляться после страшного поражения.

Царь Филипп между тем собрал общегреческий съезд в Коринфе, где торжественно провозгласил создание общегреческого союза под руководством македонского царя.

В разгар приготовлений к походу Филипп был убит на свадьбе своей дочери в городе Эгах в Македонии, через два года после Херонейской битвы (336 г. до н. э.).

Демосфен получил сообщение о смерти Филиппа, когда народное собрание еще не знало об этом. Он явился в совет и радостно объявил, что видел сон, предвещающий афинянам великое счастье. Вскоре пришло известие о смерти Филиппа. Народное собрание постановило принести богам благодарственную жертву, а убийцу царя наградить венком. Великий оратор пришел в тот день в народное собрание в праздничной одежде с венком на голове, хотя собственную его семью постигло большое горе: всего несколько дней назад скончалась его дочь. Но народную радость Демосфен ставил выше личного горя. Народ ликовав, надеясь сбросить македонское иго.

Снова к власти был призван Демосфен. Во всех городах Греции поднялось движение против македонян и пробудились надежды на свободу. Афиняне послали посольство в Фивы и другие греческие государства с предложением союза против Македонии. Афины вступили в сношения также с персами, побуждая их немедленно начать войну с Александром. Демосфен полагал, что с наследником Филиппа, мальчишкой и дурачком, как он называл

Александра, справиться будет легко. Демосфен надеялся на успех восстания.

Тем не менее, вопреки ожиданиям, Александр быстро покончил со своими противниками в Македонии и Фессалии и заставил греков в Коринфе признать себя вождем общегреческого войска для похода на Персию. Однако ему пришлось предпринять поход на север против трибаллов¹, которые угрожали границам Македонии.

Пользуясь отсутствием Александра, первыми восстали фиванцы, а за ними и другие греческие государства. Фиванцы осадили стоявший у них македонский гарнизон и многих воинов перебили.

Александр, разбив трибаллов, неожиданно появился с войском под стенами Фив. Город был взят и разрушен до основания. Пощадили только дом, принадлежавший знаменитому поэту Пиндару². Уцелевшие жители, числом около 30 тысяч человек, были проданы в рабство.

В Афинах царило страшное смятение: ожидали, что Александр начнет осаду. Однако ценой полной покорности удалось выпросить пощаду у победителя. Александр потребовал только выдачи Демосфена и других противников Македонии.

Демосфен пришел в народное собрание и рассказал народу басню об овцах, выдавших своих собак волкам. Себя самого и своих товарищей он сравнивал с собаками, дравшимися за народ, а Александра называл волком. К счастью, внимание Александра было отвлечено приготовлениями к персидскому походу, и он не стал настаивать на своем требовании. Демосфен и его друзья остались в Афинах.

Выступив в поход против Персии во главе 30 тысяч человек пехоты и 5000 всадников, Александр победил персов в сражениях при Гранике и Иссе (334—333 гг.); затем он наголову разгромил персидское войско при Гавгамелах (на берегу реки Тигр) и завладел Вавилоном и огромными сокровищами персидских царей³.

Между тем в Афинах к власти опять пришла македонская партия. Теперь противники великого оратора нашли время подходящим, чтобы с ним расправиться. Дело в том,

¹ Трибаллы — одно из племен, живших на севере Балканского полуострова.

² Великий беотийский поэт, автор многочисленных од и гимнов (около 518—432 гг. до н. э.).

³ См. об этом подробнее в биографии Александра.

что еще несколько лет назад один из сторонников народной партии предложил увенчать Демосфена золотым венком за высокие патриотические заслуги. Народное собрание согласилось с этим и постановило наградить великого гражданина Афин венком. Конечно, сторонники Македонии возражали, и Эсхин внес жалобу на постановление собрания в суд присяжных; он доказывал неправильность решения народного собрания и заявил, что Демосфен вовсе не заслуживает такой высокой награды.

Демосфен вынужден был защищаться. Суд превратился в поединок двух самых знаменитых ораторов Афин. Враги великого оратора не учли, однако, настроения народа, который не хотел мириться с потерей независимости.

Суд начался при огромном стечении народа. Эсхин произнес обвинительную речь, полную несправедливых нападок на Демосфена. В знаменитой защитительной речи «О венке» великий оратор дал обзор всей своей деятельности на благо родины и ярко обрисовал предательский образ действий Эсхина. Несмотря на давление со стороны противников, судьи вынесли справедливый приговор. Эсхин был подвергнут денежному штрафу и должен был уехать в изгнание. Успех речи «О венке» был не только победой великого оратора, но и торжеством патриотических сил в Афинах и во всей Греции.

В результате победы на суде влияние Демосфена на государственные дела возросло. Однако теперь, наученный горьким опытом, он действовал осторожно. Он видел силу врагов и отсутствие единства у греков и поэтому старался удерживать сограждан от резких необдуманных выступлений против македонян. Так, например, афиняне по его совету не поддержали восстания спартанцев. Это восстание было быстро подавлено македонянами.

Александр между тем был всецело занят азиатскими делами, предоставив полновластно распоряжаться в Греции своему полководцу Антипатру. Однако он прислал в Грецию два распоряжения: во-первых, он повелевал почитать себя богом и, во-вторых, приказывал всем греческим государствам вернуть своих изгнанников. Над первым повелением греки смеялись, а последнее вызвало сильное негодование. Дело в том, что изгнанниками были обычно предатели, ненавистные народу.

В это время произошло новое событие, которое роковым образом отразилось на судьбе Демосфена.

Казначей Александра, Гарпал, воспользовавшись долгим отсутствием царя в Вавилоне (царь начал тогда поход в Индию), похитил огромную казну персидских царей. На эти деньги он набрал 6 тысяч наемников и с 30 кораблями неожиданно прибыл в афинскую гавань Пирей. Казначей пытался деньгами привлечь на свою сторону афинских государственных деятелей, суля им возможность добиться независимости для Греции.

Некоторые ораторы предлагали взять деньги Гарпала и немедленно начать всеобщее восстание в Греции против македонян. Однако Демосфен и другие известные деятели высказались против.

Гарпала не допустили в Афины, и он отправился в Пелопоннес на мыс Тенар¹. Там он оставил свое войско и большую часть сокровищ, а сам, захватив с собой 750 талантов (более 1 млн. руб.), вернулся в Афины. Теперь он уже просил только о предоставлении ему убежища.

Между тем Антипатр и мать Александра Олимпиада потребовали у афинян выдачи похитителя казны. По предложению Демосфена Гарпал был задержан, а привезенные им деньги положены на сохранение в Акрополь, чтобы вернуть их потом Александру. Гарпалу удалось бежать на Крит, где он вскоре был убит.

Когда произвели подсчет захваченных у Гарпала денег, то оказалось, что из привезенной им суммы осталось всего лишь 350 талантов (около 525 тыс. руб.)², остальные деньги куда-то пропали. Демосфен предложил произвести строгое расследование этого дела, причем ручался своей жизнью, что он невиновен в расхищении денег. Были произведены массовые обыски, но денег не нашли.

Демосфен и некоторые другие лица были привлечены представителями македонской партии к суду по обвинению в расхищении денег, подкупе и устройстве побега. Гарпала. Под давлением противников суд признал Демосфена виновным и присудил его к уплате 50 талантов (75 тысяч руб.). Так как он не мог заплатить такой огромной суммы, то его заключили в тюрьму. Друзья, однако, вскоре помогли ему бежать, и он нашел убежище недалеко от Афин на острове Эгине, откуда открывался вид на родную землю.

¹ На юге Пелопоннеса.

² Талант — около 1500 рублей.

Потрясенный непосильной борьбой с противниками, великий оратор мучительно переживал свое изгнание; здоровье его было совершенно расшатано. Демосфен горько жаловался друзьям на несправедливость приговора: он, человек безукоризненно честный и имеющий великие заслуги перед государством, осужден, а обвинявшийся вместе с ним какой-то заведомый негодяй оправдан:

Однако изгнание великого оратора оказалось непродолжительным: неожиданно пришло известие о смерти Александра в Вавилоне (июнь 323 г. до н. э.).

Смерть Александра послужила сигналом для начала освободительного движения по всей Греции. Восстание вспыхнуло и среди малоазийских греков. Подъем захватил даже богачей, сторонников македонян. Народные ораторы произносили в Афинах патриотические речи, убеждая сограждан сбросить македонское иго. Из Афин было отправлено посольство в Пелопоннес, чтобы побудить пелопоннесские государства примкнуть к борьбе за свободу.

Афинское народное собрание постановило вернуть великого оратора из изгнания. За ним был послан на остров Эгину государственный корабль. Когда Демосфен вступил на родную землю, ему устроили в афинской гавани Пирее всенародную торжественную встречу, как национальному герою.

Демосфен немедленно возглавил сопротивление македонянам. Началась война, которая вначале шла успешно для афинян. Афинский полководец Леосфэн, бывший ранее начальником греческих наемников у персов и отпущенный Александром, во главе 8000 воинов двинулся в Фессалию против полководца Александра, Антипатра; по пути к афинянам присоединились этолийцы и фессалийцы. Союзники одержали решительную победу над Антипатром, который с остатками войска заперся в крепости Ламии (в Фессалии). Во время осады Ламии афинян, однако, постигло тяжкое несчастье: пал Леосфэн.

После его смерти война затянулась и приняла неблагоприятный для афинян оборот. Союзное войско состояло из граждан разных греческих государств и наемников. Сперва начались разногласия среди союзников, а потом стали разбегаться наемники, которым неаккуратно платили жалованье.

На помощь осажденному Антипатру пришел с войском полководец Леоннат. Афиняне храбро выступили навстречу

Леоннату и нанесли ему поражение. Однако из Македонии с новыми подкреплениями явился полководец Кратёр. Перевес в силах теперь был на стороне македонян. Кроме того, афинский флот дважды потерпел поражение, и морское могущество Афин было сломлено.

Македонянам удалось склонить некоторых союзников афинян заключить мир. Афиняне остались почти в одиночестве. Но все же они решились дать последний бой македонянам.

Битва произошла при городе Крэнноне (август 322 г. до н. э.). Афиняне потерпели поражение, хотя не такое тяжелое, как при Херонее. Пришлось заключить мир, условия которого были очень тягостны: демократия в Афинах была уничтожена; полные политические права были предоставлены только богатым (числом 9000); остальные граждане могли покинуть родину и переселиться во Фракию; македонский гарнизон занял афинскую гавань.

Демосфен и другие патриоты были заочно приговорены к смерти. Демосфену удалось бежать в храм Посейдона на острове Калаврии.

Нашлись и предатели, которые добровольно взялись за розыски беглецов. Среди этих предателей наибольшей низостью отличался некто Архий, бывший прежде актером, который даже получил прозвище «охотника за беглецами».

Узнав, что Демосфен находится на острове Калаврии в храме Посейдона как «молящий о защите»¹, Архий прибыл туда с фракийскими наемниками и лицемерно предложил Демосфену отправиться с ним к Антипатру, уверяя, что тот ему не сделает ничего дурного. В ответ Демосфен сказал: «Архий, как меня прежде не трогала твоя актерская игра, так теперь не трогают твои обещания. Подожди немного, я напишу кое-что родным...» С этими словами Демосфен ушел внутрь храма, взял кусок папируса и тростниковое перо, как бы собираясь писать; затем поднес ко рту перо и прикусил его, как он обыкновенно делал,

¹ Храмы в древности считались священными местами. Поэтому тот, кто вошел в храм и обратился к божеству с мольбой о защите, считался неприкосновенным, его нельзя было арестовать, пока он находится в святилище — у алтаря или статуи бога. Даже преступники и беглые рабы находили убежище в знаменитых и почитаемых храмах Греции. Но кормить находящегося под защитой никто не был обязан, поэтому часто голод заставлял беглого раба выйти из священного места, а тогда его можно было схватить.

когда обдумывал что-нибудь, готовясь писать. В тростниковом пере был заложен сильно действующий яд, который Демосфен и проглотил.

Переступив порог храма, он пошатнулся и упал мертвым. Это произошло 12 октября 322 года до н. э.

Так погиб Демосфен, не пожелав пережить порабощения родины, за свободу и независимость которой он боролся до последнего вздоха.

Вскоре афиняне воздвигли Демосфену медную статую на городской площади. Демосфен был представлен на ней со скорбным выражением лица и сжатыми в отчаянии руками. Надпись под статуей гласила:

Если бы мощь, Демосфен, ты имел такую, как разум,
Власть бы в Элладе не смог взять македонский Арэй¹.

¹ *Арэй* — бог войны у древних греков (у римлян — *Марс*). Под македонским Ареем здесь подразумевается военная мощь Македонии.

АЛЕКСАНДР

(356—323 гг. до н. э.)

Греческие аристократические роды, чтобы подчеркнуть свое отличие от простых людей и обосновать свое право на власть, стремились доказать, что они происходят от богов и героев. Познакомившись с культурой и обычаями Эллады, македонские цари, подражая грекам, также придумали себе родословную, восходящую к мифическим героям.

Александр Македонский по отцовской линии считал себя потомком самого Геракла, а по материнской — Эака, деда знаменитого Ахилла, одного из главных героев Троянской войны. Отцом Александра был царь Филипп II, установивший господство македонян в Греции, матью —

Олимпиада, дочь одного из властителей Эпира, области на северо-западе Эллады.

Рассказывают, что Александр родился в тот самый день, когда грек Герострат, стремясь хоть чем-нибудь прославить свое имя, сжег храм богини Артемиды в малоазийском городе Эфесе, считавшийся одним из семи чудес света (356 г. до н. э.).

Уже в детстве Александра отличали безграничное честолюбие, смелость и вера в себя. Однако он не гнался, подобно своему отцу, за любой славой. Филипп одинаково гордился военной доблестью, блестящим ораторским талантом и победами своих лошадей на Олимпийских играх. Характер сына отличался высокомерием: когда друзья спросили его однажды, не хочет ли Александр принять участие в Олимпийских состязаниях, юноша ответил: «Охотно, если мне придется соревноваться с царями».

Каждый раз, как приходило известие о какой-нибудь победе македонян, одержанной под руководством Филиппа, Александр с грустью говорил товарищам: «Отец всё делает до нас, и мне с вами не останется совершить ни одного славного подвига!»

Отвага Александра проявилась в ранней юности. Однажды Филиппу предложили купить коня, прозванного за сходство его головы с бычьей Буцефалом¹. Филипп вместе с сыном отправился осмотреть лошадь. Конь казался совершенно диким, поминутно вставал на дыбы, бил копытами и старался укусить. Никто не решался даже подойти близко к животному. Филипп отказался от покупки и приказал увести лошадь. Тогда Александр в раздражении крикнул отцу и его приближенным: «Из-за своей трусости и неумения ездить верхом вы отказываетесь от великолепной лошади». Филипп рассердился и предложил сыну побиться об заклад на цену лошади, что мальчик не сможет укротить Буцефала.

Александр смело направился к коню, схватил его за узду и повернул против солнца, так как заметил, что животное пугается собственной тени. Затем юноша некоторое время оглаживал коня и бежал рядом с ним, давая ему привыкнуть к себе. Заметив, что лошадь уже несколько устала и тяжело дышит, Александр сбросил плащ и

¹ Буцефал (в греческом произношении Букефал) значит «бычьеголовый».

вскочил на нее. Бешеный конь рванулся, пытаясь сбросить всадника. Крепко держа поводья, Александр дал коню полную волю, ожидая, когда он утомится. Когда лошадь привыкла к своей ноше, Александр заставил ее повиноваться поводьям. Так был укрощен Буцефал, ставший затем верным товарищем македонского завоевателя во всех его походах.

Филипп и его свита в страхе и молчании наблюдали за поединком человека и коня; когда же Александр повернул Буцефала и, сияя от гордости, подъехал к отцу, все разразилось криками восторга, а Филипп даже прослезился от радости. Обняв сына, царь поцеловал его и сказал: «Дитя мое, ищи себе подходящего царства — Македония для тебя слишком мала!»

Зная упорный и горячий характер сына, Филипп всегда старался воздействовать на Александра скорее убеждением, чем приказом.

Македонский царь не доверил образованию своего сына местным учителям, а пригласил к Александру из Греции величайшего ученого того времени Аристотеля¹. Занятия с учеником Аристотель проводил, гуляя по тенистым аллеям парка. Ученый сумел привить способному мальчику интерес не только к политике и военному делу, но и к медицине и к естественным наукам. Впоследствии царь всегда интересовался болезнями своих приближенных и любил назначать лекарство или диету своим друзьям, когда они заболели.

С детства Александр пристрастился к литературе и даже в самых трудных походах умел найти время, чтобы почитать любимую книгу. С поэмой Гомера «Илиада» македонский завоеватель не расставался никогда. У него был список «Илиады», исправленный самим Аристотелем и хранившийся в роскошном ящичке под подушкой у царя.

¹ Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — «Александр Македонский греческой философии» (так его назвал К. Маркс) — величайший ученый древнего мира, прославившийся своими работами в самых различных отраслях знания. Отец Аристотеля был придворным врачом Филиппа II, и это, возможно, было поводом для приглашения тогда еще мало известного ученого воспитателем к царскому сыну (343 г. до н. э.). После того как его ученик занял царский престол в Македонии, Аристотель основал в Афинах школу Ликей (или Лицей). Именем прославленной Аристотелем школы называли иногда учебные заведения и в новое время. Так называлось, например, училище в Царском Селе, где обучался Пушкин.

Александр говорил, что не знает лучшего руководства для ведения войны.

Кроме Аристотеля, у Александра были также воспитатели из македонской знати. Они старались закалить юношу, приучить его к умеренности в пище и питье. Александр вспоминал впоследствии, как его воспитатель Леонид приходил к нему в спальню и осматривал постель, заглядывая даже под одеяло, чтобы отобрать у мальчика лакомства, которыми мать баловала маленького сына.

Наставникам удалось добиться желаемых результатов. Юноша рос умным и развитым не по летам. Однажды в отсутствие отца Александру пришлось принимать персидских послов. Персы были поражены гибкостью ума и обширностью знаний юноши. Они утверждали даже, что блестящие способности Филиппа намного уступают талантам его сына.

Уже в юные годы Александр проявил себя как храбрый воин и умелый правитель. Ему было всего шестнадцать лет, когда Филипп, отправляясь в поход, поручил ему управление всей Македонией. Сын оправдал надежды отца: он справился с восстанием фракийских племен и основал в усмирённой стране несколько городов, которые он назвал Александрополями (городами Александра).

В битве при Херонее (338 г. до н. э.), в которой Филипп разгромил объединённые силы греков и покончил с независимостью греческих государств, Александр командовал левым крылом македонской армии.

Царь радовался удачам сына и не чаял в нем души. Однако вскоре отношения между Филиппом и Александром испортились. Филипп развелся с матерью Александра Олимпиадой и вступил в брак со знатной македонской девушкой Клеопатрой.

Аристотель.
Античный мраморный бюст.

Честолюбивый Александр, привыкший считать себя единственным законным наследником престола, пришел в ужас: ребенку от второго брака Филипп мог передать царскую власть, минуя старшего сына.

Отношения между отцом и сыном стали настолько плохими, что Александр вынужден был вместе с матерью уехать из Македонии. Этот отъезд способствовал распространению сплетен о нравах македонского двора. Поэтому Филипп, дорожа хорошим мнением о себе, стал через посредников уговаривать Александра не проявлять столь открыто неприязни к отцу и вернуться домой. Александр вернулся в Македонию, но его отношения с отцом продолжали оставаться враждебными.

В это время Александр вступил в тайные переговоры с персами, готовясь без разрешения отца жениться на дочери персидского сатрапа (наместника). Филипп, узнав об этом, выслал из Македонии всех друзей сына, разделявших убеждения Александра и принимавших участие в переговорах с персами.

Неизвестно, какие меры были бы приняты против самого Александра, если бы в это время Филипп не был убит. Убийца, знатный македонянин, был заколот царскими телохранителями на месте.

Причины преступления остались нераскрытыми. В то время об этом темном деле ходило множество разноречивых слухов. Одни предполагали, что убийца был подкуплен персидским царем, которому стало известно, что Филипп готовит поход македонян и греков в Азию. Другие думали, что он отомстил Филиппу за какие-то личные обиды. Но многие потихоньку называли организаторами покушения на жизнь царя самого Александра и его мать, которые только таким способом могли вернуть себе былое значение в государстве. Правда, Александр тотчас же расправился с убийцей и всеми, кого подозревали в заговоре против Филиппа. Однако некоторые считали, что он сделал это затем, чтобы обеспечить молчание всех знавших о его собственном участии в этом деле. Во всяком случае сразу же после смерти Филиппа родившийся от его второго брака ребенок был убит, а Клеопатра, подвергнутая заключению, удавилась. Таким образом, Александр остался единственным законным наследником Филиппа.

При вступлении на престол новому царю было всего двадцать лет. Со всех сторон могуществу Македонии гро-

зила опасность. Начались восстания диких фракийских племен, на юге покоренная Филиппом Греция готовилась вернуть себе былую свободу. Александр с македонским войском устремился на север. В нескольких сражениях он усмирил восставших фракийцев и разгромил на берегах Истра (Дуная) помогавшие им независимые племена.

Вслед за тем царь обратился против восставших греков. Двигаясь стремительным маршем, он достиг единственного прохода из Северной в Среднюю Грецию — Фермопил — раньше, чем объединенные силы греков успели собраться и занять этот удобный для обороны пункт. Ворвавшись в Среднюю Грецию, македоняне осадили город Фивы, который вместе с Афинами стоял во главе греческих государств, возмущившихся против македонского владычества. Несмотря на героическое сопротивление фиванцев, город был взят и разрушен. Все жители, за исключением сторонников македонского царя, были проданы в рабство: этим страшным примером Александр хотел запугать все остальные греческие государства. Рассказывают, что было убито около шести тысяч фиванцев и тридцать тысяч обращено в рабство.

Греки, пораженные ужасом, смирились. Александр, готовясь к походу в Персию, опасался, как бы в его отсутствие греки снова не подняли восстания против македонян. Это побудило царя сменить свирепую жестокость на самую изысканную любезность. Он ласково принимал у себя греческих государственных деятелей и ученых, всячески старался расположить их к себе и даже пощадил город Афины, принимавший деятельное участие в мятеже.

Александр совершил путешествие в город Кранию (близ Коринфа), чтобы повидать жившего там философа Диогена. Этот философ учил, что люди станут свободными и счастливыми только тогда, когда сумеют сократить свои потребности настолько, чтобы не зависеть от общества и государства. Диоген личным примером старался доказать правильность своего учения: отказавшись от богатства, не имея своего угла, он жил в большой глиняной бочке на рыночной площади города Крании, одевался в рваный плащ и стоптанные сандалии, питался отбросами, которые подбирал на рынке. Философ счел себя совершенно независимым от городских властей и от общества, благами которого он не желал пользоваться. Слава о его учении и образе жизни распространилась среди бедного люда всей

Греции. Некоторые считали его мудрецом, другие возмущались его поведением, называя его «собачьим»¹.

Когда Александр прибыл в Кранию, Диоген, по обыкновению, лежал в пыли посреди площади перед своей бочкой и грелся на солнце. Услышав шум, философ повернул голову, взглянул на приближавшегося царя и его многочисленную свиту, но продолжал лежать. Александр приветствовал Диогена и спросил его, не нуждается ли он в чем-нибудь: все его желания будут немедленно исполнены.

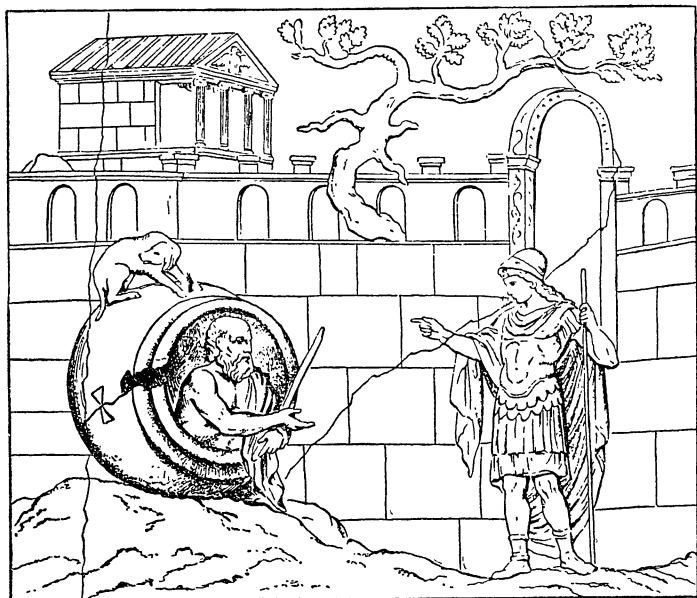
«У меня одно желание,— ответил мудрец,— чтобы ты отошел в сторону и не заслонял мне солнца». С этими словами Диоген повернулся к Александру спиной, подставляя солнцу другой бок. Положение царя было нелепым. Александр предложил бедному человеку все, чего тот ни пожелает, а мудрец вместо благодарности попросил могущественного властителя убраться подальше и не заслонять ему солнца! Свита Александра громко возмущалась поведением Диогена и осыпала философа насмешками. Однако царь сумел найти выход из глупого положения, в которое он попал. Вместо того чтобы наказать дерзкого мудреца и создать ему славу мученика, Александр улыбнулся и сказал: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

Убедившись, что греки примирились с владычеством Македонии, Александр собрал представителей всех греческих государств и предложил им объявить персам войну. Царь старался представить эту войну как общегреческое дело, как месть за поругание эллинских святынь, разрушенных персами во время их вторжения в Грецию в 480 г. до н. э.² Представители греческих государств вынуждены были принять план царя, и приготовления к походу, начатые еще при жизни Филиппа, близились к завершению.

Армия, с которой Александр готовился выступить против персов, состояла из тридцати тысяч пехотинцев и пяти

¹ Название «кинники» или «циники» (в буквальном переводе «собачьи») закрепилось в древности за группой философов (мудрецов), к которым примкнул и Диоген. Киники в своеобразной форме выражали протест бедняков и неполноправных свободных против неравного распределения богатств в рабовладельческом обществе. Впоследствии слово превратилось в ругательство, и в современном языке циниками стали называть бесстыдных, наглых людей.

² См. выше биографии Фемистокла и Аристиды.

Александр и Диоген.
Стенная роспись римского времени.

тысяч всадников. Она была превосходно организована и обучена и своими боевыми качествами намного превосходила войска, которые персы могли направить против македонян.

Хуже всего у Александра было с деньгами. К началу похода удалось запасти продовольствия только на месяц, а в казне оставалось всего 70 талантов. Александру необходимо было добиться решающего успеха в самом начале, чтобы заставить жителей захваченных территорий оплатить его дальнейшие походы. Всякая неудача в начале военных действий грозила гибелью македонской армии, лишенной средств к существованию. Александр понимал риск задуманного похода: война должна была привести либо к полному успеху, либо закончиться быстрым провалом и гибелью Македонии. Поэтому накануне выступления Александр роздал оставшееся у него имущество близким и друзьям. Один из них, удивленный такой щедростью, спросил царя: «Что же ты оставляешь себе?»

— Надежду, — ответил царь.

Александр рассчитывал, что по сравнению с теми богатствами, которые он сумеет отобрать у врага, его владения в Македонии покажутся ничтожными, а в случае поражения ему не надо будет ничего.

Весной 334 г. до н. э. Александр переправил свою армию через Геллеспонт и начал беспримерный по своей дерзости поход. Македонский завоеватель был полон решимости и не упускал ни одной мелочи, которая могла бы помочь ему добиться победы.

В Малой Азии, на западном и северном побережьях, были расположены города греков, многие жители которых служили в армии персидского царя. Важно было разбудить патриотические чувства греков, чтобы обеспечить себе их поддержку в предстоящих сражениях. Для этого лучше всего представить поход македонян как продолжение вековой борьбы между Европой и Азией. И Александр призывает на помощь историю и мифологию.

Высадившись на малоазийском берегу, царь прежде всего посещает развалины Трои, устраивает пышные празднества в честь героев Троянской войны и, в особенности, в честь Ахилла, считавшегося предком македонских царей. Смысл этих торжеств был ясен всем: потомок Ахилла, продолжая дело своего предка, стал во главе греков, чтобы победоносно закончить войну, некогда начатую эллинами против азиатов. Место азиатов-троянцев заняли теперь персы.

Между тем персидские сатрапы собрали свои войска и заняли удобную позицию на крутом берегу реки Граник, через которую македоняне должны были переправиться, чтобы проникнуть в глубь страны. Переправа через реку, охраняемую персами, была делом очень трудным.

Все полководцы Александра единодушно высказались против наступления. Они указывали на глубину реки и быстроту ее течения, на неприступность позиции, занятой персами, советовали отложить решительное сражение и попытаться искать для вторжения менее опасные пути. Александр, однако, не мог медлить: всякая проволочка при скудости его казны грозила гибелью. Поэтому, вопреки всем советчикам, он решил атаковать персов и любой ценой выбить их с занимаемой позиции. Во главе отборной конницы, составленной из македонских аристокра-

тов, царь начал переправу через Граник. Очевидцы, наблюдавшие эту атаку со стороны, сообщают, что все предприятие казалось поначалу чистым безумием. Многие полководцы считали, что Александр ведет свои войска на неминуемую гибель: он не хотел считаться с тем, что противоположный берег был крут и обрывист, что течение реки уносило людей и лошадей, что град стрел сыпался на плывущих.

Однако бешеная атака увенчалась успехом: часть македонской конницы во главе с царем сумела выбраться на мокрый и скользкий от ила противоположный берег. Стремительная река разбросала стройные македонские эскадроны, и на вражеский берег всадники выбирались в беспорядке, кое-где маленькими группами, а то и в одиночку. Воспользовавшись этим, персидская конница обрушилась на македонян и попыталась сбросить их обратно в реку прежде, чем Александру удастся собрать свои разрозненные части.

На крутом берегу завязалась беспорядочная кавалерийская схватка. Поломав при первом натиске свои копья, бойцы обеих сторон взялись за мечи. Персы старались пробиться к царю, который выделялся среди воинов прекрасными доспехами и великолепными белыми перьями на шлеме. Один из персов метнул в царя дротик, который пробил панцирь, но не коснулся тела.

В это время на Александра бросились два персидских военачальника: Ресак и Спитридат. Царь увернулся от Спитридата, а Ресака ударил копьем. Оно переломилось, не причинив персу вреда. Царь выхватил меч и снова бросился на Ресака. В это время Спитридат повернул коня и сзади ударил Александра мечом по шлему. Меч скользнул по поверхности, срубив султан из перьев. Перс взмахнул мечом, чтобы нанести более верный удар. Но в этот миг на него налетел брат кормилицы Александра, Клит, по прозвищу «Черный», и пронзил Спитридата копьем. Одновременно рухнул с коня и Ресак, проколотый мечом царя.

Пока македонская конница, ведя опасный бой, удерживала захваченный на берегу участок, сюда начала переправляться пехота Александра. Как только плотные массы македонской пехоты вступили в сражение, неприятельская конница обратилась в бегство и рассеялась. Однако греческие наемники, служившие персам, не пожелали

отступать, и македонянам пришлось начать бой с этой храброй и хорошо обученной пехотой.

Александр по-прежнему сражался во главе своей конницы, и на этот раз под ним убили коня — при Гранике царь бился не на Буцефале, а на другой лошади. Наконец, упорство греческих наемников было сломлено, и македоняне овладели полем сражения.

Рассказывают, что в этом бою персы потеряли двадцать тысяч пехоты и две с половиной тысячи всадников. Потери Александра составили будто бы всего тридцать четыре человека, в том числе девять пехотинцев. Однако этим цифрам нельзя доверять, потому что македонский завоеватель, подобно многим полководцам, имел обыкновение в своих сообщениях преувеличивать потери врага и уменьшать свои.

Победителям досталась большая добыча, часть которой Александр отослал жителям Афин, желая снискать их расположение и обеспечить себе прочный тыл в Греции.

Победа при Гранике открыла македонскому завоевателю доступ в Малую Азию. Один за другим греческие малоазийские города без сопротивления сдавались Александру. Только богатые и могущественные Милет и Галикарнас, жители которых при владычестве персов пользовались большими преимуществами, не пожелали склониться перед македонянами. Эти города были взяты приступом.

Скоро и глубинные области Малой Азии оказались в руках Александра. В Гóрдии, одном из городов Фригии, македонский царь увидел колесницу, дышло которой было закреплено сложнейшим узлом, затвердевшим от времени. Существовало предание, что тот, кто сумеет распутать этот узел, освободить дышло и ярмо, станет владыкой мира. Честолюбивый и тщеславный Александр сразу же решил любым способом добиться успеха. Однако узел не поддавался никаким усилиям. Александр, не долго думая, выхватил меч и разрубил веревки¹. Окружавшие царя придворные льстецы тотчас усмотрели в этом благоприятное предзнаменование и предвещали Александру покорение вселенной.

¹ Отсюда современное выражение «разрубить Гóрдиев узел», то есть решить запутанную задачу неожиданно простым способом, одним решительным ударом ликвидировать сложный клубок противоречий.

Между тем пришло известие, что персидский царь Дарий III с огромной армией двинулся против македонян. Александр поспешил ему навстречу. На границе Сирии и Малой Азии македонская и персидская армии разминувшись во время ночного перехода, двигаясь разными горными проходами. Только утром оба царя обнаружили свою ошибку и снова повернули навстречу друг другу. Александр был рад этой случайности: ему было бы невыгодно, если бы пришлось сражаться с сильной конницей персов на обширных равнинах Сирии. Поэтому Александр поспешил перебросить свою армию на север, чтобы не дать персам выйти из узких горных проходов.

Оба войска встретились недалеко от сирийского города Исса. Горы подходят здесь почти к самому морю, оставляя у берега лишь небольшую равнину, посреди которой течет река Пинар. Хотя персидская армия была более многочисленна, Дарий не сумел использовать это преимущество. Александру, сражавшемуся по обыкновению в первых рядах, удалось обратить в бегство отряд телохранителей царя, состоявший из отборных воинов.

Дарий не выдержал вида устремившихся на него македонских всадников и бежал с поля сражения. Весть о его бегстве послужила сигналом ко всеобщему отступлению персов. Персидская армия была разбита наголову. В руки победителей попали весь огромный обоз персов и вся обозная прислуга. Были захвачены роскошная колесница персидского царя, его палатка, доспехи, масса драгоценной утвари и денег. Среди пленных находились мать, жена и две дочери Дария.

Огромная добыча позволила победителю щедро вознаградить войска и отправить большие богатства на родину друзьям и родным. Своему воспитателю Леониду Александр послал благоволий на огромную сумму в 600 талантов. Это было исполнение клятвы, которую Александр, еще мальчиком, дал самому себе. Однажды во время жертвоприношения он бросил в огонь целую пригоршню ладана¹, и ароматный дым густым столбом поднялся к небу. Леонид, не успевший удержать мальчика, сердито сказал

¹ Обряд сжигания жертв основан на первобытном представлении, что обитающие на небе боги питаются поднимающимся вверх дымом. Этим же объясняется принятый у греков обычай сжигать

ему: «Нечего транжирить то, что не тобой добыто. Вот, когда завоюешь страну, обильную благовонными деревьями, тогда и будешь бросать ладан пригоршнями». Посылая Леониду ладан, тщеславный Александр хотел напомнить ему об этих словах и похвалиться своими успехами.

Разгромив персидского царя при Иссе, войска Александра заняли страны, лежащие на восточном побережье Средиземного моря: Сирию, Финикию и Палестину. Большинство приморских городов покорилось македонянам без боя; даже цари острова Кипр явились к Александру с просьбой взять Кипр под свое покровительство.

Один только богатый финикийский город Тир, жители которого держали в своих руках морскую торговлю Персидской державы и получали от этого большие выгоды, не хотел покориться Александру. Часть города была расположена на острове. Тир господствовал на море, и поэтому жители считали, что Александр никак не сможет принудить их к сдаче.

Осада Тира продолжалась больше полугода (332 г. до н. э.). Александр приказал сделать в море насыпь, которая дала возможность вплотную подойти к расположенному на острове городу. Македоняне непрерывно штурмовали стены осадными машинами, но жители упорно сопротивлялись. Только ценой огромных жертв город удалось, наконец, взять. Разгневанный Александр приказал захваченных в плен жителей продать в рабство, а часть предать мучительной казни — распять на крестах.

Во время осады Тира Александр чуть было не погиб и спасся только благодаря своей отчаянной смелости. Сирийские арабы часто нападали на македонское войско, и, чтобы отогнать их, Александр предпринял поход в горы. В горах Александр отбилсЯ от остальных и вынужден был с несколькими воинами остановиться на ночлег. Несмотря на то, что македонянам даже нечем было развести огонь, а в горах было холодно, Александр назначил стражу и спокойно уснул. Среди ночи испуганный часовой разбудил

привозимые с Востока благовонные смолы — ладан и мйрру, чтобы умиловить богов ароматным дымом.

Ладан очень ценился древними, так как достаточно сжечь крохотную щепотку его, чтобы благоухание держалось в течение долгого времени.

царя и показал ему множество огней, видневшихся со всех сторон. Это были костры врагов. Достаточно было арабам обнаружить македонян, и поход Александра не был бы доведен до конца.

Осознав опасность, царь поступил самым неожиданным образом. Бросившись к ближайшему костру, он убил двоих гревшихся около огня арабов и, выхватив из костра головню, вернулся к своим. При помощи этой головни спутники Александра развели множество костров вокруг лагеря врагов, так что те решили, что македоняне, воспользовавшись темнотой, сумели их окружить. Не дожидаясь рассвета, арабы бежали, оглядываясь, не гонятся ли за ними македоняне. Александр и его спутники были спасены.

После взятия Тира Александр двинулся на юг, к Египту. Население Египта давно тяготилось владычеством персов и часто поднимало против них восстания. Поэтому египтяне радовались приходу македонян, видя в них избавителей от персидского ига. Заняв Египет (332 г. до н. э.), Александр хотел укрепить симпатии египтян, заинтересовав их выгодами торговли, которая принесла бы Египту возможность войти в создаваемую завоевателем мировую державу. Чтобы расширить международную торговлю Египта, царь решил основать новую гавань на побережье Средиземного моря.

Александр выбрал широкую полосу земли, лежащую в западной части дельты между двумя рукавами Нила. У самого побережья лежит остров Ф́арос, который Александр приказал соединить с материком насыпью. Остров вместе с насыпью составили искусственную бухту, достаточно обширную для одновременной стоянки большого числа кораблей. Каналы, соединившие гавань с лежащим к югу большим Мареотйдским озером, обеспечили мореходов доками для постройки и ремонта кораблей и удобными путями во внутренние области Египта.

Царь сам начертил примерный план города, расположение главных улиц, рынков, храмов и приказал назвать город Александрией, чтобы имя его никогда не было забыто в Египте (331 г. до н. э.)¹.

¹ Место для города было выбрано настолько удачно, что не прошло и 50 лет, как Александрия стала самым многолюдным и цветущим городом Египта. И сейчас она остается крупным городом Объединенной Арабской Республики.

Стремясь завоевать дружеские чувства жителей, Александр всячески подчеркивал свое уважение к египетской религии и обычаям. Вскоре после основания Александрии царь отправился в тяжелый поход через лежащую на запад от Египта Ливийскую пустыню. Здесь в нескольких сотнях километров от долины Нила, среди раскаленных песков пустыни, находился оазис — небольшой уголок зеленеющей плодородной земли. Египтяне считали, что здесь пребывает сам бог солнца Аммон, почитавшийся также и в Греции, где его отождествляли с Зевсом. В оазисе был храм Аммона, и жрецы предсказывали здесь будущее. Многодневный переход через безводную пустыню едва не погубил сопровождавшее Александра войско. Когда, наконец, царь добрался до оазиса и передал храму великолепные подарки, жрец назвал его сыном Зевса-Аммона и предсказал, что он станет господином мира.

С этих пор Александр стал охотно говорить о своем божественном происхождении и не удивлялся, когда его называли богом. Обоожествление царей было на Востоке обычным явлением: египетские фараоны, вавилонские и персидские цари считались богами со времени восшествия на престол. Для жителей Востока утверждение, что отцом Александра был не царь Филипп, а сам верховный бог Зевс-Аммон, казалось не бессмысленным хвастовством, но привычным обоснованием царских прав Александра. Царь поддержал созданную египетскими жрецами легенду о своем божественном происхождении, потому что она должна была помочь ему упрочить власть над покоренными народами Азии.

Первое время Александр сам весело смеялся со своими друзьями над нелепым утверждением, что он бессмертный и всемогущий бог. Однако, по мере того как множились его успехи, заложенные в его характере гордость и самонадеянность, усиленные вдобавок всеобщей лестью, привели к тому, что он и вправду уверовал в то, что ему помогают боги и никакие препятствия не в силах его остановить.

Первый раз Александр удивил всех смелостью своих планов еще до завоевания Египта. Вскоре после победы при Иссе тосковавший без своей семьи Дарий прислал к Александру послов, предлагая заключить мир. Он обещал македонскому царю руку своей дочери вместе со всеми землями Персидской державы, лежащими западнее реки

Евфрат. Таким образом, персидский царь соглашался уступить не только то, что было уже завоевано македонянами, но и еще многие земли. Дарий предлагал Александру союз и огромный выкуп, лишь бы тот вернул ему попавших в плен мать, жену и дочерей.

Приближенные в один голос советовали Александру согласиться на столь выгодные условия. Слово взял старый Парменион, ближайший сподвижник Филиппа, замещавший царя, когда тот уезжал куда-либо. «Если бы я был Александром, — сказал он, — я бы принял предложения Дария».

«Если бы я был Парменионом, — быстро перебил его Александр, — я бы тоже принял!»

Парменион замолчал. Всем стало ясно, что хотел сказать молодой царь: он один может совершить то, что недоступно никакому другому полководцу. На месте Пармениона пытаться завоевать всю Персию было бы безумием. Ему, Александру, не следует соглашаться получить, хотя бы без боя, половину Персидского государства. Он сумеет взять все.

Македонская армия не провела в богатом, плодородном Египте и одного года. Весной 331 г. до н. э. Александр вывел своих солдат из долины Нила и повел их через пустыни Передней Азии в Месопотамию. Здесь он рассчитывал встретиться с армией персидского царя.

Дарий III понимал, что судьба его государства решится в грядущей битве, и тщательно к ней готовился. Набрав в восточных областях огромное войско, он решил не рисковать и не спешить навстречу македонянам, как сделал это при Иссе. Неблагоприятные для персов условия местности помогли тогда македонянам одержать победу.

На этот раз Дарий сам выбрал поле сражения. На восточном берегу реки Тигр, недалеко от развалин древней ассирийской столицы Ниневии, у деревушки Гавгамелы раскинулась равнина, на которой персы поджидали двигавшуюся на восток армию Александра.

Встреча произошла в последний день сентября 331 г. до н. э. Когда македоняне подошли к расположению передовых частей персов, был уже вечер. Дарий, опасаясь неожиданного нападения, приказал построить свою армию в боевой порядок и всю ночь окруженный факелоносцами

объезжал ряды войска. Наутро персидские воины еле держались на ногах от усталости, измученные непрерывным напряжением прошедшей ночи.

Александр не хотел вводить своих солдат в битву прямо с марша. После тяжелого перехода людям необходимо было дать отдых, и царь, твердо уверенный, что персы не решатся покинуть облюбованное ими поле, приказал располагаться на ночлег неподалеку от персидских позиций.

Македонские полководцы со страхом смотрели на огромную равнину, откуда, как шум волн, доносился смутный гул голосов. Правильные ряды персидских костров начались совсем рядом и тянулись вдаль во все стороны, насколько хватало глаз. Устрашенные многочисленностью неприятельского войска полководцы во главе с Парменионом явились в палатку Александра и умоляли его, если уж он твердо решил дать здесь сражение, не дожидаться утра, а воспользоваться темнотой, которая скроет численное превосходство персов.

«Я не краду побед!» — отвечал Александр и, отпустив приближенных, заснул крепким сном.

Сражение началось утром. Александр опасался окружения и поэтому построил свои войска в две линии. В случае обхода вторая линия должна была повернуться назад и образовавшееся каре¹ могло бы продолжать сражаться на два фронта.

Расчет царя оказался правильным. Уже в начале сражения великолепная конница персов стала теснить левое крыло македонского войска, которым командовал Парменион. Пользуясь тем, что фронт персов был значительно шире македонского, часть всадников обошла Пармениона слева и появилась в тылу, где находился македонский обоз. Положение стало угрожающим, и старый полководец слал к царю гонца за гонцом с просьбой о подкреплении.

В этой битве особенно ярко проявилась наиболее характерная черта Александра — любовь к риску: нависшая угроза заставила бы более осторожного полководца направить часть сил на помощь Пармениону — без обоза маке-

¹ *Карé* — военный строй, представляющий замкнутый прямоугольник, приспособленный для отражения неприятеля со всех сторон.

донская армия не смогла бы продержаться во вражеской стране. Но Александр не хотел отвлекать ни одного солдата от задуманного им решающего удара.

— Сейчас не время думать об обозе, — отвечал он Пармениону. — Если мы погибнем, обоз нам уже не понадобится; если победим, тем более нечего бояться. Вместо своего обоза мы захватим неприятельский.

С этими словами Александр приказал подать свои доспехи и стал готовиться к бою. Поверх плотной шерстяной рубахи царь надел двойной холщовый панцирь, захваченный им при Иссе. Шлем Александра был железным, но тонкой работы и сиял, как будто был сделан из серебра. К шлему был прикреплен металлический воротник, украшенный драгоценными камнями. Но самым ценным в вооружении царя был меч, замечательной закалки и легкости. Этот меч ему подарил царь острова Кипр, и он стал любимым оружием Александра.

К царю подвели Буцефала. Обычно Александр пользовался другими лошадьми, так как Буцефалу было уже около 25 лет и силы его надо было щадить. Но когда предстоял бой, Александр всегда садился на своего любимого коня.

В этот момент как раз началось наступление и левого крыла персидской армии. Часть всадников, отделившись от общей массы персов, начала обход позиции, где стоял Александр с македонской и фессалийской конницей.

Это передвижение создало просвет в рядах противника, и, воспользовавшись этим, Александр немедленно устремился со всеми своими силами в образовавшуюся брешь.

Вдалеке Александр увидел самого персидского царя. Дарий стоял на высокой колеснице, окруженный множеством телохранителей, рослых как на подбор всадников в блестящем вооружении. Александр и его отряд в бешеном натиске устремились на царя и его телохранителей. Многие из них бросились бежать, но самые храбрые отчаянно сопротивлялись. На глазах у растерявшегося персидского царя македоняне сталкивали их пиками с коней и добивали мечами. Свалка была такая, что Дарию не удалось даже повернуть колесницу, так как трупы лежали под самыми колесами. Казалось, еще немного, и Александр, сражавшийся в первых рядах, сможет достать противника мечом. Смертельный ужас охватил Дария, и, вскочив на

коня одного из своих телохранителей, персидский царь усакал с поля сражения.

Заметив исчезновение главнокомандующего, персы стали искать спасение в бегстве. На правом фланге и в центре македоняне одержали полную победу. Однако на левом фланге положение Пармениона оставалось трудным, и он продолжал призывать на помощь. Александру пришлось отложить преследование Дария и начать переброску войск на левый фланг. Еще не все войска переправились на помощь Пармениону, как враги уже стали отступать и на этом участке.

Битва при Гавгамелах окончательно сокрушила могущество персов. Теперь у Александра не было больше серьезных противников, и хотя отдельные области на Востоке и готовились к сопротивлению, но македонский завоеватель мог уже провозгласить себя царем всей Азии. Многие персидские вельможи спешили заявить Александру о своей покорности, и царь охотно утверждал их правителями тех областей, во главе которых они стояли раньше.

Чтобы сделать свою власть прочной, Александр хотел устранить Дария III; для этого надо было или убить его, или заставить отречься от власти. Но прежде чем преследовать бежавшего с небольшим отрядом на Восток Дария, Александр решил воспользоваться плодами своей победы. Вся Азия лежала перед завоевателем, маня его своими просторами. Прежде всего Александр решил занять оставшиеся без всякого прикрытия главные города Персидского царства.

Македонские войска вошли в величайший город Востока Вавилон, о сказочных богатствах которого столько писали побывавшие в нем греческие путешественники. Несмотря на все нетерпение Александра, ему пришлось дать здесь отдых воинам, для того чтобы они могли наслаждаться радостями жизни перед тяжелыми испытаниями, ожидавшими их в дальнейшем.

Затем македоняне заняли Сүзы — летнюю резиденцию персидских царей. Отсюда горными проходами в самом конце 331 г. до н. э. войско переправилось в область Персиду — древнюю родину персов. Здесь в городе Персеполе находились царский дворец и гробницы предшественников Дария. В подвалах этого дворца в течение столетий накапливались богатства, отбравшиеся персами у покоренных народов. Теперь все эти сокровища достались Александру.

Только чеканной монеты в этом дворце, а также во дворце в Сузах Александр захватил несколько тысяч тонн. Чтобы вывезти остальные драгоценности, потребовалось десять тысяч пар мулов и пять тысяч верблюдов.

Безудержная щедрость Александра, его пренебрежительное отношение к богатствам, которые ему никогда не приходилось добывать долгим и терпеливым трудом, приняли теперь поистине исключительные размеры.

Когда из дворца вывозили персидское золото, Александр заметил неизвестного ему воина, шатавшегося под тяжестью взваленной им на себя ноши. Желая поощрить его усердие, царь закричал ему:

«Ноша покажется тебе легче, если ты потащишь ее не на телегу, а к себе в палатку!» С этими словами царь приказал передать воину в собственность все золото, которое тот нес.

Еще более крупные подарки Александр делал своим друзьям и приближенным. Когда об этом узнала его мать Олимпиада, она написала сыну: «Раньше, когда ты еще не был так богат, ты приобретал друзей, делая подарки. Теперь же твои подарки столь огромны, что они ставят людей на один уровень с царями: вместо того, чтобы приобретать друзей, ты множишь соперников». Тщеславие не позволило Александру послушаться совета матери. Она была единственным человеком, упреки которого Александр выслушивал без гнева, но и ей не позволял царь вмешиваться в свои дела.

Заняв древнюю персидскую столицу, Александр поселился в царском дворце. Когда греки и македоняне увидели Александра восседающим под балдахином на царском троне, началось всеобщее ликование. Лишь немногие догадывались, что недалеко то время, когда македонский царь станет таким же деспотом, каким был до него правитель Персии.

Стремление унижить персов толкнуло Александра на поступок, который бросил тень на его имя и славу победителя. Под предлогом мести за сожжение Афин и разрушение греческих храмов во время похода Ксеркса Александр разрушил замечательный памятник персидского искусства — персепольский дворец. Неизвестно, было ли это сознательной и обдуманной жестокостью или царь поддался минутному увлечению, подстрекаемый своими сотрапезниками, ненавидевшими персов. Как рассказывают

участники похода, Александр сам с венком на голове поднес ко дворцу зажженный факел. С дикими криками радости двигалась за ним толпа македонян и греков. Огонь охватил роскошные залы, в которых хранились созданные трудом многих поколений сокровища искусства, и через несколько часов от самого красивого здания персидской столицы остались только пепел и груда развалин.

Что значили теперь какие-то произведения искусства и даже человеческая жизнь для Александра, разрушившего державу «великого царя» и занявшего его престол! Жестокость, не свойственная ранее молодому царю, теперь свила прочное гнездо в душе всемогущего владыки.

Преследуя бежавшего в Мидию Дария, Александр занял столицу этой страны, город Экбатаны. В окрестностях Экбатан Александру показали пропасть, откуда непрестанно вырывался огонь. Неподалеку из земли сочилась нефть. Местные жители объяснили царю, что эта жидкость способна гореть, как смола, и что вырывающийся из пропасти огонь не потухает, так как источник нефти дает огню все новую пищу. Александру захотелось тут же испытать свойства этой жидкости.

Был среди прислужников царя мальчик Стефан, смешной и невзрачный, но умевший прекрасно петь. Вот этого-то мальчика Александр приказал обмазать нефтью и поджечь, чтобы узнать, сможет ли удивительная жидкость гореть и на человеческом теле: ведь тогда сила ее может быть использована и на войне.

Не ожидавший зла от своего повелителя, Стефан охотно позволил сделать над собой опыт. Только когда испуганный силой пламени Александр отступил, не зная, что делать, Стефан понял, на что его обрекли. К счастью, приближенные царя успели сбить огонь, но мальчик остался калекой на всю жизнь.

Из Мидии Александр поспешил в Парфию, где персы собирали силы для новой борьбы. Здесь находился и Дарий. Однако влияние персидского царя было подорвано страшными поражениями. Ходили слухи, будто Дарий готов вступить в переговоры с Александром и признать македонянина царем Азии, если тот пообещает сохранить ему жизнь.

Эти опасения заставили персидских правителей восточных областей, стремившихся не допустить македонян в свои сатрапии, решиться на низложение царя. Во главе

их стал сатрап Бактрии Бесс. Связав Дария, заговорщики решили увезти его в Бактрию и принудить здесь царя отречься от трона в пользу Бесса.

Известие о том, что Дарий попал в руки Бесса, заставило Александра торопиться. Осуществление планов восточных сатрапов могло надолго затянуть войну.

Взяв небольшой отряд всадников, Александр начал преследование бактрийцев, увозивших Дария. Царь поставил целью во что бы то ни стало нагнать беглецов и не давал своим людям ни сна, ни отдыха. Измученные бешеной скачкой и отсутствием воды, всадники и лошади пришли в совершенное изнеможение. Однажды в полуденный зной отряду повстречались погонщики мулов, у которых в мехах было немного воды. Видя, что царь изнемогает от жажды, погонщики налили ему полный шлем драгоценной влаги. Александр осторожно взял шлем обеими руками и собрался уже пить, как увидел, что все окружающие с жадностью смотрят на него. Преодолев муки жажды, царь вылил воду и сказал: «Я не стану пить один без моих товарищей! Пусть мы все будем в одинаковом положении». Великодушие Александра вызвало восторг его спутников. Теперь царь был уверен, что они для него сделают все, что только в человеческих силах.

Преследование продолжалось, но лошади гибли в безводной пустыне, и только 60 человек было с Александром, когда он, наконец, настиг противника.

Лагерь бактрийцев был покинут. На земле валялись брошенные впопыхах золотые и серебряные вещи; в повозках кричали женщины и дети. Так велик был страх перед Александром, что Бесс и его сторонники даже не думали о сопротивлении. Они бросили все на произвол судьбы и, захватив только лошадей, бежали.

На одной из колесниц македоняне обнаружили труп Дария. Бактрийцы убили его, так как стало ясно, что Александр все равно не прекратит преследования, пока не получит царя живым или мертвым.

Надежды персов на то, что теперь, когда Дарий погиб, Александр прекратит поход на Восток, оказались тщетными. Наоборот, убийство Дария создало завоевателю выгодные условия для прикрытия захватнических целей войны.

Александр притворился глубоко опечаленным смертью персидского царя. Он сам покрыл тело покойного пурпурным

плащом, повелел отвезти усопшего царя в Персеполь и торжественно похоронить там среди могил его предков. Дарий не назначил себе преемника, и в глазах большинства Александр стал наследником, которому по праву победителя должно перейти огромное государство. В борьбе с Бессом Александр выступал теперь не как завоеватель сохранявшихся восточных частей Персидского государства, а как представитель законной власти, стремящийся наказать убийцу предшествующего царя. Та часть населения Персии, которая была верна Дарию, теперь перешла на сторону Александра. Македонский царь смог пополнить свою армию людьми из персидских земель.

Теперь, когда Дария не стало, а его царство перешло к Александру, македоняне и греки не хотели участвовать в трудном походе, цели которого были им совершенно чужды. Все чаще слышались требования македонских солдат разрешить им вернуться на родину, но Александр умел заставить людей следовать за собой.

Выделив из армии наиболее преданную ему часть испытанных воинов, Александр обратился к ним с просьбой не покидать его в чужой стране. Царь напоминал воинам о богатствах, которые они захватили, и с горечью спрашивал, неужели они оставят его одного, его, который завоевал для них вселенную. Александр был хороший оратор; когда он почувствовал, что захватил внимание слушателей, то сказал, что никого не будет удерживать силой и позволит всякому, у кого хватит подлости бросить товарищей, вернуться домой. Воины шумными возгласами выражали свое согласие со словами Александра. Ни у кого не хватило мужества выступить против царя или настаивать на своем желании. Уговорив таким образом часть воинов, Александр без труда заставил продолжать воевать и остальных.

Часть армии во главе с Парменионом Александр оставил в Мидии, а сам с отборными войсками прошел гористой страной южнее Каспийского моря в Парфию, одну из центральных областей Ирана. Отсюда войска Александра выступили в Бактрию. Бесс бежал на север, но местные жители, не желая навлекать на себя гнев Александра, выдали его македонянам. По распоряжению царя он был приговорен к мучительной казни.

Во время восточного похода среди окружения Александра все громче раздавались голоса, призывавшие царя

удовлетвориться захваченным и не стремиться к новым завоеваниям. Наиболее дальновидные люди понимали, что продолжение завоеваний должно привести к неудачам, к восстаниям покоренных народов и, наконец, к потере всего, что приобретено оружием и кровью. Но, опьяненный успехами, Александр не склонен был прислушаться к голосу благоразумия. Завоевание Персии казалось ему только началом великого похода. Впереди мерещилось покорение всей Азии, всего мира.

Царь понимал, что для осуществления этих планов недостаточно войск, которые пришли из Македонии. Но и персидские войска, слабость которых Александр знал лучше кого-либо другого, также были не способны осуществлять его планы. Поэтому царь приказал набрать 30 тысяч персидских мальчиков, чтобы обучить их греческому языку и военным приемам македонян.

Александр стремился расположить к себе местное население. Он женился на дочери знатного персидского вельможи красавице Роксане, отказался от македонской одежды и стал носить персидское платье.

Сначала он стеснялся роскошного царского костюма и носил его только на торжественных приемах или в обществе персов; вскоре, однако, он привык к новым одежам, стал в них выезжать и появляться перед войсками. Все это вызывало раздражение македонских воинов, видевших в поступках Александра стремление отстраниться от своих старых сподвижников, труды и усилия которых сделали его повелителем Азии.

Раздражение против честолюбивого завоевателя сперва проявлялось в насмешках над его одеждой и поведением, а затем переросло в заговоры и покушения на жизнь царя. Первый заговор против Александра организовал македонянин Димн. Оскорбленный поведением царя, он решил убить его и попытался привлечь к участию в этом деле своего близкого друга Никомаха. Тот рассказал о замыслах Димна своему брату, чтобы посоветоваться с ним, как поступить в таком опасном деле. Брат Никомаха донес о заговоре Александру. Отряд телохранителей был послан арестовать Димна. Отважный заговорщик оказал сопротивление и был убит.

Казалось, что с гибелью Димна все нити этого дела оборвались: невозможно было вести следствие и установить других участников заговора.

После этого Александр начал расправляться с наиболее влиятельными македонскими полководцами, недовольными политикой царя. Вдохновителями и организаторами заговора были объявлены старейший и почитаемый македонянами полководец Парменион и его сын Филот, один из храбрейших командиров македонской конницы. Несмотря на то что Филот даже под жесточайшими пытками не сознался в преступлении, он был казнен. Парменион же был тайно убит по приказу царя без всякого суда.

Вскоре после этого Александр сам убил Клита, того, кто спас ему жизнь в битве при Гранике. Во время пребывания македонского войска в Согдиане¹ царю привезли большое количество свежих фруктов из Греции. По этому случаю решено было устроить пир. На пиру стали петь песни, высмеивавшие некоторых македонских полководцев, которые недавно потерпели поражение в бою с местными племенами. Клит возмутился тем, что царь в присутствии персов позволяет издеваться над македонянами. Началась перебранка. Александр, которому песня понравилась, закричал Клиту, что тот оправдывает трусов потому, видимо, что это качество не чуждо ему самому.

— Моя трусость,—воскликнул Клит,—спасла тебя! Где бы ты был сейчас, если бы я опоздал хоть на миг, когда Спитридат при Гранике занес меч над твоей головой? Если ты стал настолько велик, что можешь выдавать себя за сына Зевса-Аммона, то не забывай, по крайней мере, что ты достиг этого кровью македонян.

Эти слова показались Александру вызовом. Швырнув в Клита попавшим под руку яблоком, он потребовал, чтобы ему принесли меч, и приказал трубачу дать сигнал тревоги.

Но Клит, гордый как все знатные македоняне, не пожелал уступить.

¹ Согдиана, северо-восточная сатрапия Персидского государства, занимала область между реками Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, ныне — Таджикистан и Узбекская ССР. Ожесточенное сопротивление согдов и других местных племен заставило армию Александра задержаться в этой области более двух лет, но и за этот срок, несмотря на жестокие карательные меры, македоняне так и не смогли добиться от местного населения покорности. Военные неудачи усилили недовольство политикой царя и были одной из причин, вызвавших случаи открытого возмущения, о которых рассказывается ниже.

— Если ты хочешь слышать только приятное и видеть лишь таких людей, которые пресмыкаются перед твоей персидской одеждой, не надо приглашать к своему столу людей, привыкших к свободе! — закричал он.

Друзья, желая погасить внезапно вспыхнувшую ссору, заставили Клита выйти из зала, но вскоре он вернулся и, встав в дверях, прочел стихи знаменитого Еврипида из «Андромахи»:

Как плох обычай наш! Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один хвалу себе берет.

Не долго думая, Александр выхватил из рук одного из телохранителей копье и метнул его в Клита, который упал, обливаясь кровью. Так Александр убил спасшего ему жизнь друга только за то, что тот вступился за своих товарищей и честно сказал царю то, о чем давно думали все его соратники.

Вскоре после этого был раскрыт новый заговор против Александра. При штабе македонской армии имелась большая группа знатных молодых людей, которые обучались военному делу, одновременно прислуживая царю и выполняя его поручения. Их подготавливали к тому, чтобы со временем они могли занять высшие командные должности в войске. Юноши ели за царским столом и всюду сопровождали царя, составляя часть его охраны. Однажды, на охоте, один из этих знатных юношей Гермолай убил кабана, которого собирался убить Александр. Разгневанный царь приказал за это высечь молодого человека плетью. Друзья наказанного были возмущены и составили заговор с целью убить Александра. Однако один из них испугался и выдал заговорщиков.

Александр лицемерно отказался судить юношей и передал их для суда и наказания воинам. Стремясь доказать свою преданность царю, воины приговорили заговорщиков к смерти и побили их камнями.

И на этот раз Александр не удовлетворился наказанием виновных, а воспользовался раскрытием заговора, чтобы расправиться с неугодным ему человеком.

Был среди спутников царя ученый грек Каллисфен, двоюродный племянник великого Аристотеля. Он вырос

в доме своего великого учителя, который рекомендовал его Александру.

Каллисфен был взят в поход, с тем чтобы составить его подробное описание и сохранить в памяти потомков подвиги царя. Ученый аккуратно вел летопись похода и, восторгаясь смелостью и решительностью Александра, пользовался расположением всемогущего владыки. Но когда Александр перенял персидские обычаи и стал жестоким деспотом, Каллисфен стал избегать посещений пирушек и торжественных обедов царя. Как и подобает истинному мудрецу и честному человеку, Каллисфен пытался использовать свое влияние на царя, чтобы отвратить от перенимания таких восточных обычаев, которые унижали достоинство подданных и развращали душу самого Александра.

Когда льстецы, наперебой стремившиеся выслужиться, стали падать ниц перед Александром, царю это так понравилось, что он даже разрешал целовать себя тому, кто распахнется перед ним.

Каллисфен не захотел отвесить царю земного поклона, и рассерженный царь лишил его обычного знака милости.

— Ну что же, — независимо сказал философ, — будет одним поцелуем меньше!

Свита Александра прониклась после этого случая большим уважением к Каллисфену и говорила, что он «единственный свободный человек» из всего окружения царя.

Каллисфен был привлечен к делу о заговоре против царя. Несмотря на то что никто из осужденных даже не упомянул имени ученого, Александр приказал подвергнуть Каллисфена строгому заключению, во время которого тот и умер. Однако это не уменьшило ненависти царя к ученому. В письмах домой Александр обещал по возвращении наказать и своего учителя Аристотеля за то, что тот рекомендовал ему человека, осмелившегося столь открыто выразить царю свое неодобрение.

Около четырех лет прошло после битвы при Гавгамелах, а Александр готовился к новым завоеваниям. На этот раз он мечтал захватить богатую область реки Инда и добраться на Востоке до великой реки Океан¹,

¹ По представлениям древних, река Океан со всех сторон обтекала земли, расположенные вокруг Средиземного моря. Полагали, что эта река начинается у Западной Европы (Атлантический океан), проходит южнее Африки, Аравийского полуострова, затем огибает

за которой, как думали в то время, находится конец света.

Перейдя горный хребет Гиндукуш, который приняли за Кавказ, македоняне очутились в Индии — богатой стране с прекрасными пастбищами и замечательными фруктовыми деревьями. Однако климат этой богатой страны показался македонянам тяжелым и непривычным. Страшная жара сменялась такими сильными дождями, от которых даже реки выходили из берегов. Население страны распадалось на множество мелких государств, правители которых враждовали между собой.

Войска Александра пересекли Инд в его среднем течении и углубились в область, орошаемую притоками этой могучей реки. Здесь, между Индом и одним из его левых притоков Гидаспом¹, находилось государство могущественного царя Таксила, добровольно присоединившегося к Александру, чтобы вместе с ним идти на своего постоянного врага Пóра, владения которого начинались восточнее Гидаспа.

Подойдя к реке (июнь 326 г. до н. э.), Александр увидел на противоположном берегу сильное войско Пóра, в котором были не только пехота и всадники, но и множество боевых колесниц и несколько сот слонов. Безнадежно было и пытаться прорваться на тот берег, пока там стояли такие силы. Александр вынужден был пуститься на хитрость. Делая вид, что готовится форсировать реку в том месте, где против него стояла армия Пóра, Александр с частью пехоты и отборных всадников незаметно поднялся несколько вверх по реке, где и переправился на другой берег.

Когда догадавшийся о происшедшем Пóр направил против македонян свою кавалерию и часть боевых колесниц, отряд Александра сумел отбиться. Пóр сам выступил против переправившейся армии Александра со всем своим войском. Бой был упорным и длился 8 часов. Индийцы потеряли несколько тысяч человек и почти всех своих

Индию и с севера Европу. Размеры материков во времена Александра представляли себе значительно меньше действительных, чем и объясняется, что Гиндукуш принимали за продолжение Кавказа, а Аральское море — за часть Каспийского, которое считали заливом Северного Океана.

¹ Современная река Бехат, или Джелам.

предводителей. Сам Пору, сражавшийся на боевом слоне, был тяжело ранен и захвачен в плен.

Потери македонян также были огромны. Александр понял, что, если он не хочет, чтобы вся Индия объединилась в борьбе с ним, как это было в Согдиане, необходимо вести себя милостиво с побежденными и привлекать местных правителей на свою сторону. Поэтому царь не только не казнил Пору, но даже отдал ему в управление область, которой он владел раньше. Чтобы обеспечить верность Пору, он расширил территорию его страны, подчинив ему 15 прежде независимых племен. Теперь, утратив свою свободу, они ненавидели Пору, и царь для того, чтобы сохранить свою власть, не мог обойтись без поддержки македонян.

Александр пришлось оставить значительную часть своей армии в долине Гидаспа для поддержки Пору и Таксила. Чтобы обеспечить оставшимся воинам безопасность, Александр построил ряд крепостей. На месте победы над войсками Пору царь построил большой город и назвал его Никеей (по-гречески «Победный»), а несколько севернее, где была совершена переправа, поставил город Буцефалию, в честь своего боевого коня, который здесь издох от старости.

Битва с Пором подорвала силы и мужество македонян: они убедились, что в Индии еще много племен, которые способны продолжать сопротивление.

Чтобы поднять дух утомленных воинов, Александр прибег к беспощадной строгости. Он наказывал смертью всех нарушителей дисциплины, не взирая на их прежние заслуги и высокие должности. Александр старался увлечь солдат личным примером. Никогда еще македонский царь так часто не подвергал свою жизнь такой опасности и не получал таких серьезных ранений, как во время похода в Индию. При штурме одной крепости в области индийского племени маллов он едва не был убит. Увлекая за собой своих воинов, Александр во главе горсти телохранителей первым вскарабкался на стену и прыгнул внутрь крепости. В этот момент лестница, по которой следовали остальные, обломилась, и царь оказался среди врагов. Видя, что в крепости находится только Александр и его два оруженосца, маллы смело набросились на них. Царь и оба телохранителя отчаянно защищались, но скоро один из них был убит, а сам Александр получил несколько тя-

желых ран и упал на колени у стены. Только его храбрый оруженосец Певкест держался еще на ногах и мужественно защищал царя, заслонив его своим телом. Подоспевшие в последний момент македоняне вырвали потерявшего сознание Александра из рук маллов и отнесли в палатку. Царь долгое время не мог оправиться от этих тяжелых ранений, и здоровье его было подорвано.

Не в силах сломить сопротивление покоренных им народов, Александр все чаще жестоко и вероломно расправлялся с противниками. В одном из городов отряд индийских наемников упорно защищался до тех пор, пока македоняне не согласились выпустить их свободно с оружием и ранеными товарищами. Соглашение было заключено, и индийские наемники, доверяя слову Александра, покинули свои укрепленные позиции и хотели разойтись по домам. Однако македонский завоеватель нарушил свое обещание и, напав на них, перебил всех до последнего человека.

В другой раз Александр, вопреки законам войны, приказал повесить мирных жителей, индийских жрецов, только за то, что они убеждали индийцев отстаивать свою независимость.

Однако жестокие расправы не запугали индийцев, а только усилили их сопротивление завоевателям.

Александр считал, что сразу за долинами Инда и его притоков должен находиться конец обитаемой земли. Теперь из расспросов индийцев стало ясно, что до «конца земли» еще очень далеко. Войска дошли до самого восточного из притоков Инда, реки Гифасиса¹. Александр узнал, что за рекой простирается пустыня, перейдя которую можно попасть в долину реки Ганг, где обитает множество народов и находятся богатые и многолюдные государства.

Даже тени сомнения не появилось у Александра в том, сумеет ли он с растаявшей наполовину армией покорить остальные народы мира. Упоенный своим величием, считая, что ему, сыну Аммона, предназначено стать господином всей земли и всех народов, царь отдал приказ двигаться дальше на Восток. Но тут, на Гифасисе, Александр впервые столкнулся с противником, сопротивление которого не смог одолеть ни подкупом, ни жестокостью.

¹ Ныне река Сатледж.

Этим противником была его собственная армия. Воинов нельзя было заставить выступить ни угрозами, ни посулами. Бессмысленность дальнейшего похода была ясна всем, кроме Александра. Царь понял, что ему придется уступить.

На три дня Александр заперся в своей палатке, не желая видеть никого из своих полководцев. Наконец, он вышел к воинам и объявил, что войско возвращается на Запад. Александр не мог допустить, чтобы обратный путь выглядел отступлением. Было объявлено, что царь решил увидеть Океан и подчинить племена, жившие в устье Инда.

Было построено около двух тысяч лодок и плотов. На них была посажена часть пехоты. Караван двинулся вниз по течению реки к «Внешнему морю», как тогда называли Индийский океан. Остальное войско сопровождало суда, двигаясь по обоим берегам реки.

Путь не был спокойным: то и дело приходилось высаживаться на берег и выдерживать тяжелые битвы с местными племенами и народами. Около семи месяцев длилось плавание. Наконец, македоняне достигли Индийского океана. Здесь войско разделилось. Александр считал необходимым исследовать морской путь из Индии к Персидскому заливу и, поручив корабли опытному флотоводцу греку Неарху, приказал ему плыть к устью Евфрата. Большая часть армии во главе с самим царем двинулась на запад вдоль берега Индийского океана. Во время двухмесячного перехода по жаркой и безводной пустыне македонское войско испытало такие страшные лишения, что из огромной, более чем сотысячной армии, с которой Александр вторгся в долину Инда, осталось в живых меньше четвертой части. Опасные болезни, страшная жара и голод истребили больше солдат, чем самые кровопролитные сражения.

Македоняне шли через страну, население которой не знало еще земледелия и было так бедно, что даже самые богатые из местных жителей имели всего по несколько овец, которых они за недостатком травы кормили иногда рыбой.

В изношенной одежде, почти без оружия, потеряв всех лошадей и вьючный скот, македоняне достигли главного города персидской сатрапии Гедрозии (нынешнего Белуджистана).

В столице Гедрозии было заранее приготовлено все необходимое для возвращающейся армии. Александр дал войску отдых, а затем приказал идти через Персию к Вавилону. Царь стремился создать впечатление, что люди погибли не зря и индийский поход увенчался грандиозным успехом.

По приказу Александра возвращение армии приняло характер торжественного шествия. Войско шло медленно, делая частые остановки. Впереди на колеснице, запряженной восьмеркой лошадей, ехал сам царь, окруженный пышной свитой. За ним двигались бесчисленные колесницы, на которых ехали его друзья и военачальники. Дальше следовало остальное войско. Нигде не было видно ни щита, ни шлема, ни копья. Всю дорогу солдаты кружками, бокалами и кубками черпали вино из огромных глиняных сосудов и пили за успешное окончание похода. Одни продолжали идти вперед, другие, опьянев, падали наземь и оставались лежать, пока их не поднимали. Везде раздавались звуки флейт, слышалось пение. Процессия напоминала скорее праздник в честь греческого бога виноделия Вакха-Диониса, чем возвращение армии.

Так завершился восточный поход Александра, и воины вернулись в Вавилон, куда по реке Евфрату приплыл и Неарх со своим флотом.

Долгое отсутствие Александра и неоднократно распространявшиеся слухи о его гибели привели к тому, что во время его отсутствия в стране начались восстания против македонян. Многие персидские вельможи и македонские военачальники, поставленные Александром во главе огромных сатрапий, изменили царю и стремились стать в своих владениях независимыми государями.

Сразу же после возвращения из Индии македонский завоеватель должен был снова выступить в поход против восставших племен и непокорных сатрапов. Действия Александра, как обычно, отличались быстротой и жестокостью: многие знатные персы, греки и македоняне были казнены, возмущившиеся племена приведены к повиновению.

Хотя начавшийся распад громадной империи ясно показал, что старая персидская система управления ненадежна, царь все-таки решил сохранить ее в неприкосновенности. Он надеялся, что эта организация государства,

просуществовавшая столь долгое время, сумеет обеспечить прочность его завоеваний.

Александр подражал древним властителям. По обычаю персидских царей-завоевателей, возвратясь из индийского похода, он подарил каждой женщине по золотой монете. Он восстановил разрушенную македонянами гробницу основателя Персидского царства Кира. Чтобы прекратить вражду между победителями и побежденными и сплотить их в единый народ, Александр потребовал от своих солдат и полководцев, чтобы они женились на персиянках.

В Сузах Александр устроил грандиозную свадьбу. По обычаю персов, он взял себе вторую жену Статиру, дочь доведенного им до гибели персидского царя Дария III. Одновременно его ближайшие друзья и сподвижники, всего около 80 человек, женились на знатных персиянках. Десять тысяч простых воинов тоже праздновали в этот день свадьбы с местными женщинами. Всем этим воинам царь обещал заплатить их долги, как бы велики они ни были. По случаю свадьбы был устроен роскошный пир, и каждому гостю Александр подарил по золотой чаше.

Однако все попытки царя сплотить македонян и греков с персами потерпели крах. Персы, еще хорошо помнившие о своей недавней независимости и господствующем положении в государстве, ненавидели завоевателя и были ненадежной опорой. Недовольство греков и македонян продолжало расти. Особенно сильное возмущение воинов вызвало решение Александра включить в армию те 30 тысяч молодых персов, которые по его приказу проходили у греков обучение военному делу.

Когда царь устроил неподалеку от Вавилона в городе Описе торжественное прощание с отправляемыми на родину больными и ранеными воинами, македонские войска взбунтовались и потребовали, чтобы он отпустил домой всех. Александру это требование показалось чудовищной неблагодарностью. Сперва он попытался усмирить бунт силой. Выйдя к войску, он вытащил из строя 13 воинов, которые, как ему показалось, кричали громче других, и тут же приказал их казнить. Когда стало ясно, что солдаты не испугались этой расправы и бунт может перерасти в большое восстание, Александр изменил тактику. Теперь он пытался уговорить солдат, вызвать жалость к себе у старых соратников.

— Идите,— кричал он воинам,— и скажите всем, что вы покинули своего царя на попечение тех врагов, с которыми он только что воевал!

Александр обещал щедрые подарки, и ему еще раз удалось уговорить большинство македонян остаться. Только 10 тысяч, твердо настаивавших на своем намерении, были отправлены на родину.

На вершине своих успехов, добившись осуществления самых смелых замыслов, Александр чувствовал себя совершенно одиноким, лишенным всякой опоры. Огромная империя, неограниченным властелином которой он был, несмотря на кажущуюся покорность и спокойствие, таила в себе грозные и враждебные силы. Достаточно было одного неверного шага, малейшей ошибки, незначительного поражения, и повсюду снова могло вспыхнуть всеобщее возмущение.

Понимая всю опасность своего положения, некогда бесстрашный македонский завоеватель стал трусливым и суеврным. Его терзал страх. Он старался узнать свою судьбу и проникнуть в будущее. Царский дворец наполнили жрецы и гадалы, прорицатели и другие обманщики, пользующиеся душевной слабостью царя.

Александр не доверял самым близким друзьям. Ему всюду мерещились заговоры и измена. Даже старый друг его отца, полководец Антипатр, которому Александр, отправляясь в Персию, доверил управлять Грецией и Македонией, внушал теперь царю страшные опасения.

Александр считал, что только с помощью страха, внушаемого своим подданным, он сможет сохранить власть. Ему нужно постоянно поражать воображение покоренных народов грандиозными предприятиями, все новыми победами внушать им веру в свое всеисие. Только так надеялся он удержать в повиновении многочисленные подчиненные ему народы.

У Александра не было пути назад; он не мог остановиться, отдохнуть, оглядеться. И царь разрабатывает все более смелые, фантастические проекты. Он готовит большую морскую экспедицию во главе с Неархом, которая должна объехать Аравию и Африку и вернуться через Гибралтарский пролив в Средиземное море. Царь готовил грандиозный поход на Запад для покорения Северной Африки, Италии и Испании. В связи с этим он собирался строить дорогу через пустыню Сахару и прорыть

вдоль нее колодцы. Три тысячи греческих мастеров и ученых работали над углублением русла реки Евфрат и превращением города Вавилона в морской порт.

Архитектор Стасикрат предложил превратить гору Афон во Фракии в гигантскую статую Александра. На ладони левой руки эта статуя должна держать целый город с десяти тысячным населением, а из правой руки должен был вытекать горный поток, впадающий в море.

Все эти планы показывали, что македонский завоеватель, упоенный своими успехами, утратил чувство реальности. Сподвижники царя понимали, что попытки осуществления этих проектов только ухудшат и без того опасное положение, в котором оказались завоеватели. Надо было думать не о покорении новых стран, а о сохранении уже завоеванных территорий, хотя бы ценой уступки некоторых наиболее отдаленных и беспокойных областей. Но Александр не считался ни с чьим мнением, кроме своего, да и высказывать мнение, отличное от царского, теперь уже никто не решался. Александр верил в свою удачу и не сомневался, что ему удастся все, что бы он ни задумал. Даже сама природа, считал он, должна будет уступить ему: чтобы доказать это себе и другим, царь назначил начало африканского похода на самые жаркие летние месяцы.

Однако этому походу не суждено было начаться. В разгар приготовлений к нему Александр внезапно захворал и, проболев всего несколько дней, скончался 13 июня 323 г. до н. э. на тридцать третьем году жизни.

Тотчас ближайшие сподвижники Александра стали спорить о том, кому должна перейти власть в огромном созданном его завоеваниями государстве. Александр не назначил наследника, жена его только ждала ребенка, сводный брат был слабоумным. Каждый из полководцев мечтал, выдвинув своего кандидата на престол, править от его имени. Еще не успели похоронить завоевателя, как ссоры у гроба перешли в вооруженные столкновения. Скоро эти столкновения переросли в войну, и огромная империя, созданная Александром, распалась. Она была недолговечна потому, что объединяли ее только сила и страх.

Судьба Александра показывает, как изменился его характер, когда силой обстоятельств он достиг неограниченной власти и получил возможность бесконтрольно распоряжаться сотнями тысяч себе подобных.

Подозрительность и жестокость, презрение к окружающим и боязнь заговоров появились у Александра только после того, как он достиг могущества, которым не обладал до него ни один человек. И даже хорошие качества Александра под влиянием лести и всеобщего поклонения переродились: честолюбие перешло в тщеславие, смелость в безрассудство, гордость в манию величия.

АГИС

(III в. до н. э.)

Греция уже около ста лет томилась под владычеством Македонии. Зажиточные граждане не только примирились с таким положением, но были даже рады ему: в македонянах они видели защитников от бедняков, угрожавших их богатству. Борьба между богатыми и бедными продолжалась по всей Греции. Всюду свободные бедняки жили в страшной нищете и были готовы подняться против богатей и их покровителей — македонян.

Особенно тяжелым было положение простого народа в Спарте. Все земельные и денежные богатства сосредоточились там в руках кучки богатей. Полноправных граждан (спартиатов), владевших некогда равными участками

земли, теперь оставалось несколько сот семей; из них только около сотни имели земельные участки; у остальных не было ни земли, ни имущества, и они были гражданами только по имени.

Прочее население Спарты состояло из пери́эков (неполноправных жителей), иностранцев и илóтов — рабов.

Периэки должны были нести военную службу и все тяжелые государственные повинности, а также платить различные налоги. Спартанские законы, запрещавшие спартиатам заниматься ремеслом и торговлей, не распространялись на периэков. Поэтому среди них было немало зажиточных людей, но большинство периэков, вследствие своего бесправия, тяжелых налогов и законов, ограничивающих торговлю, бедствовали.

Богачи утопали в роскоши, которая вызывала удивление даже иностранцев. Под видом восстановления старинных общих обедов (сиссítий¹) богачи устраивали в своих великолепных дворцах роскошные пиршества. Зато простой народ ютился в жалких хижинах, не имея подчас и куска хлеба.

В руках богачей и их ставленников находилась вся власть в государстве. Народное собрание не имело силы. Всеми государственными делами распоряжались коллегия эфóров и совет старейшин (геронтов) — исполнители воли богачей. Командование было вверено двум царям, которые имели власть только на войне. Цари принадлежали к двум враждовавшим между собой семьям (домам) — Еврипóнτιдов и Агиáдов. Эфоры старались поддерживать вражду между царями, чтобы, пользуясь ею, самим управлять Спартой.

Спартанское государство некогда было самым могущественным в Греции, теперь же оно находилось в глубоком упадке. С помощью наемного войска спартанцы вели бесконечные войны с соседями из-за пограничных земель. Военные расходы ложились тяжелым бременем на народ, периэков и иностранцев. Богачи, разумеется, совершенно не заботились о народных интересах, сам же народ под гнетом такой жестокой нужды думал лишь о ежедневном пропитании и неохотно защищал родину от внешних врагов. Перестали посещаться гимнасии и сисситии, никто не

¹ См. выше биографию Ликурга.

заботился о народных нуждах, о благе и могуществе государства.

Таково было положение в Спарте, когда на престол вступил молодой царь Агис IV (около 245—241 гг. до н. э.). Агис был шестым преемником царя Агесилая, жизнь которого мы уже знаем. Агис воспитывался своей матерью Агесистратой и бабушкой Архидамией. Эти женщины принадлежали к числу самых богатых в Спарте. Детство Агис провел в роскоши, и воспитатели менее всего готовили его к будущей деятельности преобразователя. Все же молодой царь получил достаточное образование, а самое главное, проникся любовью к обездоленному народу и твердым желанием улучшить его положение и восстановить былое могущество Спарты.

По уму и высоким душевным качествам Агис не только превосходил второго царя Леонида, но был одним из самых выдающихся людей своего времени. Скоро он сделался любимцем простого народа Спарты.

Тяжело переживая упадок родного города, он понял, что только коренные реформы могут помочь народу и воскресить могущество государства. «Прежде всего,— думал Агис,— необходимо вернуть народу захваченные богачами земли и имущество, уничтожить долги и пополнить число полноправных граждан за счет периеков и иностранцев».

Двадцати лет от роду царь стал готовиться к выполнению своего великого плана. Он переменил образ жизни, отказался от роскошных одежд и изысканной пищи, вернулся к старинной спартанской простоте, с гордостью носил грубый плащ и ел черную похлебку. Этим он хотел показать пример богатым согражданам, призывая их вернуться к суровой жизни предков. Такое поведение молодого царя многим спартамцам казалось странным и неподобающим царскому достоинству.

Спартанские цари в то время уже переняли образ жизни восточных властителей: они ходили в роскошных одеждах, имели множество слуг и т. д. Товарищ Агиса по правлению, второй царь Леонид жил в роскоши и обращался с народом заносчиво и надменно.

Хотя поведение Агиса казалось многим удивительным и необычным для спартанского царя, но еще более поразили всех его слова о том, что он намерен восстановить древние законы, разделить земли и уничтожить долги.

Простой народ и образованная молодежь с восторгом откликнулись на призыв царя. Юноши были полны любви к родине и стремления возродить ее былую славу.

Ярыми противниками Агиса сделались, конечно, богачи, во главе которых стал царь Леонид. Он принадлежал к другой царской семье, Агиадов, всегда враждовавшей с Еврипонтидами, из которых происходил Агис.

Леонид вступил на престол уже стариком после смерти своего племянника, малолетнего царя; свою молодость он провел при дворе сирийского царя Селевка и там усвоил восточные обычаи. Простой народ не любил Леонида. Из страха перед народом старый царь не решился выступить открыто против предполагаемых преобразований, а тайно вредил молодому царю. Леонид говорил, будто Агис в награду за раздел земли и имущества богачей потребует, чтобы его провозгласили тираном.

Несмотря на противодействие Леонида и его единомышленников, Агису удалось привлечь на свою сторону некоторых влиятельных и богатых людей: Лисандра (потомка знаменитого Лисандра), Мандрокліда и, наконец, своего дядю с материнской стороны Агесилая. Однако дядя царя Агесилай примкнул к замышляемому перевороту из корыстных соображений, в надежде избавиться от своих огромных долгов.

Затем Агис рассказал свой план бабке и матери и другим богатым и влиятельным женщинам. «Богатством,— говорил он,— я не могу сравняться с другими царями. Только умеренностью, простотой, презрением к богатству могу я стать выше их роскоши. Возвратив народу равенство и общее владение имуществом, я приобрету имя и славу истинно великого царя». Царь просил мать и бабушку отдать их огромные богатства на благо родины. Мать сначала испугалась замысла молодого царя и пыталась отговорить сына. Потом, увлеченная его благородным порывом, она стала вместе с другими женщинами торопить его приняться за дело. Она приглашала к себе знакомых знатных и богатых женщин и советовала им употребить их влияние на мужей, отцов и братьев в пользу плана молодого царя.

Агис начал с того, что провел в члены коллегии эфоров своего единомышленника Лисандра. При посредстве Лисандра он внес в совет старейшин проект закона (рётру) об уничтожении долгов и разделе земли.

По новому закону предполагалось отменить долги, разделить всю землю в государстве на 4500 больших участков для спартиатов и 15 000 меньших, которыми будут владеть периэки. В число спартиатов Агис хотел включить некоторых периэков и молодых иностранцев, физически здоровых и получивших воспитание свободного человека. Вместе с тем восстанавливались забытые уже сисситии; для этого образовалось пятнадцать товариществ, по 300 членов в каждом. Все члены товарищества должны были вносить свою долю продуктов питания и подчиняться древней военной дисциплине.

Сторонники Агиса — Лисандр, Мандроклид и Агесилай — убеждали народное собрание (апеллу) и старейшин (геронтов) принять закон. Однако среди геронтов не было единодушия. Тогда выступил с горячей речью царь Агис. Он напомнил о воинской славе и доблести предков, взывал к совести и долгу спартанцев. Он призывал возродить могущество Спарты и заявил, что жертвует на благо родины свои огромные богатства (до 600 талантов) и земельные участки. То же сделают, как он обещал, его мать, бабушка, родственники и друзья — первые богачи в Спарте.

Народ встретил это заявление молодого царя бурным одобрением. Когда улеглось ликование народа, приветствовавшего реформу молодого царя, поднялся царь Леонид и ядовито спросил Агиса, почему же он выдает свою ретру за восстановление подлинных ликурговых законов. «Ликург ведь, — сказал он, — не мог требовать отмены долгов и передела земли, да и предлагаемое принятие в число граждан иностранцев противоречит закону Ликурга, который учил ненавидеть иностранцев». Агис, отвечая Леониду, сказал: «Понятно, что ты плохо знаешь закон Ликурга, так как ты все время жил при дворах восточных царей и даже женился на бывшей жене одного из сатрапов. А то бы ты знал, что Ликург вместе с деньгами уничтожил в Спарте и должников и займодавцев. Что же касается иностранцев, то Ликург изгонял только тех из них, кто показывал своим образом жизни дурной пример гражданам».

В совете старейшин голоса геронтов разделились почти поровну. Противники реформы одержали победу всего лишь большинством одного голоса.

Тогда Агис и его друзья задумали действовать не убеждением, а силой. Для этого им надо было прежде

всего устранить царя Леонида. Лисандр в качестве эфора решил привлечь его к суду в силу древнего закона, который запрещал спартанским царям жениться на иностранках. Для этого он ловко использовал против царя один старинный обычай.

Обычай этот состоял в том, что через каждые девять лет эфоры в светлую и безлунную ночь в особом помещении наблюдали небесные явления. Если в это время на небе они видели падающую звезду, то это считалось знаком, что один из спартанских царей неугоден богам. В таких случаях царей вызывали в суд и разбирали все их поведение с самого рождения.

И вот Лисандр заявил, что видел, как упала звезда. Поэтому царь Леонид был привлечен к суду. Свидетели показали, что во время пребывания в Азии он женился на дочери сатрапа и имел от этого брака двоих детей. В силу спартанского закона Леонид должен был лишиться престола. Однако он не явился в суд и, не дожидаясь приговора, бежал в храм Афины Меднодомной¹ (по греческим обычаям храмы считались неприкосновенными; в них находили убежище обвиняемые и преступники). Тогда эфоры объявили его лишенным престола и избрали царем его зятя Клеомброта — сторонника реформы. Дочь Леонида, жена Клеомброта, покинула мужа и, явившись в храм, где нашел убежище отец, стала вместе с ним умолять народ о защите.

Между тем, несмотря на удар, нанесенный главному противнику, власть царя Агиса была очень непрочной: истек срок полномочий эфоров и были избраны новые. Новая коллегия оказалась целиком из сторонников бывшего царя Леонида. Вступив в должность, эфоры разрешили Леониду выйти из убежища и обвинили Лисандра и Мандроклида в противозаконных действиях.

Самим царям Агису и Клеомброту грозила участь Леонида, если не будут приняты быстрые и решительные меры. Тогда оба царя с толпой своих сторонников явились на городскую площадь, где заседали эфоры, и прогнали их, назначив на их место других. В числе новых эфоров был и дядя царя Агесилай. В то же время цари вооружили

¹ Богиня *Афина* — одно из главных греческих божеств. Она имела в Спарте местное прозвище «Меднодомной», потому что стены ее храма были обшиты медными листами.

многих своих приверженцев и освободили из тюрем неплатных должников. Эти меры навели страх на противников реформ: они ожидали со стороны царей насилий и убийств. Цари, однако, никого не казнили. Агис даже помог бежать своему врагу Леониду в аркадский город Тегею.

Таким образом, казалось, все препятствия для проведения реформ были устранены. Но среди самих помощников Агиса нашелся человек, который сумел испортить все дело. Этот человек был дядя Агиса, Агесилай. Он стал убеждать Агиса и Лисандра отложить главную реформу — раздел земель и имущества, — а начать с уничтожения долгов.

Сам Агесилай мечтал избавиться от огромных долгов, но вовсе не хотел отдавать народу свои крупные поместья. Он говорил своему племяннику, что, если обе меры — передел земли и отмена долгов — будут проведены одновременно, то начнутся волнения: крупные землевладельцы объединятся с ростовщиками-займодавцами; лучше будет поэтому сначала отменить долги; тогда, по его словам, землевладельцы, благодарные за отмену долгов, легче примирятся с переделом земли. Царь согласился.

В один прекрасный день все долговые обязательства были снесены на площадь и торжественно сожжены.

Зрелище это, конечно, не всем понравилось: богачи-займодавцы ушли с площади, затаив злобу против царей и Агесилая. Народ ликовал, но требовал немедленного раздела земель и имущества богачей.

Законодатели, мечтавшие возродить могущество Спарты, решили приступить теперь ко второй, самой важной части реформы — раздать землю и создать слой крепких землевладельцев, способных с честью воевать за родину. Но теперь тот же Агесилай сумел опять воспрепятствовать реформе: он был неистощим на всяческие выдумки и отговорки, лишь бы только затянуть дело.

Между тем внешние дела Спарты требовали выступления царя Агиса в поход. Пришлось отложить до окончания войны дальнейшие преобразования государственного строя.

В эпоху могущества Македонии в Греции образовались два крупных объединения государств — Этолийский союз (в Западной Греции) и Ахейский союз (на севере Пелопоннеса). Целью этих союзов была борьба против

македонского влияния, но союзы эти часто воевали друг с другом и с остальными греческими государствами.

Ахейский союз вместе со Спартой воевал в это время против этолийцев. Глава Ахейского союза, стратег Арат, ожидал вторжения этолийцев в Пелопоннес и призвал на помощь царя Агиса.

Агис прошел со своим отрядом весь Пелопоннес, всюду беднота с радостью встречала его, ожидая помощи против богачей. Наоборот, богатые с неудовольствием и подозрением следили за движением спартанцев, боясь, что те возбудят всеобщее восстание бедноты.

Отряд Агиса состоял в большинстве из людей, только недавно освободившихся от долговых обязательств. Его воины надеялись по возвращении из похода получить участки, нарезанные из земель, отобранных у богачей; потому все войско было искренне предано своему молодому полководцу, в нем царили строгая дисциплина и горячее воодушевление. Глава Ахейского союза Арат боялся революционного настроения бедноты в Пелопоннесе, поддерживаемого присутствием спартанцев. Он решил поскорее отделаться от Агиса и его войска. Поблагодарив царя за помощь, он отпустил своих союзников.

Агису пришлось возвратиться в Спарту. Здесь он нашел полную перемену настроения граждан. Противники реформы, ободренные отсутствием царя, подняли голову; народ же, возмущенный отсрочкой раздела земель и имущества, волновался.

Поводом для открытого выступления противников Агиса послужили незаконные действия и насилия дяди царя, эфора Агесилая. Он в отсутствие племянника сбросил маску сторонника реформы и откровенно стремился к власти и личному обогащению. Так, например, желая принудить народ уплатить налоги за лишний месяц, он добавил в календарь тринадцатый месяц, хотя в этом году это не полагалось¹. Затем Агесилай окружил себя вооруженной охраной. К народу он относился высокомерно, с презрением. В довершение всего этот зазнавшийся человек объявил, что если он будет и на сле-

¹ У греков был лунный календарь; лунный год не точно соответствует солнечному году (времени обращения земли вокруг солнца), лунный месяц меньше солнечного. Чтобы времена года начинались всегда в одни и те же месяцы, приходилось время от времени вводить лишний месяц.

дующий год эфором, то расправится со всеми своими врагами.

Агис, будучи по натуре человеком мягким и доверчивым, не сумел вовремя положить конец беззаконию Агесилая. Вместо решительных и смелых мероприятий, нужных в такой момент, царь бездействовал, не зная, за что взяться. Такая нерешительность Агиса в глазах народа была свидетельством его измены народному делу и сочувствия насилиям Агесилая. Все думали, что и царь заодно с Агесилаем и обманывает народ.

Враги реформы и Агиса между тем решили восстановить Леонида на престоле. Они набрали наемников и с их помощью вернули бывшего царя из изгнания. Дело Агиса было теперь окончательно проиграно.

Народ не понимал еще, какой опасности подвергается его защитник Агис, а с ним и судьба реформы. Народная ненависть была обращена в этот момент всецело против Агесилая, и потому народ отнесся равнодушно к возвращению старого царя Леонида.

Вернувшись снова к власти, Леонид немедленно начал расправу со своими противниками. Агесилаю удалось спастись бегством из города. Оба царя должны были искать убежище в храмах богов. Агис бежал в храм Афины Меднодомной, а Клеомброт — в храм Посейдона¹.

Дочь Леонида и жена Клеомброта, Хилонида, узнав о несчастье мужа, села перед храмом, непричесанная, в грязной одежде в знак печали, и умоляла вместе со своими детьми народ и царя о защите. Обращаясь к царю Леониду, она сказала: «Если тебя не трогает, отец, горе твоих внуков и слезы дочери, то знай, что муж будет наказан строже, чем ты хочешь: первой на его глазах умрет его любимая жена, твоя дочь».

Вспомнив, что Хилонида раньше просила и за него, Леонид ради дочери пощадил зятя и отправил его в изгнание. Хилонида же вновь пошла в изгнание, на этот раз вместе с мужем и детьми.

Так неожиданно для нее самой дочерняя верность спасла Хилониду мужа, хотя отец его и ненавидел. Что касается царя Клеомброта, то он мог, имея такую преданную жену, считать изгнание бóльшим счастьем, чем обладание царской властью.

¹ *Посейдѳн* — бог моря.

Затем царь Леонид устранил прежних эфоров и назначил на их место своих сторонников.

Теперь месть Леонида и эфоров обратилась против Агиса. Сначала Леонид пытался лживыми обещаниями прощения убедить несчастного беглеца выйти из храма. Агис не верил своему врагу и продолжал оставаться в храме. Однако, покинув на короткое время свое убежище для того, чтобы выкупаться, он был окружен, изменнически схвачен подосланными людьми, которых считал своими друзьями, и брошен в тюрьму. Это произошло рано утром, до рассвета, улицы города были пусты, и никто из граждан не пришел на помощь царю.

Опасаясь народного возмущения и попыток освобождения Агиса, эфоры и геронты решили немедленно покончить с ним. Эфоры явились в тюрьму и начали допрос Агиса, лицемерно требуя, чтобы тот оправдывался, как будто дело шло о настоящем, справедливом суде. «Действовал ли ты по собственному побуждению, или тебя принуждали Агесилай и Лисандр?» — спросил царя один из эфоров. «Никто меня не принуждал, — отвечал царь. — Я действовал так, желая восстановить древние законы Ликурга». «Раскаиваешься ли ты в своих поступках?» — был новый вопрос. «Никогда и ни за что. Я готов скорее претерпеть всяческие мучения и идти на смерть, чем раскаяться в том, что считаю благом для родины», — отвечал благородный царь.

Суд был кончен. Агис был приговорен к смерти, и стражи получили приказание отвести его в помещение, где совершались казни. Однако тюремщики и наемные воины отказались наложить руки на невиновного и всеми любимого царя. Тогда один из противников Агиса, человек необыкновенной силы, схватил царя и сам потащил к петле, которой его должны были задушить.

Нужно было спешить, так как весть об аресте и приговоре над царем быстро распространилась по всему городу. За воротами тюрьмы был слышен шум и виден свет факелов, освещавших толпу народа. Раздавались вопли матери и бабки Агиса, которые прибежали к тюрьме и с громкими рыданиями требовали, чтобы спартанскому царю была дана возможность оправдаться перед народом.

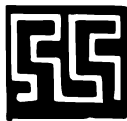
Враги бывшего царя поспешили с казнью. Идя к месту казни, Агис увидел одного из своих сторонников в слезах.

«Перестань плакать! — сказал он. — Погибая несправедливо, вопреки закону, я стою выше своих убийц». С этими словами он добровольно подставил свою шею смертельной петле.

На крики и шум толпы за ворота тюрьмы вышел один из эфоров. Его встретили здесь мать и бабка Агиса, умоляя спасти сына и внука. Эфор заявил им, что бывший царь находится вне опасности, и предложил войти в тюрьму и лично убедиться в этом. Обманутые женщины вошли в ворота тюрьмы, и успокоившаяся толпа стала расходиться. Тогда эфор приказал запереть ворота и отдал обеих женщин палачам.

Сначала задушили бабку Архидамию в том же помещении, где был Агис. Когда вошла туда ничего не подозревавшая Агесистрата, она увидела труп сына, лежащий на земле, и мать, висящую в петле. Несчастная женщина сохранила еще столько твердости, что сняла труп матери и, положив его рядом с сыном, приготовила к погребению. Затем она добровольно отдалась в руки палачей.

Первая попытка реформы кончилась неудачно, во-первых, потому что невозможно было вернуть Спартанское государство, находившееся в состоянии глубокого упадка, к Ликурговым порядкам; во-вторых, потому что благородный правитель Агис был лишен черт борца и вождя. У него не было непреклонной воли и стойкости, не отступающей перед необходимостью применить силу к богачам. Нужен был правитель иного склада. Такой человек вскоре появился в Спарте. Это был царь Клеомен.

КЛЕОМЕН

(III в. до н. э.)

Клеомен был старшим сыном царя Леонида, погубившего благородного Агиса.

После казни Агиса царь Леонид насильно выдал его вдову Агиати́ду замуж за Клеомена, чтобы завладеть ее имуществом. Агиатида отличалась изумительной красотой и была одной из самых богатых наследниц: спартанский царь не желал, чтобы ее состояние перешло в другую семью. Вдова несчастного Агиса ненавидела старого царя, как убийцу своего мужа, но полюбила его сына и стала ему преданной женой. Клеомен также полюбил Агиати́ду и сумел оценить ее преданность покойному мужу. Агиатида часто рассказывала Клеомену о своем первом супруге, павшем жертвой ненависти и коварства богачей,

говорила о его любви к народу и смелых планах возрождения могущества и славы родины. Клеомен с искренней симпатией слушал эти рассказы и проникся уважением к светлой памяти Агиса.

Подобно Агису, Клеомен также получил хорошее образование. Его наставником и другом был знаменитый ученый Сфер Борисфенский, который имел большое влияние на спартанскую молодежь. Сфер учил, что царь — это только первый гражданин, лишь слуга народа и поэтому обязан всецело посвятить себя его благу. Со всем пылом юности Клеомен воспринял эти демократические идеи и с возмущением наблюдал за всем происходившим в Спарте после гибели Агиса.

Победившая кучка богачей опиралась на иноземных наемников: богачи назначали из своей среды угодных им эфоров и геронтов; они думали только о своих личных выгодах и удовольствиях, по-прежнему жили в роскоши и яростно преследовали всех бывших сторонников Агиса.

Простой народ, как и раньше, жил в нищете, но потерял теперь всякую надежду на лучшее будущее. Правительство царя Леонида и в отношениях с соседями руководствовалось только классовыми интересами и довело Спарту до величайшего унижения. Так, например, когда заклятые враги Спарты — этолийцы — вторглись в Лаконскую область, оно даже не пыталось оказать сопротивление. Мало того, когда оказалось, что набег этолийцев не грозит самой Спарте, богачи обрадовались уходу врагами множества лаконских переизков. Они говорили: «Это избавило нас от лишнего бремени. Теперь беднота уже не так страшна!»

Около пяти лет продолжалось самовластное правление старого царя Леонида. После его смерти на престол вступил 26-летний Клеомен (236 г. до н. э.).

Клеомен был столь же талантлив и умен, как Агис, но отличался железной волей и неукротимой настойчивостью. Он твердо решил продолжить дело Агиса, если нужно — насильственным путем. Не найдя сочувствия у друзей, он задумал один, без помощников, совершить переворот при помощи военной силы.

Клеомен понимал, что реформы будут успешны только тогда, если удастся уничтожить главную опору богачей — совет старейшин (герусию) и эфорат. А для этого нужно

было создать войско не из наемников, а из граждан, кровно заинтересованных в переделе земли и имущества богачей. С этим было связано и возрождение военного могущества Спарты.

Вскоре Клеомену пришлось вести войну против прежних союзников — ахейцев. Союз ахейских городов во главе со стратегом Аратом в течение долгого времени стремился объединить под своим руководством одно за другим все государства Южной Греции. Главные усилия Арата были направлены на присоединение двух крупнейших государств Пелопоннеса — Аргоса и Спарты. После неудачной попытки захватить Аргос Арат обратился против Спарты. Тогда эфорам пришлось отдать приказ Клеомену выступить в поход против ахейцев.

Наконец, Клеомену представлялся удобный случай выйти из бездействия, испытать свои силы и найти опору для своих замыслов. Царь набрал отряд в 5000 человек из преданных ему бедных граждан. С этим отрядом он успешно действовал против ахейцев и захватил у них несколько городов. Затем Клеомен вызвал из изгнания брата Агиса, Архидáма, чтобы сделать его своим соправителем.

Убийцы Агиса любезно встретили Архидáма, когда он прибыл в Спарту, но затем убили его. Это событие побудило Клеомена ускорить государственный переворот. Он привлек на свою сторону много влиятельных и знатных людей и, обеспечив себе их поддержку, снова отправился в поход.

Противнику Клеомена Арату удалось за это время, собрав все силы, присоединить Аргос к Ахейскому союзу. В ответ на это Клеомен вторгся в Аргосскую область и опустошил ее.

Арат и другие стратеги при встрече на поле битвы с Клеоменом обнаружили растерянность: несмотря на численное превосходство, они отступили без боя. В сражении при Ликее (в Арка́дии) Клеомен одержал блестящую победу над ахейцами.

Царь хотел преследовать врагов, чтобы довершить их поражение, но встретил неожиданное противодействие со стороны эфоров. Богачи и их ставленники-эфоры боялись успехов молодого царя и роста его популярности в народе. Кроме того, в их планы не входил полный разгром Ахейского союза. Эфоры послали Клеомену приказ прекратить

военные действия. Тогда царь, подкупив эфоров, добился разрешения продолжать войну.

Затем он снова выступил в поход и дал сражение ахейцам и мегалополитанцам под Мегалополем. Бой начался неудачно для спартанцев: часть их армии была разбита; однако, преследуя неприятелей, конница мегалополитанцев очутилась в местности, неудобной для сражения в конном строю, среди виноградников, канав и изгородей. К тому же один из начальников мегалополитанцев пал в битве.

Его смерть вызвала замешательство среди мегалополитанцев. Тогда спартанцы под предводительством Клеомена с криком бросились на врагов и обратили в бегство всю неприятельскую армию. Множество ахейцев и мегалополитанцев погибло, а еще больше попало в плен. Клеомен одержал полную победу.

После этой победы Клеомен мог рассчитывать на преданное ему войско и наемников. Он обратился к друзьям с предложением произвести переворот. «Необходимо,— говорил он,— немедленно устранить эфоров и разделить земли и имущество богатых между всеми гражданами. Тогда грекам не будут страшны македоняне и другие завоеватели».

Получив согласие друзей, Клеомен выступил в новый поход; при этом он взял с собой на войну тех, кого считал возможными противниками переворота. Это были крупные богачи и их сыновья. Затем он оставил свое войско в Аркадии на отдыхе, а сам с преданным ему небольшим отрядом наемников внезапно повернул назад к Спарте и неожиданно подошел к столице. Ничего не подозревавшие эфоры обедали, когда воины Клеомена ворвались в помещение. Все эфоры были изрублены.

Кресла эфоров — знаки их власти — были уничтожены. Восемьдесят человек, наиболее непримиримых врагов, Клеомен велел схватить и отправить в изгнание. Так произошел государственный переворот в Спарте.

Затем царь созвал народное собрание и выступил перед ним с речью. Спартанцы были немногословны и не любили длинных речей. Речь Клеомена была краткой: «Если бы я мог исцелить Спарту от ее недугов — роскоши, долгов и кабалы,— а самое главное, от источников всех пороков — бедности и богатства,— не чиня никаких насилий, я считал бы себя самым счастливым из всех владык

в мире,—сказал царь.—Я, как врач, излечил бы отечество без боли,—продолжал Клеомен,—но мирные средства оказались невозможны. Пришлось прибегнуть к силе. Иного выхода у меня нет!»

Клеомен объявил об отмене эфората, так как эфоры присвоили себе слишком много власти и мешают делать то, что полезно для государства. Он уничтожил и герусию: вся власть отныне должна была принадлежать только царям. Чтобы не встретить сопротивления от другого, может быть, враждебного его планам царя, Клеомен сделал соправителем своего брата Евклида.

Затем царь объявил о своем намерении немедленно произвести передел земли и имущества. Клеомен отказался от всех своих владений в пользу народа, и его примеру последовали все его родственники и друзья. После этого были переделены земли и имущество остальных граждан. При дележе царь велел отвести земельные участки всем изгнанникам, обещая разрешить им впоследствии вернуться на родину.

Клеомен включил в число полноправных граждан (спартиатов) периеков и некоторых иностранцев, образовав из них отряд в 4000 тяжеловооруженных солдат (гоплитов). Теперь спартанское войско вновь стало сильным и страшным для врагов.

После того как введено было равенство имущества, Клеомен решил восстановить для всех общие обеды (сисситии) и ликурговскую систему воспитания юношества. Всем гражданам рекомендовалось вести умеренный образ жизни, есть черную спартанскую похлебку, носить простую одежду и т. д. Большинство граждан добровольно примирилось с суровым образом жизни, свойственным древним спартам, но были и такие, которые посмеивались над старинными обычаями, считая их нелепыми.

Между тем ахейцы и их стратег Арат надеялись, что Клеомен, занятый реформами, не сможет некоторое время вести войну в Пелопоннесе; они жаждали передышки, чтобы оправиться после страшного поражения. Однако Клеомен не побоялся покинуть столицу в такое тревожное время. Он оставил в Спарте своего брата Евклида, а сам немедленно отправился в поход.

Вести о происшедших в Спарте событиях всколыхнули весь Пелопоннес. Во многих городах начались восстания;

беднота повсюду требовала отмены долгов и передела земли. Бедняки и обездоленные видели в Клеомене своего спасителя и надеялись, что он поможет освободиться от власти ненавистных ахейцев. Прибывавшие к Клеомену послы из городов Пелопоннеса удивлялись простому обращению царя, отсутствию роскоши и скромной обстановке, в которой он жил.

Богачи всей Греции ненавидели и боялись Клеомена. Они в страхе думали, что если Спарта усилится, то Клеомен отнимет власть у них и раздаст беднякам землю.

Первыми пригласили к себе Клеомена на помощь жители города Мантинэи. Клеомен прибыл в город ночью и помог изгнать стоявший там ахейский гарнизон. Затем он двинулся на север Пелопоннеса в самую Ахейскую область и разбил в решительном сражении ахейскую армию наголову. Теперь могущество Ахейского союза было сломлено!

Затем Клеомен отправил к ахейцам послов с требованием передать ему верховную власть над Ахейским союзом. Он не думал теперь о вмешательстве во внутренние дела отдельных государств; о переделе земли и отмене долгов не было и речи. Царь стремился лишь укрепить положение мелких свободных и полусвободных землевладельцев, чтобы создать из них крупную военную силу и объединить Пелопоннес. Ахейцы ответили согласием и пригласили Клеомена явиться в город Лэрну (в Аргосской области), где должно было состояться союзное собрание.

Однако Клеомен как раз в это время заболел и не мог потому своевременно прибыть в Лэрну. Воспользовавшись этим, Арат решил любой ценой не допустить установления господства спартанцев в Пелопоннесе.

Когда Арату не удалось заставить ахейцев отклонить требования Клеомена, он принял роковое для свободы Греции решение: ахейский стратег призвал в Пелопоннес македонских завоевателей во главе с царем Антигоном Досоном. Ради интересов богачей Арат предал свою родину тем самым македонянам, которых он сам некогда изгнал из Пелопоннеса! Страх перед народом оказался у него сильнее любви к родине.

Арат договорился с македонским царем о помощи и затем потребовал от Клеомена, чтобы тот явился один в собрание ахейцев. Богачи и их ставленник Арат боялись, что появление спартанского войска в Аргосе будет сигнала-

лом для восстания бедноты. Клеомен прибыл на собрание, но договориться с Аратом и ахейцами ему не удалось. Война вспыхнула с новой силой.

Между тем в ахейских городах начались волнения; народ и беднота всюду были на стороне спартанцев; они негодовали на Арата и считали его изменником общегреческому делу. Тогда Клеомен вступил в Ахайю и взял несколько ахейских городов; далее он двинулся к Аргосу, захватил город и затем осадил Коринф.

Однако Клеомен допустил ошибку: он не призвал народ во всех завоеванных городах немедленно к дележу земли и имущества богатых. Вместо этого царь делал безуспешные попытки сговориться с руководителями греческих городов-государств.

В это время Антигон Досон с двадцатитысячной македонской армией по призыву Арата двинулся из Средней Греции навстречу победоносным спартанцам. Враги Клеомена — партия богатых граждан — при приближении македонян подняли восстание в Аргосе и захватили город.

Клеомен подошел к Аргосу и готовился к штурму города, когда заметил, что в тылу у него неожиданно появилась македонская конница и с возвышенности медленно спускается тяжелая вражеская фаланга. Войску Клеомена пришлось отступить и поспешить к Спарте, чтобы не быть отрезанным от родины.

Все плоды блестящих побед Клеомена в Пелопоннесе были теперь потеряны; македоняне брали города, оставшиеся верными Клеомену, разоряя их, продавая жителей в рабство. Один за другим союзники покидали спартанцев.

Когда отступающая армия Клеомена находилась у города Тегей, Клеомену принесли печальную весть о смерти его жены Агиатиды. Убитый горем царь внешне сохранял удивительное самообладание и спокойствие; его голос, выражение лица, обращение с людьми остались такими же, как и раньше; как обычно, он отдавал приказания начальникам войска. Наутро он прибыл в Спарту, чтобы похоронить умершую.

После этого Клеомен вновь обратился к государственным делам: для спасения родины необходимо было спешно искать союзников, так как вести длительную войну с сильной Македонией маленькая Спарта не могла.

Возможным союзником был заклятый враг Македонии египетский царь Птолемей III. Он обещал помочь

Клеомену деньгами и войском, но требовал за это в заложенники мать и детей царя. Клеомен долго не решался сказать об этом матери. Когда ему, наконец, с горестью пришлось признаться матери, царица сказала: «Скорей сажай нас на корабль и отправляй туда, где я могу быть полезной родине». При расставании она сказала сыну: «Постарайся, чтобы никто не увидел наших слез и не мог заметить какого-нибудь поступка, недостойного нашей родины!» С этими словами царица спокойно взшла с детьми на борт корабля, приказав кормчему немедленно поднять якорь.

По прибытии в Египет она узнала, что Птолемей III ведет с Антигоном переговоры; ей передали также, что ахейцы предлагают Клеомену мир, но царь, в страхе за мать и детей, не решается заключить мир без согласия Птолемея III. Тогда царица немедленно отправила сыну письмо с приказанием забыть о своей семье и думать только о благе родины, не опасаясь Птолемея III и не тревожась из-за одной старухи и малых детей.

Между тем Антигон продвигался на юг. Он уже взял Тегею, разграбил Орхомен и Мантинею и подступил к границам Спартанской области. Клеомен энергично готовился к борьбе с врагами. Он стал отпускать на волю илотов, беря с них выкуп по 5 мин¹. Таким образом ему удалось собрать огромную сумму в 500 талантов. Затем он вооружил две тысячи человек по македонскому образцу для борьбы с фалангой Антигона. Окончив военные приготовления, Клеомен решил сам напасть на врагов.

Смелым ударом царь захватил большой город в центре Пелопоннеса Мегалополь. Он обещал пощаду гражданам, если они выйдут из Ахейского союза. Мегалополистанцы отказались, и Клеомен приказал разрушить самые большие кварталы города и затем отступил в Спарту. Македонская армия зимовала в это время в разных городах Пелопоннеса, а сам Антигон с небольшим отрядом находился в Аргосе.

Тогда Клеомен решился на отчаянно смелое предприятие: он внезапно двинулся на Аргос, но тут царя ждала неудача. Антигон укрылся за стенами города. Клеомену пришлось снова отступить: он рассчитывал затянуть войну,

¹ *Мина* — $\frac{1}{60}$ часть таланта.

так как знал, что в самой Македонии неспокойно — в это время иллирийские племена совершили опустошительный набег на Македонию с севера. Если бы Клеомен еще хотя бы в течение двух дней сумел уклоняться от сражения, возможно, он был бы спасен, так как македоняне должны были бы отступить. Но незадолго до этого он получил сообщение от египетского царя Птолемея, что помощь ему будет прекращена. Нужна была решительная победа, и Клеомен со своей 20-тысячной армией смело бросился в бой против вдвое превосходящих сил противника.

Спартанцы сделали последнее усилие, чтобы спасти родину и Грецию от македонских захватчиков. На защиту родной страны были призваны все способные носить оружие граждане и даже илоты. Горные проходы, ведущие к Спарте, были укреплены рвами, окопами и сваленными деревьями.

Решительное сражение произошло недалеко от Спарты, около города Селассии. Армия Клеомена занимала сильную позицию на возвышенности. Левым крылом спартанцев, расположенным на высоком холме, командовал Евклид; в центре кавалерия и пехота прикрывали путь к Спарте. Македонянам удалось вначале смять левое крыло и центр спартанцев, однако на правом крыле спартанцы под начальством Клеомена держались стойко. Упорный бой длился много часов, несколько раз македоняне колебались перед отчаянным мужеством спартанцев.

Наконец, фаланга Антигона со страшным криком, выставив копья, бросилась вперед, сметая все на своем пути. Судьба боя была решена натиском вдвое превосходящих численностью македонян. 16 000 спартанцев были изрублены на месте, не отступив ни на шаг; спаслись только сам царь Клеомен с 200 спартанцев и 4000 наемников.

В Спарте ничего не знали об исходе битвы. Остававшиеся в городе граждане, кто чем мог, хотели помочь сражающимся: двери домов были открыты, жители оказывали помощь раненым. Вдруг с немногочисленными спутниками прискакал царь Клеомен, забрызганный кровью и грязью, и сообщил о страшном несчастье.

О дальнейшем сопротивлении нельзя было и думать. Клеомен сам советовал гражданам покориться, умоляя их «сохранить себя для лучших дней родины».

Смерти Клеомен не боялся, но робким, малодушным показалось ему предложение одного из друзей покончить

самоубийством. Царь направился к берегу моря, с несколькими друзьями сел на корабль и отплыл в Египет. Он надеялся еще склонить царя Птолемея к новой войне против Македонии и решился ожидать благоприятной перемены обстоятельств.

Вскоре македоняне заняли Спарту. Против ожидания, Антигон обошелся с населением милостиво, сохранив гражданам жизнь и собственность. Все реформы Клеомена были отменены, земли и имущество снова возвращены богачам, восстановлены герусия и эфорат, царская власть отменена. Спарта должна была войти в Ахейский союз.

Когда Клеомен со спутниками прибыл в Александрию, столицу Египта, египетский царь Птолемей III, много лет всевавший с Македонией, принял Клеомена с почетом и обещал послать его в Грецию с флотом и войском для восстановления на престоле, а пока назначил ему ежегодное содержание в 24 таланта. Привыкший жить скромно, царь Клеомен расходовал большую часть этой суммы на помощь спартанским изгнанникам в Египте, которых набралось до трех тысяч человек.

Вскоре, однако, царь Птолемей III Эвергёт умер. На престол вступил Птолемей IV Филопатор — ничтожный человек и пьяница.

Новый царь все время находился во власти постоянных страхов и подозрений, ловко разжигаемых его любимцами. Придворные внушали царю, что Клеомен, этот «лев среди овец», как они говорили, представляет для него опасность, так как греческие наемники, служившие в египетской армии, и пелопоннесские изгнанники стоят на стороне Клеомена и по первому его знаку готовы взяться за оружие.

Между тем положение дел в Греции и Пелопоннесе звало Клеомена настоящим образом на родину. Антигон умер, и после его смерти в Пелопоннесе начались новые волнения и война между ахейцами и этолийцами.

Клеомен, отчаявшись получить от египтян флот и вспомогательное войско, стал просить царя отпустить его одного с друзьями в Грецию.

Однако царь Птолемей не отпускал Клеомена. Более того, он подверг спартанского царя и его друзей домашнему аресту, не разрешая им выходить из дому. Клеомен понял, что его не выпустят из заключения, и вместе со

своими спутниками решился бежать, чтобы вернуться на родину или умереть со славой.

Когда царь Птолемей уехал из Александрии, Клеомену и его друзьям удалось напоить стражу и вырваться на свободу. С оружием в руках, с громкими криками спартанцы призывали жителей столицы к восстанию и свободе. Однако жители в страхе разбежались, прячась по домам при виде кучки храбрецов.

Попытка спартанцев завладеть городской тюрьмой и выпустить заключенных также потерпела неудачу. Теперь им оставалось отдаться в руки палачей или покончить жизнь самоубийством. Они предпочли смерть, достойную спартанцев, и перебили друг друга. Один за другим падали доблестные спартанцы от руки своих друзей. Наконец, остались в живых только двое: царь Клеомен и юный Пантэй, любимец царя, некогда первым занявший Мегалополь. Пантэй нанес Клеомену смертельный удар, поцеловал его и затем покончил с собой. Так умер царь Клеомен в 219 г. до н. э.

Весть о самоубийстве Клеомена и его товарищей быстро распространилась по городу. Мать Клеомена, Кратесиклэя, обняв своих внуков, горько плакала. Неожиданно старший мальчик вырвался из ее рук и бросился с крыши вниз головой; однако он не расшибся до смерти, получив только тяжкие увечья.

Узнав о восстании, царь Птолемей велел распять на кресте труп Клеомена, детей же его вместе с бабкой Кратесиклеей и сопровождавших их женщин — казнить.

После смерти Клеомена движение бедноты в Спарте продолжалось. Появились другие народные вожди, называвшие себя тиранами, которые продолжали дело Клеомена. Борьба шла с переменным успехом вплоть до того, когда в дела Греции вмешалась новая сила — Рим. Подчинив Спарту и другие греческие государства, римские завоеватели надолго установили там свое господство.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Ликург	13
Солон	33
Фемистокл	49
Аристид	64
Перикл	79
Никий	101
Алкивиад	119
Лисандр	135
Агесилай	147
Пелопид	158
Демосфен	173
Александр	188
Агис	224
Клеомен ,	235

*Марк Наумович БОТВИННИК,
Георгий Андреевич СТРАТАНОВСКИЙ*
ЗНАМЕНИТЫЕ ГРЕКИ

Редактор *В. М. Балев*
Переплет художника *Н. К. Кутилова*
Художественный редактор *Л. Н. Наумов*
Технический редактор *В. И. Корнеева*
Корректор *Т. М. Графовская*

Сдано в набор 21/IX 1965 г. Подписано к печати
14/II 1966 г. (Тем. план 1966 г. № 452). Формат
84×108¹/₃₂. Печ. л. 7,75 (13,02). Уч.-изд. л. 12,65.
Тираж 110 000 экз. Заказ № 103.

* * *

Издательство «Просвещение» Комитета по печати
при Совете Министров РСФСР. Москва, 3-й проезд
Марьиной рощи, 41.

Главполиграфпром Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Отпечатано в Ордена
Трудового Красного Знамени Ленинградской
типографии № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горь-
кого, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26 с матриц
Ленинградской типографии № 4, Социалистиче-
ская, 14.

Цена без переплета 32 коп. Переплет 15 коп.

Цена 47 коп.

